

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. И. Д. ЕРМАКОВА

ВЫПУСК V

S. Freud, E. Jones, Hattlinberg, Sadger

ПСИХОАНАЛИЗ
И УЧЕНИЕ О ХАРАКТЕРАХ

Перевод д-ра В. А. БЕЛОУСОВА

Предисловие проф. Ив. Дм. ЕРМАКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Психологическая и психоаналитическая библиотека.

Вышли:

- Вып. I. *S. Freud*. Лекции по введению в психоанализ.
Том I (вышел 2-м изданием).
Вып. II. *S. Freud*. Лекции по введению в психоанализ.
Том II.
Вып. III. *S. Freud*. Основные психологические теории в
психоанализе.
Вып. IV. *S. Freud*. Методика и техника психоанализа.
Вып. V. *S. Freud, Jones, Hattinberg, Sadger*. Психо-
анализ и учение о характерах.

Готовятся и печатаются:

- Вып. VI. *S. Freud*. Тотем и табу (психология первобыт-
ной культуры).
Вып. VII. *Jung*. Психологические типы.
Вып. VIII. *S. Freud*. Очерки по психологии сексуальности.
Вып. IX. *S. Freud*. Толкование сновидений.
Вып. X. Психоанализ слова и символика.
Вып. XI. Психоанализ детского возраста.
Вып. XII. *Kelsen, Federn, Kolnai*. Психоанализ и социо-
логия.
Вып. XIII. *Ив. Ермаков*. Гипнотизм.
Вып. XIV. *Ив. Ермаков*. Этюды по психологии творчества
А. С. Пушкина.
Вып. XV. *Ив. Ермаков*. Органичность и выразительность
в картине.
Вып. XVI. *Ив. Ермаков*. Творчество Н. В. Гоголя.
Вып. XV.I. *S. Freud*. Детское воспоминание Леонардо да
Винчи.
Вып. XVIII. *Green*. Психоанализ в школе.
Вып. XIX. *Hug-Helmuth*. Психическая жизнь ребенка.
Вып. XX. *Jones*. Патоневрозы и их лечение.
Вып. XXI. *Reik*. Проблема религии.
Вып. XXII. *S. Freud*. Градива.
Вып. XXIII. *S. Freud*. Орывки из истории одного детского
невроза.
Выпуски XIV, XV, XVI, XXII и др. составляют серию
по ПСИХОАНАЛИЗУ ТВОРЧЕСТВА.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФЕССОРА И. Д. ЕРМАКОВА

Выпуск V

S. FREUD, E. JONES, HATTINBERG, SADGER

ПСИХОАНАЛИЗ И УЧЕНИЕ О ХАРАКТЕРАХ

ПЕРЕВОД Д-РА В. А. БЕЛОУСОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ ПРОФ. ИВ. ДМ. ЕРМАКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

INTERNATIONAL
PSYCHOANALYTIC
UNIVERSITY BERLIN

Гиз. № 4321.

Главлит. № 8223. Москва.

Напеч. 6.000 экз.

„Мосполиграф“. 1-я Образцовая типография, Пятницкая, 71.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Вопрос о сущности характеров человека — древний, всегда интересовавший психологов, вопрос, нашедший свое освещение в бесчисленных работах и до сих пор живо обсуждаемый в литературе.

Как прежние, так и многие современные психологи начинали разрешение этой проблемы с того, что создавали сначала классификацию темпераментов или характеров, а затем уже рассматривали отдельные личности, помещая их в ту или иную группу. От таких заблуждений несвободны и многие современные исследователи.

В своей книге «Очерк науки о характерах» А. Лазурский определяет характерологию [как науку, изучающую душевные особенности (наклонности), которыми люди отличаются друг от друга, а также взаимные отношения между этими наклонностями. Конечной целью этой науки является составление возможно полной естественной классификации характеров.

Под наклонностью (т.-е. способностью, душевным качеством) Лазурский понимает возможность многократного повторения у данного лица известной стороны того или иного душевного процесса. В более узком смысле термин этот может означать те неизвестные нам и недоступные современному психологическому анализу субъективные причины и условия, которые своим продолжительным и непрерывным действием обуславливают подобную возможность. Под характером автор понимает совокупность свойственных данному лицу наклонностей, преимущественно основных.

Вопрос об анатомо-физиологическом корреляте наклонностей и характера, который привлекал внимание всех исследователей, в древности решался на основе циркуляции в теле человека соков, характер или темперамент связывался с выделением

желчи (меланхолический, холерический темпераменты):— черная желчь соответствует меланхолии; с циркуляцией легкой или тяжелой крови связан сангвинический, с циркулирующей лимфой — лимфатический.

Современные исследователи занялись вопросом о большей или меньшей скорости и силе иннервации, обращали внимание на особенности в строении мышц и сосудистых стенок и т. п. Fouillée в своем труде *Tempérament et caractère* делит характеры по преобладанию в тканях организма процессов распада или восстановления. В. Perez все разнообразие характеров, со всеми сложными душевными проявлениями делит в зависимости от чисто физиологических признаков: быстроты, медленности и энергии движений.

В своем посмертном труде «Классификация личностей» Лазурский указывает, что в основу классификации современные авторы все более и более стремятся положить действительно основные, наиболее существенные стороны нервно-психической организации и душевной деятельности человека: преобладание рефлексорных актов над сознательными или обратно (Лесгафт), большее или меньшее развитие умственной, эмоциональной или волевой сферы (Ribot, Fouillée, Malapert, Ribery), степень развития и координацию различных стремлений (Paulhan), отношение их к нашему «я» (Лотский) и др. Лазурский усматривает во внутреннем механизме человеческой психики то, что он называет эндопсихикой, которую он отождествляет с нервно-психической организацией, рассматривая ее как сложный, организованный, непрерывно действующий, двусторонний (психо-физиологический) процесс. Эндопсихика составляет ядро личности, главную ее основу, отражаясь в значительной степени и на экзопсихических ее проявлениях. Экзопсихическими проявлениями Лазурский называет такие, содержания которых определяются отношением личности к внешним объектам, к среде, при чем понятие среды или объектов берется в самом широком смысле, так что оно охватывает всю ту сферу, которая противостоит личности. Сюда относятся как природа и материальные вещи, так и социальные группы и духовные блага и даже душевная жизнь самого человека, поскольку она может быть объектом известного отношения со стороны личности. Определив эти две стороны в характере личности, Лазурский, опираясь, как он сам

выражается, на существование «общего фонда психической энергии» (Sprengman), говорит о количественных колебаниях нервно-психической энергии и о качественных различиях, обусловленных этими колебаниями количества ее.

Мы не будем следовать [далее за Лазурским, так как все построения автора классификации личностей уже совершенно не связаны с тем, что дает [нам в этой области психоанализ.

Очень интересна работа Jung'a «Психологические типы», которая появится в одном из последующих томов нашей библиотеки, где мы о ней скажем подробно.

Чрезвычайно значительна работа двух французских авторов— A. Chaillou и L. Mac-Auliffe—о четырех типах строения человеческого тела (морфология): о типе церебральном, мышечном, пищеварительном и дыхательном. Эта работа, которая выросла, главным образом, на клиническом материале, обнаруживает медицинско-антропологический уклон, однако как мне известно, как принимавшему в ней участие, авторы живо интересовались и психическими особенностями всех четырех типов.

То, чего не успели сделать Chaillou и Mac-Auliffe, сделал в своей книге *Körperbau und Charakter* E. Kretschmer. Kretschmer, избрав два обширных круга психозов—циркулярный психоз и шизофрению, установил соответствующие им физические типы людей. Эти типы, как он полагает, свойственны и здоровым людям, у которых наблюдается тесное взаимоотношение и связь между строением тела и их характером.

Автор устанавливает три главных типа строения тела: 1) астенический, 2) атлетический и 3) пикнический; характеристику типов он изучает таким образом: тело, лицо, поверхность тела, железы внутренней секреции и половое влечение.

Kretschmer говорит о конституции, о характере и о темпераменте. Конституция—это та сумма качеств, которые передаются по наследству, понятие конституция—психофизическое, характер же—понятие психологическое: [это сумма всех аффективно-волевых реакций человека, возможных и возникших у него в течение его жизни, т.-е. из наследственного расположения и всех экзогенных факторов, наконец, понятие

темперамента пока еще не может быть окончательно формулировано, но оно имеет большое значение для биологической психологии.

Особенно интересна у Kretschmer'a характеристика схизоидов и циклоидов, т.-е. тех людей, которых нельзя назвать совсем больными, но которые находятся на границе между болезнью и здоровьем ¹⁾.

Эта новая работа, опирающаяся, главным образом, на исследования Bleuler'a и Краерелин'a, представляет выдающуюся ценность, но она совершенно не затрагивает тех, несомненно, важных и существенных наблюдений, которые сделаны были психоанализом в его работах над особенностями в характерах больных и которые привели сначала Freud'a, а затем и целый ряд других авторов к изучению вопроса о связи определенных проявлений у человека с теми или иными участками его тела, обладающими особой конституциональной чувствительностью и потому кладущих более или менее яркий отпечаток на личность и ее развитие. Такие участки тела, обладающие особой чувствительностью, связанные с теми или иными физиологическими отправлениями, доставляют человеку раздражения приятного характера; удовольствия от возбуждения определенных участков тела, так называемых эрогенных зон, психоанализ рассматривает как сексуальные (см. «Лекции по введению в психоанализ» Freud'a, т. II, стр. 103). Первой такой эрогенной зоной является зона рта и губ — оральная зона. Не все эрогенные зоны обладают одинаковой чувствительностью, эта чувствительность различных зон и у различных людей не одинаковая. Уже Lindner отметил, что ребенок, сначала удовлетворяющий себя только сосанием собственных своих пальцев или кулачков, скоро находит, знакомясь со своим телом, новую более раздражимую и доставляющую ему большое удовольствие зону, зону своих гениталий. От сосания, как примитивного удовлетворения себя, ребенок переходит к раздражению половых органов, к онанизму, который, как известно, наблюдается даже у младенцев, чем иной раз пользуются дурные няни, которые очень хорошо умеют успокоить раскричавшееся дитя, поглаживая его половые органы.

¹⁾ Интересующихся отсылаю к реферату о книге Kretschmer'a в журнале «Психологии, неврологии и психиатрии», том I, 1922 г., стр. 235.

Таких эротических зон у человека не мало, наиболее изученными в смысле их проявлений и важности в деле формирования характера являются прежде всего зона анальная, т.-е. тот участок кишечного канала, покрытый слизистой оболочкой, который является в то же время выводным отверстием. У ребенка, как это может обнаружить наблюдение, отмечается то, что он ищет наслаждения от функционирования своих органов — так называемый *Organlust*. После наслаждений, получаемых ребенком от акта сосания, у него наблюдается «скверная» привычка, доставляющая много огорчений ухаживающим за ним лицам, задерживать действие кишечника и распоряжаться этим актом по своему усмотрению.

Ребенок, как показывают наши многочисленные наблюдения, опорожняет свой кишечник не тогда, когда ему предлагают, а затем, уже в кровати, иногда непосредственно после того, как он только что продолжительное время сидел на судне. Нередко наблюдается, что ребенок удерживает часть своих извержений для того, чтобы затем сделать в постель. Это особенно нередко случается у тех детей, которые затем с сияющим выражением лица, если за ними не уследить, успевают измазаться с головы до ног своими извержениями. Если одни дети поднимают крики и крайне недовольны случившейся неприятностью, то зато другие используют эту возможность измазать себя и в восторге от этого. В другом месте в томике, где я буду говорить о детских играх, я освещу этот вопрос и тогда покажу, какие стадии развития претерпевает это проявление у детей.

Несомненно одно, что особая чувствительность анального отверстия, наблюдающаяся у таких детей, нередко остается на всю жизнь, и вовсе не так уже редки случаи, когда как будто бы вполне здоровый человек все еще продолжает получать особо острые и приятные ощущения от своего анального отверстия. Такие люди постоянно чувствуют свой проход, сидят ли они, ходят ли, делают ли какое движение, — все это непременно отзывается на чувствительности анальной зоны. Естественно, что о таких ощущениях люди не очень-то распространяются даже в кругу близких друзей и только врач-аналитик может убедиться в том, как часто это встречается у людей определенного психического склада. Озабоченность своим кишечником, капризность в его функционировании, громадная зависимость

его действия от психического состояния встречается у таких людей как правило, а у тех, кто страдает позывами в такое время, когда это совершенно невозможно удовлетворить, например, в гостях, при игре на рояли в публичных местах, при игре на сцене, при разговоре с особенно важным или уважаемым лицом, у таких лиц эта озабоченность достигает пределов, и тогда они делаются жалкими, несчастными и смешными и в глазах окружающих лиц и в своих собственных. Сексуальный характер анальной зоны раскрывается перед нами только тогда, когда мы шаг за шагом проследим за тем, как складывается сексуальная жизнь ребенка. Конечно, сексуальность проявляется у ребенка не как *deus ex machina*, не внезапно в один прекрасный день, но подготавливается постепенно в течение ранней его инфантильной стадии развития, гораздо раньше, чем наступает, наконец, половая зрелость.

Ранняя стадия особого рода организации сексуального у ребенка отличается большой неустойчивостью, Freud предлагает называть эту организацию прегенитальной. Наиболее ранней является стадия, когда ребенок сосет палец, и эта ротовая эрогенная зона (оральная фаза) оставляет неизгладимый отпечаток на всю последующую жизнь человека. В следующей затем стадии на первый план выдвинуты влечения характера садистического и анального. Эти влечения, впоследствии путем слияния с мужским или женским, которые пока проявляются в противоположностях активного (садистического) и пассивного (анального), образуют половую дифференцировку взрослого, отличие мужского от женского. Влечения пассивного характера связаны с анальной зоной, активного порядка — с садистическими проявлениями. Решительным моментом развития является подчинение всех сексуальных частичных влечений примату гениталий и подчинение сексуальности функции продолжения рода. Таким образом, в длинном процессе развития генитального влечения намечаются определенные стадии, фазы, протекающие не одинаково беспрепятственно и не одинаково преодолеваемые. Некоторые части либидинозной функции задерживаются на предыдущих ступенях развития, и в картине развития наблюдается примесь задержавшихся более ранних проявлений.

Такое явление мы называем регрессией. Она связана с тем, что частичное влечение на более ранней ступени развития

задерживается, и тогда такая задержка называется фиксацией влечений.

Благодаря регрессии может произойти возвращение общей сексуальной организации к тем ступеням, которые представляли собой предварительную фазу этого развития, фазу так называемых прегенитальных организаций.

Поскольку с тем или иным характером связаны определенные наклонности, предпочтительные формы реагирования, постольку из некоторых источников своих эrogenных зон человек получает большие добавления энергии для тех или иных наклонностей или реагирований.

Нельзя думать, что органические источники анальной эротики исчезают и перестают действовать благодаря появлению генитальной организации. Что же делается с анально-эротическими влечениями? Остаются ли они неизменными, находясь в состоянии вытеснения, подверглись ли они сублимированию или поглощению, превратившись в новую форму сексуальности, предопределенную приматом гениталий? Конечно, ни одна из этих возможностей не может быть судьбой анально-эротических влечений. Они в известном объеме и определенным образом распределяются и решают вопрос о судьбе анальной эротики.

О судьбе этой эротики психоаналитик может заключить из явлений регрессии, возникающих благодаря невротическим процессам. Если в сексуальной конституции определенных лиц существует усиление анально-эротических компонентов, то в процессе рассасывания их анальной эротики образуются предпочтительные способы реакций, постоянно встречающиеся в виде трех типичных для них черт характера, а именно: аккуратность, бережливость и упрямство. Этот характерный симптомокомплекс так часто встречается, так тесно связан с подчеркнутым анально-эротическим компонентом сексуальной конституции, что с тех пор, как Freud'у удалось его отметить и описать в 1908 году, он не вызывает никаких возражений в психоаналитическом опыте исследователей.

Попытка Freud'a выяснить определенные часто встречающиеся у одного и того же лица черты характера, исходя из тех особенностей детей, которые можно убедительно наблюдать в известном возрасте, представляет громадную ценность. Естественно, что самый источник, из которого развились эти черты,

подвергшийся осуждению и вытеснению, не может уже больше внушать нам благосклонного отношения к такой, как нам кажется, переоценке этой постыдной для «я» функции. Этим объясняется тот протест и то чувство обиды и оскорбления, которое испытывает наше «я», когда перед ним раскрываются такие взаимосвязанности. Но поскольку научный анализ меньше всего должен считаться с нашими аффективными реакциями, поскольку не чувство, а прежде всего установление связи между явлениями, хотя бы эти завоевания науки и казались бы нам уничижающими наше достоинство, является ее задачей: поскольку такая связь может быть установлена, постольку открытие Freud'a должно заставить нас обратиться не к нашим переживаниям, а к познанию таких явлений.

Эти явления, как это ясно, представляют громадный интерес не только в области изучения больного человека, не только в понимании патологических характеров, они учат нас тому, какая тесная связь существует между нашими процессами как будто бы только физиологического характера и нашими психическими особенностями.

Если для психоаналитика характер, развившийся у человека в связи с особой чувствительностью анальной зоны, представляет выдающееся значение, то не меньшее значение имеет он для педагога, которому нередко приходится присутствовать и наблюдать, как закладывается и начинает формироваться подобный характер. Какое-либо вмешательство, какое-либо участие со стороны воспитателя возможно только в том случае, если он, преодолев отвращение, мало помогающее познать явление, прежде всего узнает о существовании таких взаимоотношений и взаимосвязанностей, познакомится с тем важным процессом, который ведет к сублимации части примитивных раздражений, исходящих из этой анальной зоны, и по мере сил будет облегчать возможность осуществления такого культурного процесса. После того, как часть анальных раздражений в процессе культурного развития ребенка подверглась вытеснению, у него проявляется целый ряд действий и реакций, имеющих принудительный характер, осуществляющихся не потому, что они необходимы и полезны для реальной жизни человека, а единственно потому, что он не в силах иначе поступать, потому что что-то независящее и неподчиненное ему вынуждает его так реагировать.

Нередко человек прекрасно сознает всю нелепость и все огорчающее его и приводящее к конфликту в его отношениях с окружающим и с самим собой, но выхода из этого состояния он все равно не находит. Все его аргументы, все его рассуждения не делают его лучше, и если он иной раз может оправдаться перед другими, то в глубине своей, перед самим собою он чувствует себя беспомощным выйти из такого положения.

В статье Jones'a вопрос об анально-эротических чертах характера нашел свою дальнейшую разработку; громадный материал, которым располагает Jones, и его стремление классифицировать явления чрезвычайно облегчают возможность составить более полное представление о проявлениях при этом характере. Ценность работы Hattinberg'a в том, что он пользуется наблюдениями над детьми, и если нельзя вполне согласиться с его концепцией любви к страху, то наблюдения, которыми он делится в своей работе, заслуживают внимания.

Уретральная или мочевая эротика и связь ее с формированием характера, не ускользнувшая от взоров самого Freud'a, дает нам целый ряд наблюдений снова из детской жизни, в которой эти черты пока что мало изучены.

Работа Sadger'a дает не мало материала для того, чтобы составить себе представление о той нередкой и непреодолимой дурной привычке, с которой так часто приходится иметь дело педагогу, и где он, обыкновенно, оказывается беспомощным. Я говорю здесь о ночном недержании мочи у детей. Ни уговоры, ни обещания, ни раскаяния, ни соответствующие ограничения в смысле приема жидкостей, ни целый ряд других мер, как-то: жесткая постель, поднимание по несколько раз ночью с кровати, или не достигают своей цели, или только до известной степени могут ослабить эту неприятную особенность у иных детей. Но что же говорить о детях ¹⁾, когда, правда у нас относительно редко, встречаются случаи у взрослых людей, например, у новобранцев, которые без каких-либо достаточных оснований, по крайней мере что касается дефектов в центральной нервной системе (*spina bifida*) продолжают быть мскрыми по ночам. Мы не будем касаться здесь тех случаев, когда такой порок зависит от тех или других недостатков в анатомическом строении мочевыводящих путей, или он связан

¹⁾ В Турции и на Востоке такие явления чрезвычайно часты.

с заболеванием центральной нервной системы, при которых ночное недержание представляет собою только симптом другого более серьезного страдания. Мы остановимся на так называемых «функциональных» расстройствах мочеиспускания по ночам у людей, в общем не представляющих сколько-нибудь заметных и анатомически доказуемых нервных заболеваний.

Именно к этому роду относится громадное большинство детей, не остающихся по ночам сухими. Ни собственные их усилия, ни усилия взрослых, которые стыдят таких детей, не приводят к хорошим результатам. Конечно, здесь дело не в «дурной» воле детей, вовсе не в их распущенности, особенно если мы узнаем, что бывают случаи, где уже совершенно сложившийся, например, женатый, имеющий ребенка человек, с высшим образованием и занимающийся научной лабораторной деятельностью, несмотря на свои 35 слишком лет, никак не может освободиться от этой своей «унизительной», по его выражению, болезни. Бывают, однако, периоды, но он сам не знает отчего, когда его болезнь сама собою прекращается, и постель остается сухой. Так было, к его глубокому огорчению, когда он, призванный на военную службу, лежал на испытании в госпитале. Несмотря на то, что, идя на испытание, он несколько не сомневался в своей болезни, — он должен был поступить на службу, так как в госпитале он оставался сухим и его не признали больным. На службе мочеиспускание по ночам возобновилось. Тяжелые испытания, которые на себя накладывал этот больной, ничуть не помогали. Анализ выяснил, каковы были те детские переживания больного, с которыми связался его порок, и почему его постель в определенный час, около 5 часов утра, оказывалась мокрой. Нас интересует здесь вовсе не то, насколько анализу удалось раскрыть причины этого заболевания и насколько возможно освободить больного от его страдания. Интересно то, что по своему характеру этот больной представлял собой типичный случай уретрального эротика, так как у него не в прошлом, не в детстве отмечалось затянувшееся ночное недержание мочи, а оно имелось и в настоящем у больного, то у него и не развилось то, что развивается у уретральных эротиков после того, как они справятся со своим недержанием, и на что указывает в своей работе Freud — у него не было не только

непомерного, пламенного честолюбия и соревнования, наоборот, он крайне равнодушно и с безразличием относится к своей карьере. В связи с его уретральной эротикой находятся и его *ejaculationes praecoces*; таким образом половой акт у этого больного не что иное как его мочеиспускание. Днем очень часто он не в силах удерживать даже небольшого количества мочи в пузыре, но если встретит знакомых и разговорится с ними, особенно, если разговор его заинтересует, то он, к удивлению своему, может задержать иногда очень значительное количество мочи. Таким образом, у больного существует то, что мы называем гиперэстезия уретры, эрогенной зоны, тесно связанной с наиболее важными для больного переживаниями.

Половая способность у больного недоразвита, лучшие его удовольствия связаны с его прежней жизнью (регрессия), он чувствует себя беспомощным как ребенок, очень не самостоятельным, робок, стыдлив, любит воду, намоченные ткани, сырые вечера, особенно дождь.

Воспитание ребенок получил изнеживающее, отец как это нередко бывает, любил в шутку тянуть его за половой орган, так как сам был уретральным эротиком (момент конституциональный), мать очень баловала и нежила ребенка.

В самом начале лечения выяснилось, что если больной на ночь читает исторические книги (работает фантазия, возвращается к прошлому, как он думает), то у него постоянно бывают несчастья во время сна, если же он читает серьезную книгу, то этого не случается. Если ему удастся проснуться до 5 часов утра, то постель остается сухой. В период перенесения на врача у больного сразу наступило улучшение, но оно стало более прочным тогда, когда в анализе удалось пойти дальше.

Особый интерес родителей к половым органам детей—явление чрезвычайно распространенное, такой интерес проявляется не только в том, что родители теребят и вытягивают у детей их органы, но и в той особой озабоченности к чистоте ег), в страхе как бы не повредить этот орган у ребенка, а няньки нередко успокаивают детей, теребя или поглаживая их половые органы. И здесь, как в случае Sadger'a, мы имеем дело с наследственно-переданной конституцией, которая сказывается уже на маленьком ребенке больного.

Значение «недержания мочи по ночам» нельзя рассматривать как маленькую неприятную черту в поведении ребенка, которая современем сама собой должна пройти. Такие случаи требуют вмешательства врача и, конечно, не такого, который залупивает детей или грозит им, или негодует на них, и прежде всего такого, который понимает, каково значение этого симптома, как показателя сложных и важных психических процессов, происходящих в душе ребенка и ведущих его по определенному пути развития. В итоге такого развития могут получиться или 1) окончательный характер, в котором обнаруживаются первичные влечения или как продукты сублимирования этих влечений или же 2) образуются новые реактивные продукции на те же самые влечения. Статья Sadger'a в этом отношении является поучительной попыткой хотя бы сколько нибудь разобраться в этой области.

Что касается, наконец, последней статьи исследования того же автора, то она будет прочтена всеми с захватывающим интересом. Богатый материал из детской жизни, из детских переживаний в связи с целым рядом особых наклонностей в характере тех или иных лиц, в зависимости от большей чувствительности разнообразных, хотя и тесно между собою связанных эrogenных зон, позволит правильно подойти и оценить всю важность ощущений специфического характера, которые ребенок получает в период своего развития до наступления половой зрелости периода объединения частичных или парциальных влечений приматом гениталий.

Из работы Sadger'a можно видеть, какую громадную культурную роль играют превращения влечений, обращение их на ту или иную сферу в зависимости от связи их с теми или иными объектами. Делается понятным, что чем культурнее общество, тем более во имя развития отодвигается из соображений культурного роста человека период его полового развития, генитальной зрелости. Удлиняя период юношества, дают возможность использовать все те силы, которые, отклоняясь от прямой цели продолжения рода, образуют в своем развитии и сублимациях культурные ценности, в ином случае неосуществимые и недостижимые.

Сознательное отношение к спорту, как к источнику свободного изживания накапливающихся напряжений, ведущего к радости жизни и овладению собой, лежит не только в плоско-

сти понимания физиологических процессов, но и в оценке психосексуальных сторон спорта.

Наши отношения к различным проявлениям у ребенка нередко диктуются не теми знаниями, которые необходимы для правильной оценки тех или иных проявлений у него, а прежде всего теми нашими собственными недочетами, которые заставляют нас проецировать во вне, на окружающих то, в чем мы сами не свободны и с тем большим чувством переоценивать эти явления, чем сильнее они выражены в нас самих. Осознание многих источников наших неправильных отношений к ребенку позволяет нам при доброй воле, известной честности и мужестве перед самими собою достигнуть очень не-малого.

Одним из путей такого сознательного отношения к проявлениям психической деятельности ребенка — путь ознакомления с психоанализом, поскольку он в силах при настоящем положении наших знаний хотя бы несколько облегчить нам этот трудный путь.

Конечно, не следует переоценивать значение всего того, что дает нам в этой области анализ, исследования этого рода находятся еще в самом начале своем, и нужна громадная работа целых поколений для того, чтобы многое стало бы нам более понятным. У психоанализа есть одно не достаточно до сих пор оцененное преимущество. Выйдя и основываясь на наблюдениях, проверенных постольку, поскольку могут быть проверены такие явления, он приглашает прежде всего не закрывать глаза перед фактами; пусть каждый, не преследуя непременно цель доказать или опровергнуть наблюдения, займется ими сам, пусть только не спешит исследователь и дожидается того времени, когда сами факты заговорят своим языком; тот, кто работает в области психоанализа, тот, кто поборол в себе неправильные, мешающие пониманию явлений отношения к фактам сексуальности у детей, кто, прежде нежели оценивать и осуждать, захотел бы сначала научиться у фактов и стараться понять их,— тот в предлагаемой книжке несмотря на всю ее неполноту и далеко не законченную разработанность, найдет много ценного и нужного. Для лучшего понимания настоящего томика нашей библиотеки необходимо еще знакомство с сексуальными теориями Freud'a. В одном из следующих выпусков библиотеки будет дан целый ряд работ Freud'a

по этому вопросу с новейших значительно измененных и переработанных изданий.

Что же дает нам психоанализ в вопросе о характере человека? Не раскрывая нам пока более глубоких слоев и напластований, которые, может быть, следует искать в конституции, в унаследованных особенностях человека, психоанализ знакомит нас с теми добавлениями влечений, которые будучи связанными с теми или иными зонами нашего тела определенным образом влияют и создают в нас наклонность к таким действиям и типичным реакциям, в основе которых лежат наши первичные, от нашего тела получаемые раздражения, чувствительность и раздражаемость которых обусловлена, с одной стороны, факторами конституционального порядка, с другой—тем путем индивидуального роста и развития, какой проделал человек.

Нельзя все сводить к конституции человека, нельзя думать что наша терапия, как и наше воспитание не может ничего изменить, ничего исправить, такой пессимизм ничем не оправдывается. Напротив, тот, кто убедился, как много меняется в окружающих детей всякий раз, когда производилась по тому или иному случаю проверка себя,—тот найдет много бодрости и с новыми силами примется за работу.

В настоящее время нет ни одного педагогического, психологического или психиатрического журнала, где не было бы статей, знакомящих специалистов с этой новой областью. Уже не слышно в настоящее время тех резких ожесточенных нападок, которые еще так недавно сопровождали каждый отзыв, каждый обзор. Время «переживаний» психоанализа, нужно думать, закончилось, теперь настает время работы над ним и активного применения тех его выводов, которые после проверки окажутся правильными.

Проф. Ив. Ермаков.

Характер и анальная эротика ¹⁾).

Sigm. Freud.

Среди лиц, с которыми приходится иметь дело врачу-психоаналитику, довольно часто встречается особый тип людей, у которых, с одной стороны, может быть подмечена комбинация некоторых определенных черт характера, с другой же — обращает на себя внимание ряд особенностей, проявлявшихся у них в детском возрасте: особенностей, связанных с отправлениями одной физиологической функции и со средой заведующих этой функцией органов. У меня постепенно сложилось впечатление, что подобного рода характер органически связан с особенностями в функции этих органов; сейчас я не сумею сказать в связи с какого рода отдельными поводами у меня возникало это впечатление, могу, однако, заверить, что в его развитии не играли никакой роли предвзятые ожидания, исходящие из теоретических соображений,

Теперь опыт мой стал богаче, и уверенность в существовании подобной связи окрепла настолько, что я решаюсь сделать сообщение по поводу этих наблюдений.

Люди, которых я хотел бы описать, выделяются тем, что в их характере обнаруживается как правило присутствие следующих трех черт: они очень аккуратны, бережливы и упрямы. Каждое из этих выражений, в сущности говоря, уже само по себе относится к целому ряду или небольшой группе черточек характера, стоящих в тесном отношении друг к другу. Аккуратность обозначает здесь не только физическую чистоплотность, но также и добросовестность в исполнении иного рода мелких обязательств: на людей «аккуратных» в этом смысле можно положиться; противоположные в этом отноше-

¹⁾ Psychiatrisch-Neurologische Wochenschrift, под редакцией д-ра Joh. Bresler'a (Силезия), 9 год издания, 52, 1908.

нии черты: беспорядочность, небрежность. Бережливость может доходить до размеров скупости; упрямство иногда переходит в упорство, к которому легко присоединяется склонность к гневу и мстительности. Последние два свойства — бережливость и упрямство связаны друг с другом теснее, чем с первым, с аккуратностью, да и во всем комплексе они представляют более постоянную составную часть; но тем не менее мне кажется несомненным, что все эти три свойства связаны между собою, что они каким-то образом составляют одно целое.

Обычно можно без труда установить, что инфантильная *incontinentia alvi* в младенческие годы существовала у них сравнительно гораздо дольше, чем это бывает обыкновенно, и что неприятности в области этой функций случались с ними иногда и в более поздние годы детства. Повидимому, они принадлежали к той категории грудных младенцев, которые имеют обыкновение не опорожнять кишечника, если их сажать на горшок, так как акт дефекации доставляет им удовольствие¹⁾, и они извлекают из него как бы некоторую побочную выгоду. Дело в том, что из их рассказов выясняется, что им доставляло удовольствие задерживать стул даже в настолько возмужалом возрасте, а кроме того, и в их воспоминаниях попадаются указания на всякого рода неподобающую возню с только что выделенным калом; такие вещи, правда, чаще фигурируют в воспоминаниях о братьях и сестрах, чем о самом себе. На основании этих указаний мы заключаем, что к числу особенностей врожденной сексуальной конституции этих лиц относится более резко выраженная, гиперакцентуированная эрогенность заднепроходной зоны. Но так как все это бывает только в детстве, и в дальнейшем ничего от этих слабостей и особенностей не остается, то мы должны допустить, что эрогенное значение анальной зоны утрачивается, теряется в процессе развития. И вот мы делаем предположение, что указанная нами выше триада свойств и ее постоянство в характере данных субъектов могут быть поставлены в связь с этим поглощением и исчезновением анальной эротики.

Я знаю, что обыкновенно до тех пор не решаются допускать существования связи между явлениями, пока связь эта кажется непонятной, пока у нас нет никаких оправданных точек

¹⁾ Три статьи к сексуальной теории, 2, стр. 41, 1905 (4 издание 1920).

для ее удовлетворительного объяснения. Существуют, однако, некоторые предположения, с помощью которых нам удастся схватить, по крайней мере, самый основной и общий смысл изучаемого нами комплекса явлений: предположения эти изложены в трех моих статьях о теории сексуальности (1905 г.). В них я старался показать, что сексуальный инстинкт наш в высокой степени сложен, что в его развитии принимает участие многочисленный ряд отдельных элементов и парциальных влечений. В образовании «полового возбуждения» важную роль играет некоторые приходящие элементы: это периферические раздражения некоторых определенных частей или участков тела (гениталии; полость рта, заднепроходное отверстие, выводной проток мочевого пузыря). К этим участкам тела весьма подходит название «эрогенных зон». Судьба возникающих на этих участках раздражений является, однако, весьма различной, значение их варьирует также и в зависимости от возраста. Говоря вообще, только часть их утилизируется в сексуальной жизни, остальная часть подвергается отклонению от половых целей и направляется в сторону задач другого рода: сублимирование — вот подходящее название для этого процесса. В том периоде нашей жизни, который можно назвать периодом латентной сексуальности, начиная с пятилетнего возраста вплоть до первых проявлений *pubertati* (на одиннадцатом году), за счет раздражений, исходящих от эрогенных зон, в нашей душевной жизни создаются даже особые реактивные образования, особые контрастные силы: это стыд, отвращение и мораль — подобно своего рода плотинам они тормозят вступающую в дальнейшем в свои права активность полового инстинкта. И ход эволюции и наше связанное со всей культурой современное воспитание ведут к тому, что анальная эротика оказывается в числе тех компонентов полового инстинкта, которые становятся неприемлемыми для половых целей в тесном смысле, поэтому представляется вероятным, что свойства характера: аккуратность, бережливость и упрямство, столь часто наблюдающиеся у лиц с анальной эротикой в детстве, представляют собой непосредственные и самые постоянные продукты сублимирования анальной эротики¹⁾.

¹⁾ Маловдумчивых читателей статьи о теории сексуальности особенно задела мои замечания об анальной эротике грудных детей, поэтому приведу здесь в

Само собой разумеется, что и мне лично далеко не до конца ясна и понятна внутренняя необходимость подобной связи явлений, однако я могу привести некоторые данные, могущие послужить вспомогательным материалом при уяснении себе этой связи. Получается впечатление, что свойства:

качестве интересного примера наблюдение, сделанное одним из моих пациентов, человеком очень интеллигентным. Один знакомый прочел исследование о теории сексуальности и, высказываясь по поводу одной книги, говорит, что вполне согласен с нею, однако отмечает в ней одно единственное место, показавшееся ему до такой степени комичным и странным, что он, что называется, присел и с четверть часа хохотал до упаду. Вот это место: «если грудной ребенок упорно отказывается опорожнять свой кишечник, когда его сажают на горшок, и предпочитает исправлять эту функцию, когда вздумается ему самому, а не ухаживающим за ним лицам, то это один из лучших предвестников нервности или аномальности в будущем этого ребенка. При этом, конечно, у ребенка вовсе нет желания напачкать свою постель, он старается только, чтобы у него не пропало то особое наслаждение, которое он попутно извлекает из акта дефекации». Мой знакомый представил себе восседающего на горшке грудного младенца, занятого обсуждением того, может ли он защитить подобное стремление своей свободной воли, а кроме того, озабоченного также и тем, чтобы не упустить связанного с дефекацией удовольствия. Вот эта картина и привела его в веселое настроение. Однако, минут через двадцать приятель мой вдруг рассказал мне следующее, при чем без всяких посредствующих звеньев (без всякого внешнего повода): «Слушай, вот передо мною стоит какао, и мне пришла в голову идея, постоянно [занимавшая меня, когда я был ребенком. Я то и дело воображал, что я] фабрикант какао van Houten (он произнес «van Haut'n - ван Хаутн), что я обладаю замечательным секретом изготовления этого какао и что все окружающие хотят вырвать у меня эту тайну, способную осчастливить целый мир, я же берег ее самым тщательным образом. Почему я напал именно на van Hout'en, я не знаю. Мне верно понравилась реклама этой фирмы». Я рассмеялся и спросил его: «Wann haut'n die Mutter?» (Игра слов: van Houten—van Hauten—wann haut'n+die Mutter; последняя угроза означает: когда же мать бьет?). Сказал я это в сущности совершенно просто, не имея в виду ничего особенного, и лишь немного спустя я понял, что моя игра слов в действительности содержала в себе ключ к этому внезапно всплывшему воспоминанию детства. Я вижу в этом воспоминании блестящий пример маскирующей фантазии (Deckphantasie), возникшей на звуковых ассоциациях («Какао», wann haut'n); фантазия эта сохранила фактический момент (процесс питания), однако произвела полную переоценку всего содержания воспоминания и успокоила таким образом чувство вины (выделение пищи превращается в прием пищи, вызывающее стыд, и подлежащее поэтому маскированию воспоминание превратилось в способную осчастливить весь мир тайну). Мой знакомый начал с самозащиты (которая проявилась, правда, лишь в виде довольно умеренного, формального несогласия), но уже через какие-нибудь тринадцать минут его бессознательное против его воли снабдило его убедительнейшими доказательствами. Это было для меня чрезвычайно интересно.

чистоплотность, любовь к порядку и добросовестность—суть образования реактивные, это реакция на склонность к нечистому, постороннему, мешающему, не принадлежащему к собственному телу. («Dirt is matter in the wrong place».) Поставить упрямство в связь с интересом к дефекации задача, повидимому, не из легких, однако следует припомнить, что уже грудные младенцы в состоянии проявлять своеволие в связи с процессом испражнения (см. выше), и что общепринятая воспитательная мера, пускающая в ход болевые раздражения кожи ягодиц, связанной с эрогенной зоной заднего прохода, имеет в виду как раз упрямство ребенка, задается целью сломить упрямство и добиться послушания. Упрямое, идущее наперекор поведение, особенно же в сочетании с издевательством, отмечено употребительным как в наше, так и в прошлое время классическим выражением: поговорка эта состоит в предлжении поцеловать область заднего прохода—очевидно это подвергающаяся вытеснению форма нежности.

То же относится к обнажению или показыванию ягодиц, только в форме жеста; поговорку эту и жест мы находим в «Goetz von Berlichingen» Goethe, который очень удачно пользуется и тем, и другим как раз для выражения подобного упрямства.

Что общего, казалось бы, между комплексом дефекации и денежным комплексом? А между тем оказывается, что между ними очень много точек соприкосновения. Каждый врач, применяющий психоанализ, хорошо знает, что с помощью этого метода, можно избавить нервных субъектов от самых упорных, застарелых, так наз. привычных запоров.

Это обстоятельство перестанет особенно удивлять нас, если мы вспомним, что внушение тоже способно хорошо влиять на эту функцию. С помощью психоанализа указанное действие достигается, однако, только в том случае, если мы коснемся денежного комплекса нашего пациента и побудим его отдать себе полный отчет в этом комплексе во всех его отношениях. Людей, слишком боязливо расходующих свои деньги в просторечии называют «грязными» или «валяными» (schmutzig—грязный, filzig—валяный, английское слово «filthy» тоже значит грязный). Может показаться, что в данном случае психоанализ просто подхватывает намек обыденной речи. Однако подобный взгляд был бы слишком поверхностен.

Архаический способ мышления во всех своих проявлениях постоянно приводит в самую тесную связь деньги и нечистоты: так обстоит дело в древних культурах, в мифах и сказках, в суеверных обычаях, в бессознательном мышлении, в сновидениях и при психоневрозах. Дьявол дарит своим любовницам золото, а после его ухода оно превращается в куски кала: образ дьявола, конечно, не что иное, как олицетворение бессознательной душевной жизни с ее подвергнувшимися вытеснению инстинктивными влечениями ¹⁾. Существует суеверие, приводящее в связь процессы дефекации с находками кладов, а фигура «*Dukatenscheissers*» (непереводимое выражение — обозначающее человека, испражнения коего состоят из дукатов) известна всем и каждому. Уже по древне-вавилонскому вероучению ²⁾ «Золото только адские извержения»: *Mammon-ilu man-man*. В тех случаях, когда психоневротическое заболевание подражает разговорному языку, оно всегда берет слова в их смысле, там же, где получается впечатление, будто заболевание как бы наглядно изображает перед нами какое-либо слово или выражение, оно в действительности обычно только восстанавливает первичное значение этого слова.

Это условное отождествление золота и кала, может быть, находится в связи с переживанием резкого контраста между самым ценным, что известно человеку, и вовсе лишенным ценности, рассматриваемым как «отбросы» («*refuse*»).

В психоневротическом мышлении это приравнивание облегчается еще за счет следующего обстоятельства: примитивный эротический интерес к дефекации обречен, как мы уже знаем, на исчезновение в более зрелом возрасте, а в этом возрасте складывается интерес к деньгам, в детстве еще не существовавший; примитивному влечению, утрачивающему свой объект, таким образом облегчается нахождение себе новой цели, именно в этом вновь возникающем интересе к деньгам.

¹⁾ Сравни истерическую одержимость и демонические эпидемии.

²⁾ *Jeremias. Das alte Testament im Lichte des alten Orients*, 2, изд. 1906, стр. 216, и *Babylonisches im Neuen Testament*, 1906, стр. 96. «Мамон» (Маммон), а по вавилонски *man-man*, это эпитет Нергала, бога преисподней. По восточному мифу, мигрировавшему в саги и сказки других народов, золото не что иное, как нечистоты или адские извержения; см. *Monotheistische Strömungen innerhalb der bab. Rel.* стр. 16, прим. 1.

Если характер связи между анальной эротикой и названной триадой свойств действительно таков, как мы утверждаем, то едва ли следует ожидать, что подобный «анальный характер» можно отметить у тех лиц, у которых анальная зона сохранила свое эрогенное значение и в зрелом возрасте, как, напр., у некоторых гомосексуальных субъектов. Если я не слишком заблуждаюсь, это наше заключение вполне подтверждается эмпирически.

Следовало бы вообще обратить внимание и на другие виды характеров и выяснить, нет ли и в иных случаях связи с определенными эрогенными зонами. Мне лично до сих пор бросилось в глаза только то, что субъекты, страдавшие недержанием мочи, отличаются непомерным, пламенным честолюбием. Дефинитивный характер и способ его развития из конститутивных влечений — тема эта может быть охвачена следующей формулой: дефинитивные особенности характера представляют собой или неизменно продолжающие свое существование первичные влечения, продукты их сублимирования или же являются новообразованными, имеющими значение реакции на эти влечения.

Об анально-эротических чертах характера.

D-r Ernest Jones (Лондон) ¹⁾.

(Перевод Н. С. Белянкина.)

Самый поразительный результат исследований Freud'a, вызывающий, быть может, больше всего сомнений и больше всего протестов, составляет его открытие, что определенные черты характера, зависящие от сексуальных раздражений анальной зоны, обуславливают глубокие изменения в самом раннем детстве человека. То обстоятельство, что подобное утверждение кажется всякому на первый взгляд непонятым и странным, показывает нам только, насколько наше сознательное мышление чуждо нашему бессознательному, так как для того, кто серьезно занимается психоаналитическими исследованиями, такое утверждение не вызывает ни малейшего сомнения.

Вероятность, если только не безусловную доказательность высказанного утверждения можно почерпнуть, основываясь на двух биологических соображениях, из которых одно имеет отношение к онтогенетической, другое к филогенетической фазе этого физиологического процесса. Одно показывает нам, что акт дефекации в первые годы жизни младенца составляет один из главных интересов его жизни. Поскольку основное положение генетической психологии утверждает, что все развивающиеся в дальнейшем склонности и интересы зависят от более ранних, постольку нам следует задуматься над этим вопросом. Прибавим к этому, что у всех животных, не говоря уже о людях, функция принятия пищи является постоянно центром

¹⁾ Появилось в печати в «*Journal of abnormal Psychology*», т. 8, перепечатано в «*Papers on Psycho-Analysis*», 2 изд., 1918 года.

их интересов. Другое соображение приводит нас к тому, что многие сексуальные процессы и органы, как у отдельного человека, так и у целой расы, развились, повидимому, из экскреторных органов и в общих чертах образовались подобно им: например, как у низших животных, так отчасти и у человека, для обеих функций служат одни и те же выводные пути. Поэтому не следует удивляться, что примордиальные функции экскреции при их глубокой связи с сексуальными оказывают сильное воздействие на духовное развитие.

По логическому ходу мыслей мне следует предпослать изложение общего вопроса о детской сексуальности вопросу об анальной эротике в частности, но так как в современной литературе нет недостатка в изысканиях и разъяснениях на эту тему, то я коснусь его в самых кратких чертах. Вот каковы важнейшие открытые психоанализом факты: в слизистой оболочке, выстилающей анальное отверстие и кишечник, также и в слизистой оболочке полости рта соответственными раздражениями можно вызвать сексуальное возбуждение. Тем обстоятельством, что сила возбуждения зависит от силы, вызывающей раздражение, умеет пользоваться уже и младенец, упорно задерживающий освобождение (действие) кишечника, с тем, чтобы этим увеличить удовольствие при акте дефекации. Такая привычка в более позднем возрасте легко вызывает эротические запоры. Удовольствие, получаемое в этой области, обычно уже в молодом возрасте так удачно вытесняется, что большинство взрослых уже совершенно неспособно получать удовольствие при раздражениях анальной зоны; однако не мало и таких людей, у которых эта способность сохраняется.

Психическая энергия, которая прилагается первоначально к желаниям и возбуждениям, связанным с заднепроходной зоной, потом почти совершенно отклоняется по другим направлениям и ведет, в конце концов, к сублимированиям и реактивным образованиям, которыми я хочу здесь заняться. Я вовсе не собираюсь входить дальше в разновидности анально-эротических проявлений или затрогивать их значение в области воспитания, психоневротического образования симптомов и изучения извращений. Каждая из этих областей при углубленном трактовании потребовала бы значительного места.

В статье, в которой Freud ¹⁾ сообщил нам впервые свои наблюдения и заключения об этой теме, он ограничился указаниями на три черты характера, которые находятся в постоянной связи с сильно развитой анальной эротикой, а именно: любовь к порядку, бережливость и упрямство. Они представляют триаду важнейших анально-эротических свойств характера, к которым Sadger и я присоединили затем еще другие. Так как они до сих пор не были изложены в систематическом обзоре, то я хочу попытаться изложить их как в отдельности, так и во взаимоотношениях их друг с другом. Как мы и ожидали, некоторые из них отличаются положительным характером, именно, сублимированы, просто отклоняются от первоначальной цели; другие, напротив, негативны: это реактивные образования, которые строятся, как окопы, для того, чтобы защитить подавленные склонности в их вытеснении.

Blüher ²⁾ думает, что нашел различие между дефекационной эротикой, эротикой, связанной с дефекационным процессом, и анальной эротикой, связанной с другими проявлениями анальной зоны (мастурбация, педерастия). Его утверждению, что первая всегда автоэротична, противоречит, однако, содержание многих извращений. Так как, с другой стороны, все связанные с анальной зоной автоэротические проявления, в конечном счете, следует вывести из дефекационной эротики, то мне кажется излишним вводить для этого особый термин. Однако могло бы быть не бесполезным отличать разнообразные проявления первоначально автоэротической анальной эротики. Так, можно различать интерес (с вытекающими отсюда особенностями) к самому дефекационному процессу от интереса к экскретам, продуктам этого процесса. Только не следует проводить очень резкую разграничительную линию между этими чертами характера, так как при некоторых из них играет определенную роль как одно, так и другое. Если мы воспользуемся, как примером, триадой Freud'a, то, без сомнения, мы припишем упрямство первой группе, а любовь к порядку второй; бережливость же питается влияниями обеих групп. При более обстоятельном углублении во взаимоотношения ме-

¹⁾ Freud, см. предыдущую статью.

²⁾ Blüher. Изыскания об и з в р а щ е н н о м х а р а к т е р е. Zentralblatt für Psychoanalyse. Год изд. 4, стр. 13.

жду различными свойствами, мы встретим дальнейшие усложнения. Так, любовь к порядку, например, может перейти в упрямую педантичность к исполнению долга, которую снова следует приписать первой группе. Несмотря на все это, вопрос мне кажется, станет яснее, если мы, хотя бы и поверхностно будем различать оба проявления анальной эротики.

Если мы примем во внимание поведение ребенка при дефекации и его влияние на развитие характера, то нам бросятся в глаза с меняющейся отчетливостью две типичных черты: во-первых, ребенок старается получить как можно больше удовольствия из акта освобождения кишечника и, во-вторых, в противовес воспитательным стремлениям окружающих его сохранить за собою право самоопределения в своих напряжениях.

С этой целью охотнее всего пользуются, пока это возможно, дефекацией; случается, что дети садятся на корточки и мускулы, запирающие анальное отверстие, поскольку это возможно, подпирают ногой, для того, чтобы освобождение кишечника протекало при напряженном внимании; дети со злобой отклоняют при этом всякую помеху. Sadger ¹⁾ указывает на то, как это поведение отражается затем на характере взрослого. Из подобных детей обыкновенно в жизни выходят очень медлительные люди; они откладывают и задерживают всякое дело до последней минуты. Потом набрасываются на работу с дикой и безудержной энергией, с раздражением отстраняя в то же время всякий мешающий им протест. Вообще, характеристическим признаком этого типа людей является чрезмерная чувствительность к вмешательству других, в особенности тогда, когда их напряженное внимание не оправдывается серьезностью занятий. При этом они проявляют еще непоколебимую настойчивость во всяком начатом деле, не обращают внимания на важность и значительность его при изменившихся обстоятельствах. Сношения с такими людьми часто очень затруднительны. Их так же трудно склонить к какому-нибудь действию, как и отклонить от него. Они всегда озабочены и духовно тяжелы на подъем. Удастся им овладеть какой-нибудь темой, они бесконечно расплываются в ней, не позволяя прервать их или

¹⁾ Sadger. Анальная эротика и анальный характер. Die Heilkunde, 1910 г., стр. 43.

вставить какое-нибудь слово; каждая попытка в этом смысле или игнорируется или отклоняется с раздражением. Все эти особенности могут иметь для таких людей большое значение, так как основательность и выдержка их в работе нередко вознаграждается с успехом. Они, как никто, в состоянии проложить путь через трудности и устранить, казалось бы, непреодолимые препятствия. Эта настойчивость нередко находится в тесной и закономерной связи с педантизмом и с упрямством. Приглядимся к поведению такого человека, когда ему предстоит какие-нибудь работы, собирается ли он посетить общество или написать статью. Он прежде всего впадает в глубокое размышление, когда его планы зреют медленно и наполовину бессознательно. Пугает и раздражает всякая попытка окружающих ускорить его решение, только напротив, он настолько отодвигает все приготовления, что окружающие отчаиваются, сделает ли он дело. Тут он обнаруживает вдруг лихорадочную напряженную деятельность и осуществляет свою программу до малейших деталей.

Упрямство и независимость, проявляющиеся в его поведении, выражаются еще в одной очень интересной черте, именно в убеждении, что нет человека, который хотя бы сколько-нибудь дорос до подобной задачи. Это чувство не позволяет ему при работе опираться на кого-либо, и для безупречного выполнения работы он сам принужден заботиться обо всем, что ее касается. Такие люди поэтому почти непригодны для общественной работы, так как, если иногда они выполняют громадное дело (Наполеон), то, с другой стороны, они находятся во власти тормозящих условий работы, которые мешают их удаче, потому что такие люди упорно отказываются передавать даже неотложные дела каким-либо помощникам. История знакомит с бесчисленными примерами подобных людей (я могу здесь снова указать на Наполеона), создавших обширную организацию, систему, которая безукоризненно функционировала до тех пор, пока ее инициатор сам с неустанной энергией выполнял каждую мелочь, которая, однако, с прекращением его деятельности тотчас же разваливалась. Так как всю ответственную работу он постоянно оставлял за собою, то он лишал возможности других проявлять себя в ней. Обратим внимание на родство последнего явления с нарцизмом и манией величия; при изложении других проявлений анально-эротиче-

ского характера у нас будет еще случай коснуться и этого явления.

Можно удивляться, какое множество проявлений служит бессознательным символом дефекационного процесса и благодаря этому подпадает под влияние имеющихся анально-эротических черт характера. Мы различаем в особенности три группы их. Во-первых, задачи, которым присуще специфическое чувство какой-то обязанности или долженствования, следовательно, моральные обязанности. Болезненное принуждение осуществлять известные действия только определенным «правильным» образом большею частью происходит из этого источника. Чувство долженствования превозмогает все недоступное рассудку и препятствует непредвзятому и объективному отношению; ликвидировать подобное состояние возможно только одним способом и от него нельзя ни отступить, ни иначе истолковать. Ко второй группе относятся все, в особенности неприятные и скучные работы, против которых поэтому существует противодействие. Если моральная обязанность является характера тягостного и неприятного, то эта группа совпадает с первой. В типических подвигах этих групп наблюдаются обременительные, мелкие обязанности повседневной жизни, например, уборка ящиков стола, очистка от пыли шкафов, ведение дневника или ежедневные сообщения, носящие характер обязательности. Обе вышеназванные группы приводят нас к третьей группе деятельностей, стоящих в связи с каким-нибудь бессознательным символом кала. О многих символах этого рода я буду говорить дальше, здесь же я укажу только на следующее: всякая грязь или пыль, все, что связано с бумагой, всякий вид отбросов, деньги. При всех вышеназванных родах деятельности таким образом становится ясным переход от торможения и задержки к лихорадочной деятельности. Так, например, домохозяйка с сильно выраженным анальным комплексом долгое время откладывает такую важную обязанность, как очистку от пыли и уборку кладовой, бросается, однако, потом с неудержимой энергией на работу и доводит ее до конца, пренебрегая более важными и нужными делами; это же самое происходит также с дополнением и со сведением счетов и расстановкой вещей, как и с приведением в порядок и с уборкой бумаг. Самый блестящий и характеристический пример дает нам, однако, писание писем. Многие люди ощущают тяжелую необходимость

отвечать на письма тотчас же, люди же вышеописанного типа чувствуют в себе по отношению к этому намеренно невероятно сильную задержку, которая возрастает при желании взяться за определенное письмо. Если им, в конце концов, удастся превозмочь эту задержку, то они приступают к работе со всей своей энергией и вниманием, выполняют ее с изумительной основательностью и приводят своих давно оставленных родственников в изумление блестяще написанным и обстоятельным письмом; их письма, как по форме, так и по содержанию, далеко превосходят обычные.

Во всех этих проявлениях нельзя не признать стремления к совершенству и отвращения ко всему сделанному наполовину. Если озабоченный родственник просит о весточке, будь это только строчка на почтовой карточке, то для них не легче выполнить такую просьбу, чем написать настоящее письмо. Они могут писать только тогда, когда накопилось достаточно энергии для того, чтобы создать действительно удовлетворяющее их произведение искусства,— все что ниже этого, их не удовлетворяет. То же самое стремление к совершенству проявляется в каллиграфии письма; это указывает снова на любовь к порядку, которою мы займемся позже. Люди подобного рода обычно очень заботятся о красоте и ясности почерка. Страдающая «психозом хозяйства» женщина нередко считает невыносимым брать на себя исполнение ежедневных обязанностей по дому. Она отодвигает и задерживает их, пока накопившаяся в бессознательном энергия не проложит себе путь в настоящем опьянении чисткой ¹⁾. За этими приступами деятельности следует определенное чувство облегчения и удовлетворения, которое за тем разрешается новым периодом кажущейся бездеятельности.

Мы должны признать, что появление этих обеих фаз отношения у различных людей описанного типа различно.

У одних на первый план выступает фаза основательности, настойчивости и энергии, у других—фаза задержки, нерешительности и бездеятельного сидения, которая может даже привести к временному или длительному параличу некоторых родов деятельности; как, например, писания писем.

¹⁾ Sadger в цитированном месте указывает, что эти приступы деятельности у женщин наступают обыкновенно периодически во времена подавленного сексуального возбуждения (в связи с менструацией).

До сих пор мы занимались исключительно последствиями одной стороны детского поведения при дефекационном акте, именно со старанием извлечь из него возможно большее удовольствие. Мы должны теперь обратиться к другой, с нею связанной стороне, к стремлению сохранить за собою право на самоопределение. Здесь мы снова встречаемся с двумя проявлениями; противодействием всякой попытке среды приписывать определенное поведение и с раздражением против вмешательства в принятый образ действия. Из этих реакций строится особенность триады Freud'a, которую он называет упрямством и которая легко может привести к хронической установке упрямства. Подобные люди защищаются против чужой воли и при всех обстоятельствах хотят проводить свою собственную. Другими словами, они обнаруживают необыкновенную и часто преувеличенную чувствительность ко всякого рода вмешательству в их дела. Они не принимают никакого совета, не подчиняются никакому принуждению, хвастаются своим правом и следуют во всем своему собственному суждению; от них ничего нельзя добиться силой и разве только действуя незаметно от них. Как дети, они в высшей степени непослушны, так как действительно существует тесная связь между непреодоленной анальной эротикой и упрямым непослушанием. Позже, как реактивное образование, они проявляют необыкновенное послушание, которое, однако, обычно является условным; это значит, что эти дети послушны пока это не мешает оставаться им все-таки господами положения. Замечательную поддержку этих черт характера можно вывести отчасти из вышеописанной установки, а отчасти из детской высокой оценки экскретов (о чем я еще буду иметь случай говорить), к которой взрослые относятся совершенно иначе. Многие дети считают несправедливостью, что у них так быстро отнимают такой ценный продукт их собственного тела. Это чувство усиливает огорчение против всякого вмешательства со стороны посторонних и переходит в конце концов в подчеркнутую чувствительность ко всякого рода несправедливости. В позднейшей жизни подобные люди почти педантически придерживаются того, чтобы все было по справедливости; они нападают на мысль, что у них все можно взять, кроме их самих, в особенности, если добро, которого они могут лишиться, является для бессознательного символом извержений, как, на-

пример, деньги; они не могут позволить себя подкупить даже ничтожнейшей суммой. Кастрационный страх (страх потерять ценную часть тела) также нередко коренится в этом комплексе, хотя, конечно, у него имеются и другие источники. Понятие времени вследствие подобной же высокой оценки имеет значение бессознательного эквивалента выделительных продуктов и подпадает поэтому под [влияние описанной установки. Так борются подобные люди, негодуя против всякого нежелательного им посягательства на их время, и при распределении дня упорно считаются только с собственной персоной.

Если же, несмотря на все, эти нежелательные вмешательства имеют место, то затронутое лицо реагирует на это гневом и негодованием, которые иногда могут перейти в настоящие приступы бешенства. Brill ¹⁾ и Federn ²⁾ занимались вопросом об отношениях анальной эротики к самым ранним садистическим возбуждениям, и в другом месте ³⁾ я указал на значение, которое имеет раннее воспитательное вмешательство в анально-эротические проявления в смысле вызывания ненависти. В моей работе я исследовал, главным образом, патологию невроза навязчивости; в скоро затем появившейся статье Freud ⁴⁾ доказал и разъяснил мною вскрытые результаты, то, что связь анальной эротики и садизма при резкой форме составляет характеристический признак невроза, навязчивость же является фазой нормального развития ребенка, обозначаемой им как прегенитальная организация, и Lou Andreas Salomé ⁵⁾ старался в одной довольно большой работе показать, что садизм позднейшей жизни, прежде всего, следует сводить на борьбу, которую ребенок ведет со своей средой из-за овладения дефекационной функцией. Там, где эта борьба была достаточно продолжительной, может остаться особая раздражительность, как черта характера, которая проявляется потом, смотря по степени вытеснения и привхождения других факто-

¹⁾ Brill. Психоанализ. 2 изд., 1914, глава 13. «Анальный эротизм и характер».

²⁾ Federn. «К вопросу об анализе садизма и [мазохизма]. Internat. Zeitschr. für ärztlich. Psychoanalyse. Год издания 1, стр. 42.

³⁾ Глава 31.

⁴⁾ Freud, «Предрасположение к неврозу принуждения». Internat. Zeitsch. für Psychoanalyse. Год издания 1, стр. 525.

⁵⁾ Lou Andreas Salomé. «Анальное и сексуальное». Imago. Год изд. 4, стр. 249.

ров (трусливость) и т. п. в форме вспыльчивого и ворчливого существа. Berkeley-Hill ¹⁾ приводит в связь с этим интересную у тамилов пословицу: «Кто раздражителен, тот страдает геморроем». Во всяком, легко возбудимом и хронически недовольном человеке можно предполагать такого анального эротика, которого неправильно воспитывали в детстве. Это вовсе не случайность, что подобные черты характера так часто встречаются у людей старшего возраста обоих полов; по прекращении генитальных функций является склонность к регрессии сексуальной жизни на более низкую инфантильную ступень. Так, в зрелом возрасте часто развиваются новые анальные черты характера, как напр., невнимание к собственной персоне, скудость и т. п. ²⁾

Люди описанного типа реагируют гневом и дурным настроением, главным образом, на вышеописанные вмешательства в их дела, если им навязывают чуждую им волю или не предоставляют свободно распоряжаться их собственной. Приведем подобные типические случаи: им мешают сосредоточиться на какой-нибудь работе, к которой они себя принудили и от которой их нельзя больше оторвать, предъявляют требования к их времени или их деньгам; хотят ускорить их решение, которое они еще считают недостаточно созревшим и т. п. В связи с склонностью к гневу и негодованию следует упомянуть также мстительность, которая появляется вследствие мнимых притязаний со стороны окружающих и которая у подобных людей бывает в высшей степени сильной.

Нетрудно найти сходство различных описанных черт характера с нарцисстическим эгоизмом и с манией величия, что указывает нам на привнесение, которое делает анальная эротика для образования инфантильного нарцизма. Я здесь имею в виду в особенности упрямство и с ним связанные явления: упорство в преследовании самим выбранной цели, не обращая внимания на постороннее влияние, резкое отклонение вмешательства других, убеждение в лучшем выполнении определен-

¹⁾ Owen Berkeley-Hill. «Психология анального отверстия». «Индусская медицинская газета», авг. 1913, стр. 391.

²⁾ Hattinberg обращает, с другой стороны, внимание на то, что некоторые из этих свойств, напр., упрямство появляются только в детстве и позже исчезают. «Анальная эротика, удовольствие от страха и упрямство». Intern. Zeitschr. für ärztl. Psychoanalyse. Год изд. 2, стр. 244.

ной работы, чем кем бы то ни было и т. п. Люди этого типа, обыкновенно, являются резко выраженными индивидуальностями, изучение которых должно возбудить в нас сомнение относительно правильности взглядов Trotter'a ¹⁾ о значении стадного инстинкта.

Черта характера, анализ которой мне еще недостаточно удался, но которая, без сомнения, стоит в тесной связи с вышеупомянутой, сильно влияет на общее хорошее состояние и работоспособность человека. Она состоит в неспособности наслаждаться чем-нибудь приятным, если не все окружающие условия находятся с ней в полном согласии. Люди, которым присуще это свойство, в высшей степени чувствительны ко всяким мешающим и дисгармоничным элементам положения; их душевное равновесие легко потрясти еле заметными воздействиями; у них легко, как обычно говорят, портится настроение. Это же отношение они сохраняют при сексуальных сношениях, но не ограничиваются только этим; малейшего тона недовольствия, мысли о хотя бы очень незначительной невыполненной обязанности, малейшего телесного нездоровья или чего-либо подобного бывает достаточно, чтобы сделать их на мгновение импотентными. Им не удастся наслаждаться ни одним театральным представлением, выездом, общественными удовольствиями, если у них нет «настоящего настроения», настоящее же настроение у них бывает, однако, редко, и оно мимолетно. Анально-эротическое происхождение этого поведения выявляет себя также в их хронической раздражительности и с нею связанной характеристической неспособностью заняться какой-нибудь работой, прежде чем не все, вплоть до малейшей детали, будет приведено в порядок; они не могут, например, написать никакого письма, прежде чем на их собственном столе каждый предмет не окажется на своем месте, прежде чем не будет на месте карандаш или ручка и прочее. Легко понять, что подобные люди делают жизнь тяжелой не только окружающим, но и самим себе; они в постоянном беспокойстве и возбуждении и слишком серьезно относятся ко всему. Их жизнь состоит из постоянно возникающего стремления приводить в порядок окружающие вещи, чтобы, в конце концов, несмотря на все препятствия, прийти к возможности насла-

¹⁾ W. Trotter. «Стадные инстинкты в мире и на войне». Лондон, 1913 г.

ждаться. В этой связи необходимо заметить, что врачи-воспитатели ¹⁾ наблюдали, что из детей, страдающих нарушениями кишечника, обыкновенно, получаются недовольные, раздражительные и невеселые люди, следовательно, как раз тот тип, который мной описан.

Другая черта характера, коренящаяся в анально-эротических комплексах, это стремление к самообладанию, могущее повести к настоящей страсти. Бывают люди, которые никогда не бывают довольны способностью владеть собою и которые делают непрекращающиеся попытки повысить эту способность. Мы различаем две группы, смотря потому, направлено ли это стремление на физическую или на моральную область. К первой группе принадлежат люди, которые принуждают себя пить чай без сахара, которые себя отучают на время от курения, которые высовывают свои ноги в холодную ночь из-под одеяла и упражняются в аскезе, чтобы доказать себе силу своего самообладания. В области морального эти действия значительно более серьезны и здесь не требуют перечисления, хотя я, конечно, и не отрицаю многих других корней этих аскетических и ведущих к самоистязанию душевных движений. Однако немалое участие в их образовании, как я аналитически доказал в другом месте, ²⁾ принимает честолюбие ребенка, желание управлять своим сфинктером, овладение своей первой большой задачей.

Интерес к дефекации часто³⁾ ведет к интересу к связанным с ней частями тела, именно к кишечнику. Не вдаваясь в изложение очень значительной роли, оказываемой анальной областью на развитие сексуальной жизни, я хотел бы здесь кратко упомянуть о некоторых характеристических, вытекающих отсюда явлениях, которые бросились мне в глаза в течение моих занятий по психоанализу ³⁾. Самым поразительным является склонность интересоваться обратной стороной вещей, которая может проявляться различным образом, напр., в сильной любознательности к противоположной или обратной стороне мест или предметов; так, в желании жить на противоположном склоне холма, обращенного своей задней стороной к

¹⁾ Z.^{W.} Szeigny. Врач, как воспитатель ребенка. 1908 г.

²⁾ Цитир. соч. Jahrbuch, стр. 587.

³⁾ Цитир. соч. Jahrbuch, стр. 581-583.

какому-нибудь определенному месту; в склонности смешивать правую и левую стороны, восток и запад, в переворачивании букв или слов и в им подобных вещах. Того же происхождения своеобразная прелесть, какую производят на некоторых людей все подземные ходы, каналы, туннели. Мне известен также случай, где из подобного комплекса вытек чрезвычайный интерес к понятию централизма. Один из моих пациентов беспрерывно старался находить точный центр каждого города, в котором он останавливался, и он развил много философских идей, которые относились к «центру жизни» и к «центру вселенной».

Переходим теперь ко второй группе вышеупомянутого разделения, именно к свойствам характера, выводимым из интереса к экскретам. Некоторые из этих свойств, действительно, вытекли из этого, большая же часть тех, о которых мы теперь только упомянем, сводятся отчасти к тому же, отчасти к прежде изложенному интересу, к дефекационному процессу. Они представляют все или положительные или отрицательные реакции, т.е. сублимирования или реактивные образования. Чтобы понять их глубже, нужно вернуться к тому, как первоначально устанавливается ребенок к своему калу. У нас имеется достаточно оснований принять, что эта установка, в противоположность установке взрослых, несомненно положительная и окрашена удовольствием. Ребенок рассматривает свой кал, как часть собственного тела и как драгоценное достояние. Он научается подменивать эту идею противоотрицательным чувством отвращения, как к чему-то нечистому. Быстрота и полнота этого превращения индивидуально различна и зависит от успехов вытеснения. Весьма вероятно, что способность к этому вытеснению является наследственно прирожденной. Вновь приобретенное чувство отвращения проявляется всего отчетливее при виде экскретов, скорее чужих, чем своих, при жидких легче, чем при твердых, и легче через органы обоняния, чем через органы зрения и осязания. До возникновения этого реактивного образования естественной склонностью ребенка, во всяком случае не всегда проявляющейся, является занятие своим собственным калом и, главным образом, игра в двух типических видах: или обмазываться им или применять его для моделей ¹⁾. На этой ступени развития дитя применяет испачки-

¹⁾ Об удовольствии обмазываться себя см. Federn и сочинения Stekel'я.

вание других своим калом, как выражение своих чувств нежности и удовольствия, что, однако, обыкновенно не понимается и совсем не оценивается взрослыми.

Прежде чем приступить к изложению свойств характера, коренящихся в этих установках, мы должны заняться бессознательными символами кала, на которые переносится эта установка. Самым естественным является еда, представляющая то же вещество, только в более ранней форме явления. Многие своеобразия вкуса, любовь и отвращение к различным кушаньям (напр., колбасы, шпинату и т. п.) приходится отнести на счет этой бессознательной ассоциации. Другим прозрачным символом является всякая грязь, уличный помет (конечно, также навоз), загрязненное белье и подобное, пыль, уголья, домашний или садовый мусор, обрывки бумаги, как и вообще «отбросы всякого рода» в бессознательном; понятия, которые мы обозначаем словами «отброс» и «грязный» кажутся покрывающими друг друга, *tertium comparationis* является, без сомнения, слово «навоз». К этому же, в особенности, относится еще все возбуждающее отвращение и все отбросы, отделения человеческого тела. Для первого примером могут служить выделения при вызывающих тошноту заболеваниях, напр., гной; отсюда же является понятным, каким образом труп нередко служит символом кала. Примерами последнего служат волосы и ногти, части тела, легко загрязняющиеся и по-временам отделяющиеся. Еще одним замечательным символом кала являются книги, как и вообще все печатное. Эта ассоциация, вероятно, устанавливается здесь, благодаря представлению бумаги и печатания (обмазывать, печатать).

Наиболее, однако, важными и значительными символами кала являются деньги и золото, но так как последнее указание при первом восприятии кажется вообще странным, то я постараюсь это разъяснить. Freud ¹⁾ пишет о символическом значении денег следующее: «Везде, где архаический образ мышления был или остался господствующим, в древних культурах, в мифе, сказках, суевериях, в бессознательном мышлении, в сновидении и в неврозе, деньги стоят в ближайшем отношении к грязи. Известно, что золото, которое дарит дьявол своим возлюбленным, по его уходе превращается в грязь, и сам дья-

¹⁾ Freud. См. 22 стр. этого томика.

вол, конечно, не что иное, как персонификация вытесненных бессознательных влечений. Известно также суеверие, которое приводит в связь нахождение сокровищ с дефекацией, и каждому хорошо знакома фигура испражняющегося дукатами ¹⁾, и даже в древне-вавилонском учении «золото» — кал ада.

Многие выражения в языке указывают нам на эту связь мыслей, как в немецком народное обозначение геморроя «золотая кровеносная жила». Мы говорим также о «грязном» скряге и о ком-нибудь, кто «воняет от скупости». На биржевом языке обозначают того, кто находится в денежных затруднительных обстоятельствах, что у него «запор». Также наше выражение «текущие деньги», английское «cittensu» и подобное же английское описание богатства «to be rolling'or wollowing in money» ²⁾, без сомнения, происходят из тех же источников. В безумии и, как Wulff ³⁾ сообщает, также в опьяненном состоянии связь этих понятий становится ясной, так как лица, находящиеся в подобном состоянии, часто обозначают выделения, как сокровища, деньги или золото. В стихотворении Browning'a «Gold Hair» A story of «Pornic» понятия волосы, смерть, золотой цвет

¹⁾ Эквивалентом в области сказок является гусь с золотыми яйцами. О других мифологических примерах ассоциаций см. Dattner'a «Золото и кал». Internat. Zeitschr. für ärztz. Psychoanalyse, год изд. 1, стр. 495.

²⁾ Из многочисленных примеров из литературы укажу здесь только на два: «Я гнушаюсь равенством на почве денег: это равенство нечистот».

(D. H. Lawrence «Радуга», 1915, стр. 431.)

«Пышный, а не скучный блеск и слава
Ждут принцев с их богатой, длинной свитой слуг
И выючных коней, выпачканных златом.

Мильтон. «Потерянный рай» (перев. Г. К.).

В эротическом искусстве, в особенности, в карикатуре, эта идентификация (вследствие связи презрения с анальной эротикой) встречается необыкновенно часто. Я процитирую два примера из Broadley's «Наполеон в карикатуре», 1911г. Одна из карикатур показывает нам Наполеона и Георга III как «садовников-соперников». В стороне стоит тачка, наполненная монетами с надписью: «Навоз из Италии и Швейцарии». Вторая картина, названная «Благословение бумажных денег», принадлежит George Cruikshank'y. Она изображает нам Наполеона, который вытаскивает большой, наполненный золотыми монетами горшок из-под John Bull'a, который напичкан бумажными деньгами.

³⁾ Wulff к символике неврозоз: «Кал-деньги». Zentralbl. für Psychoanalyse, год изд. 1, стр. 337.

и скупость приведены в самую тесную связь друг с другом¹⁾).

В своей первой статье на эту тему Freud высказывает взгляд, что противоположность между самым ценным и самым неценным, что известно людям, привела к этой обусловленной идентификации. С тех пор мы знаем, однако, что отношения эти более тесные, а именно, что оценка достоинства денег является прямым продолжением оценки достоинства, какое ребенок имеет о своих выделениях, которая, правда, в сознании взрослого переходит в их противоположность, а в бессознательном продолжает оставаться неизменной. Ferenczi²⁾ в одной очень убедительной работе описал в деталях стадии перехода, которые проходит ребенок на своем пути от первоначального понятия кала к кажущемуся очень далекому понятию денег. Эти стадии в краткой передаче следующие: перенесение интереса с первоначальной субстанции кала на подобную, лишенную запаха (форма из глины), отсюда далее на сухую субстанцию (песок); с последнего снова на еще более твердую (валуны); у многих диких племен и до сих пор валуны употребляются как продукт обмена, и наше выражение «пребогатый» (богатый, как камень) указывает на то же самое; к этому присоединяются искусственно изготовленные предметы, как застёжки, пуговицы³⁾, украшения и, наконец, сами монеты (рассматривание которых, благодаря оценке, которая им придается взрослыми, естественно, очень повышается). В этой связи я мог бы упомянуть еще об одном замечательном символе кала: о нашей последней воле, о нашем завещании. Тут течение мыслей идет повидимому, через подобное понятие ценности и через сильно подчеркнутую идею окончательного отделения от чего-нибудь (и «оставлении после себя»⁴⁾).

1) В северной саге о «Прядке волос невесты» падает при расчесывании золото из волос героини. Об идентификации волос и золота см. также Laistner'a «Загадка сфинкса». 1889 г. том 4, стр. 147 и далее.

2) «Contributions to Psycho-Analysis», английский перевод 1916, глава 8, 1916. The Ontogenesis of the Interest in Money.

3) Многим невротикам кажется, что пуговицы являются чем-то нечистым, противным; здесь, по всей вероятности, мы наталкиваемся на логическую связь с запачканными платьями.

4) Значение, какое получает мысль «окончательного оставления после себя», благодаря анальному комплексу, усиливает сентиментальное поведение, которое многие люди выставляют напоказ при расставании со ставшим дорогим

Идентифицирование детей с выделениями происходит следующим образом: в представлении ребенка тело является простымместилищем более неразличимых содержимых, в котором исчезает пища и из которого выходят выделения. Замечание, что ребенок растет в теле матери, почти всегда высказывается детьми и позже забывается, ведет к естественному следствию, что ребенок вырастает из пищи, что является вполне правильным вплоть до пренебрежения к обеим примордиальным клеткам. Так как дети не имеют никакого понятия о vagina, они могут только заключить, что новорожденный оставляет тело матери через задний проход; единственное отверстие тела, через которое, согласно их опыту, выводятся твердые вещества ¹⁾. Также эта «Теория клоаки» рождения носит в себе зерно истины, так как у животных, стоящих на более низкой ступени развития, чем млекопитающие, задний проход и vagina впадают в один и тот же проток. Так кажется, что маленькое дитя каким-то таинственным образом было создано из кала ²⁾; как и дети, в конечном счете, единственные вещи, которые может воспроизвести тело, и импульсы для этого в обоих случаях очень сходные, в особенности по взглядам детей, которые придерживаются еще другой установки к своим выделениям. Ребенок находит в природе многочисленные подтверждения своему взгляду, что прекрасные вещи могут вырастать из плохо пахнущих веществ, напр., цветы ³⁾ из унавоженной почвы, в этом коренится характерная для девочек страсть к цветам, которые

личным достоянием, в особенности тогда, когда это расставание является окончательным. Другим источником подобного поведения является комплекс смерти, в котором на передний план выдвигается мысль о последнем отделении.

4) Эта теория обыкновенно позабывается и заменяется более приемлемой, что ребенок появляется из пупка.

2) Клинические примеры этого дает Freud, *Jahrbuch der Psych.-An.*, том I. стр. 25, и Jung, *Jahrbuch der PSA.*, т. 2, стр. 49. Много примеров для этой гипотезы в мифологии и фольклоре цитирует Rank, «Народно-психические параллели к инфантильным сексуальным теориям», *Zentralblatt*, год изд. 2, стр. 379, 380, 381. Эта мысль находила также часто применение в искусстве, пример этого можно найти у Fuchs'a «Эротический элемент в карикатуре», 1904 г., стр. 85.

3) О связи между цветами, волосами и запахом см. Scheuer'a «Человеческие волосы и их отношение к сексуальной сфере», *Sexualprobleme*, год изд. 7, в особенности стр. 173; см. также в этой связи мой реферат «Стрижка волос и скупость». *Internat. Zeit. für Psychoanalyse*. 2 т., стр. 393 и глава 30 *Papers of Psycho - Analysis*.

представляют для детей бессознательные символы. В другом месте ¹⁾ я собрал значительное число слов, этимология которых нам иллюстрирует ассоциацию между детьми, экскрециями и запахом. Там я изложил ²⁾, что иначе непонятное символическое отношение, благодаря моим предстоящим соображениям, разъяснится, а именно, что мысль украсть деньги у какой-нибудь женщины может обозначать мысль получить от нее ребенка. Ассоциация между понятиями трупов и экскретов (выделений)—то и другое—предметы, бывшие живыми и ставшие мертвыми—может вести к предположению, что дети произошли от умершего ³⁾.

На эти символы можно реагировать столь многими и сложными способами, что очень трудно привести здесь какую-нибудь классификацию. Анально-эротический комплекс стоит в тесной генетической связи с двумя основными значительными влечениями—влечением обладать и влечением творить. Так как импульсы одного направлены на удержание ⁴⁾, другого на отдачу предметов, то они являются противоположными друг другу и могут быть поставлены на-ряду с описанными фазами отношения при дефекации: перехода от гнева и сдержки к лихорадочному проявлению ⁵⁾.

Для характера соответствующего человека большее или меньшее подчеркивание того или другого импульса является решающим. Вопрос усложняется тем, что установление первой фазы, склонность к «сдержке» может также перейти и на продукт после его воспроизведения и повести, таким образом, к скупости. Неимоверная же сложность происходит благодаря тому, что отношение к различным символам может быть различно, так что у того же самого человека может быть в одном отношении положительная, в другом—отрицательная установка, в одном сублимированные, в другом реактивные образования, здесь он добровольно отдает себя, а там в испуге отстраняется. Поэтому возможно построить схему определенных общих

¹⁾ Jahrbuch der PSA, том 6, стр. 192.

²⁾ Ibid B. 4, стр. 585.

³⁾ См. главу 39, стр. 661.

⁴⁾ Замечательно, что Bertrand Russell в своих «Принципах социальной реконструкции», 1916, строит на этом противоположении пространную социологическую философию.

⁵⁾ Ferenczi. Contrilutions to Psycho-Analysis гл. 13.

типов и направить внимание на характеристические способы реакции. Идя навстречу опасности все очень сильно упростить, мне хотелось бы выставить четыре категории возможных реакций на основе двух принципов: обоих вышеописанных импульсов и противоположность между сублимированием и реактивным образованием, которая является следствием удержания или отдачи того, что прежде ценилось. Таким образом, получаются смотря по удержанию или отдаче, смотря по тому, удерживаются или отдаются определенные ценности, две группы особенных свойств, происходящие от влечений обладать и удерживать, и две других, происходящих от влечений творить и отдавать.

А. 1. Типическим сублимированием склонности к «удержанию» является бережливость, свойство триады Freud'a, которое в крайних случаях переходит в скупость. Но оба проявления,— отвращение давать и желание собирать ценности—могут быть выражены у определенного человека не одинаково: ответственное лицо может быть скупым или любостыжательным, или тем и другим. Подобные люди—узкой натуры, и они с трудом дарят или одоужают ¹⁾. Эта установка проявляется резче всего естественно в различных символах кала, прежде всего в деньгах, в книгах, времени, кушаньях (Hamsterer!) и т. д. Неразумное, т.-е. бессознательное происхождение таких отношений нередко проявляется в том, что определенное лицо с трудом отдает медную или никелевую монету (ближе ассоциированные символы) и охотно отдает чек на гораздо более значительную сумму. Иногда описанная черта характера ограничивается определенной областью; нередко, вполне состоятельные люди избегают издержек на чистку и белье и прибегают ко всякого рода мелочной помощи, чтобы только их сократить. Нежелание менять белье чаще, чем это безусловно необходимо, нередко получает двойную мотивировку: сознательно — через нежелание лишиться денег (сублимированной грязи) и бессознательно — через нежелание лишиться телесной грязи. Если подобные люди принуждены больше отдавать, чем они расположены, то они реагируют на это вышеописанным негодованием и злобой, в особенности, если у них украли деньги или их обманули фальшивыми деньгами ²⁾ (по английски «rotten» money): сле-

¹⁾ В английском языке для таких людей есть подходящее обозначение «close», «tight» etc.

²⁾ Jahrbuch, loc. cit.

довательно, на символическое принуждение к дефекации против воли.

Другое уже упомянутое проявление, это — стремление к собиранию, накоплению сокровищ. Все собиратели — анальные эротики, и собранные предметы почти сплошь типические символы кала: напр., деньги, монеты (за исключением действительных ценностей) марки, яйца, бабочки, — оба последних символа являются символами для детей, — книги, даже лишённые цены вещи, как булавки, старые газеты и т. п. Сюда относится получаемое удовольствие от нахождения и собирания вещей всякого рода — иголок, монет¹⁾ и т. д., и интерес к зарытым в земле сокровищам. Последний указывает на раньше упомянутый интерес к катакомбам, пещерам и подобному; этот интерес очень усиливается еще благодаря другим сексуальным компонентам, благодаря удовольствию подглядывать, инцестуозному стремлению к исследованию лона матери земли ¹⁾ и т. п.

Более удовлетворяющим следствием этого комплекса является большое пристрастие к различным символическим значительным вещам. Я не говорю здесь о преданной озабоченности, направленной обычно на какое-нибудь из названных собраний: этим свойством обладают в большой степени хранители музеев и библиотек, но наиболее прозвучающей впечатление чертой во всем реестре анального характера является чрезвычайная, в высшей степени редкая нежность; люди этого типа, в особенности, пригодны быть с детьми ²⁾; эта нежность, несомненно, поддерживается ассоциацией с невинностью и беспорочностью, о которой я еще буду говорить, а также и реактивным обращением против подавленного садизма, который обычно сопровождает сильно выраженную анальную эротику. Удивительным побочным явлением этой нежности является резко выра-

¹⁾ В «Потерянном рае» (книга 8) мы читаем, как люди, которых ведет Маммон

грязными руками
Утробу матери земли они ограбят;
Там лучшие сокровища таятся, и они
Смеясь в холме разроют рану
И жилы золота в зияющей возьмут.

(Перевод Г. К.)

²⁾ Характерно, что даже скряги страшно любят своих детей, напр., Шейлок, Бальзаковский Eugène Grandet и т. д.; у первого Шекспир показывает нам ясно равноценность и бессознательное тождество ребенка и дукатов.

женное властолюбие по отношению к любимому объекту; подобные люди часто повелители и тираны и не терпят ни малейшего пробуждения независимости у любимых ими лиц.

А. 2. Важнейшим реактивным образованием, которое находится в связи с склонностью к «удержанию», является любовь к порядку; это — третье свойство триады Freud'a; оно, очевидно, дальнейшее развитие чистоплотности, перевернутое основное положение, что навоз — вещь, находящаяся на местах, на которых ему не полагается быть (*Dirt is matter in the wrong place*), как их перенесут только на настоящее место, так они перестают быть навозом (мусором). Эта резко выраженная черта характера может перейти в явный невротический симптом, состоящий в беспокойстве и в непоборимой склонности передвигать все находящиеся в комнате предметы, приводить их в порядок, ставить на места, с тем, чтобы все было как следует, симметрично и на своем и настоящем месте. Приведу краткую иллюстрацию этого известного свойства: человек, который расставил на столе определенное число книг одинакового формата и одинакового вида, должен непрестанно устанавливать их в том же порядке, который он признал однажды правильным; картина, которая немного криво висит, делает его совершенно неспособным продолжать начатый разговор. Для подобных людей невыносим малейший беспорядок; они чувствуют принуждение собирать разбросанные бумаги или лежащие вокруг предметы. Все должно быть на своем настоящем месте и по возможности убрано. Ценной формой этой черты характера у некоторых людей описанного типа является высоко развитая способность к систематизации и организации.

В мышлении эта склонность нередко сказывается в ненужном педантизме, в соединении с любовью к чисто словесной точности и к определениям. Временами удачной, интересной и ценной разновидностью такой склонности является большое отвращение к неясному мышлению и пристрастие к ясной мысли. Человек такого склада испытывает особое удовлетворение при решении проблемы, при классифицировании и т. п.

Нетерпимость по отношению к беспорядку находится в тесном родстве с другим свойством, именно с нетерпимостью к мотовству. Последняя проистекает не из одного только источника. Она проявляется как отвращение к выбрасыванию каких бы то ни было вещей (первоначально человеком): обнаружение

склонности к «удержанию» и одновременно как отвращение к выброшенному, которое представляет отброс (мусор), если уже не представляется никакой возможности так или иначе с пользой эксплуатировать его. Подобные люди обнаруживают поэтому большой интерес ко всякому новому способу эксплуатации отбросов, как, например, к ирригационным каналам фабрик, выделяющих нашатырный спирт и подобное.

Родственной чертой характера, на которую указал Freud, является надежность. Она стоит в связи с раньше описанной страстью к основательности и верности долгу и с отвращением к заместителю при работе. Люди, обладающие этой чертой характера, конечно, никогда не пренебрегут никакой обязанностью и никогда не оставят никакого задания полуразрешенным или совсем неразрешенным.

В. 1. К этой группе относятся противоположное бережливости, а именно чрезмерная щедрость и расточительность. Некоторые психоаналитики хотели бы для этого типа удержать обозначение «анально-эротического», в отличие от анального характера первого. Мне, однако, кажется, что оба вида характеров вытекли одинаково из анальных комплексов и только тем отличаются, что один является сублимированным (положительным), а второй — реактивным образованием (отрицательным). При положительном проявлении импульса к «отдаче» мы снова можем, смотря по судьбе продукта, различить два подразделения. При первом подразделении налицо стремление соответственного лица отделить продукт от какого-либо объекта, безразлично, живого или неживого, при втором стремление направлено на преобразование продукта и на создание из него чего-то нового. Я рассмотрю оба подвида по порядку:

а) Простейшее проявление первого стремления можно рассматривать как сублимирование примитивного обмазывания. Отсюда импульс покрывать пятнами и (мазать) пачкать, — грубая, обычно вытесненная форма, которая проявляется, например, в известном извращении как пигмалионизм, в импульсе запачкать статуи чернилами и т. п., в извращенном стремлении обливаться женщинами или их платья чернилами, кислотами или химическими реактивами ¹⁾.

¹⁾ Thoinet. «Нарушения нравов», 1898, стр. 484 и следущ. Moll. «Взгляд на одно сексуальное извращение» (влечение к пачканью). Zeitsch. f. Medizinalbeamte (1900, терп. 8).

Подобный импульс скрывается нередко за эротической нежностью к маленьким детям (желание запятнать их невинность). Его сублимациями большого сексуального значения являются оба удовольствия, получаемые при живописи и книгопечатании ¹⁾, т.е. удовольствие отпечатать на какой-нибудь материи свой знак. Низшей формой подобной тенденции является широко распространенная склонность необразованных вписывать или вырезать фамилии, следовательно, оставлять след личности, как обезображивание прекрасного (отсюда, следовательно, подлежащего обезображиванию). Сюда же относятся еще другие многочисленные проявления того удовольствия от порчи, пачкания, и также обычно сюда присоединяются удовольствия от разрушения (прегенитальная садистически-анально-эротическая ступень развития Freud'a ²⁾), а война дала нам много примеров подобного рода.

Если при удержании подобной ценности первоначальный продукт кала заменяется золотом, украшением и т. п. и если даже первоначальное сексуальное возбуждение перенесено на чуждый объект любви, тогда из него возникает жизнь любви, в которой подарок играет выдающуюся роль. Правда, телесная, как и душевная жизнь любви строятся вообще на том, чтобы давать и брать, но в описанном типе все остальные проявления любви подчинены одному этому. Такие люди дарят беспрерывно, они располагают одним единственным средством быть приятными и достойными любви и помогают ее беспрерывными подарками различных украшений, шоколада и т. п. Низшая прегенитальная организация такой любви проявляется в том, что она больше всего встречается у относительно импотентных, сексуально бесчувственных людей. Обыкновенная любовная пара этого рода, — это старый супруг и молодая девушка: он спускается до инфантильности, она находится на этом уровне.

Весьма вероятно, что даже желание оплодотворения получается из анального комплекса; только здесь мы находимся на ступени генитальной организации, соответствующей взрослому, так что у подобных лиц очень легко отыскать следы этого комплекса.

¹⁾ Эти склонности имеют, несомненно, еще другие такие бессознательные источники. Значение здесь приведенных источников, однако, не может быть недооценено.

²⁾ См. главу 8, стр. 547.

в) Стремление преобразовать продукт и создать из него что-нибудь новое ведет к различным сублимированиям, которые начинаются с распространенной у детей любви к моделированию из пластического материала, как замазки, пластилина и т. п. Обыкновенная сублимация приводит к приготовлению кушаний¹⁾, которая позже может быть заменена впоследствии отвращением к ним или продолжается как настоящая страсть. Сублимация названного стремления находит еще широчайшее применение в других областях жизни, в промышленной²⁾ и художественной: хорошими примерами первой являются металло-литейное дело, строительное дело, гравировальное дело, плотничье дело и др; последней — скульптура, архитектура, искусство резьбы на дереве, фотография и т. п.³⁾.

В. 2. Теперь мы должны заняться последствиями реактивных образований против удержания кала и его символов. Больше всего бросающимися в глаза являются сильное отвращение к грязи и чрезмерная чистоплотность. По мнению Sadger'a⁴⁾, сильно выраженное отвращение к телесной грязи обычно указывает на мастурбационный комплекс, а анально-эротический комплекс дает о себе знать скорее в отвращении ко всякой грязи на вещах, в особенности, платьях и мебели; это отвращение у невротиков может перейти в чрезмерную боязнь грязи; особенным признаком анально-эротического комплекса, он считает [отвращение ко всякой уличной грязи и склонность особенно высоко поднимать платья (за исключением случаев у девушек, у которых это поведение скорее является выражением эксгибиционистических удовольствий). Мой опыт совпадает со взглядами Sadger'a. Я нашел, что анально-эротическая реакция нередко распространяется и на внутренность тела, так что возникает убеждение, что все, что содержится в теле, нечисто. Я встречал людей, которые не хотели держать даже пальца в своем собственном рту и привыкли ежедневно выпи-

¹⁾ См. Jahrbuch — цитир. произведения, стр. 568.

²⁾ Это не простая фантастика, если необыкновенному росту индустриального интереса сто лет тому назад хотят поставить в параллель волну усиленного анально-эротического вытеснения, которое, как исторически это доказано, наблюдалось особенно в Англии.

³⁾ Чтобы эти утверждения не показались простыми теориями, мне хотелось бы подчеркнуть, что они, как и все здесь приведенные, покоятся на результатах действительно проведенных анализов.

⁴⁾ Sadger, цитир. произведения, стр. 44.

вать большое количество воды для того, чтобы тем самым про-чищать грязные внутренности тела¹⁾). Люди, принадлежащие к только что описанному типу, проявляют в своем поведении полную противоположность к вышеописанной (под А. 1) любве-обильной заботе об окружающих их вещах. Далекие от того, чтобы гордиться своим достоянием или произведениями, они принимают в них незначительное участие. Все их непосредственно окружающее, их мебель и платье совершенно не интересует их. При творческой продукции безразлично духовной или материальной природы, по окончании работы главная забота их, по возможности, совсем освободиться от этих продуктов, и они освобождаются от них, нисколько не заботясь о дальнейшей их судьбе. Эта установка может, однако, в очень редких случаях распространиться по уже раньше упомянутому ассоциационному пути и на собственных детей; в подобном случае женщина ощущает, правда, радость от самой беременности, но ее не радует ее результат—ребенок.

Расширением этой реакции являются чрезмерное неудовольствие и отвращение, которые являются иногда при всякой мысли о загрязнении и порче. Подобные люди страдают от представления, что нечто прекрасное может быть испорчено, разрушено или уничтожено, и их жизнь, в век индустрии, является непрерывным протестом против вмешательства человека с его грязью и безобразием в до сих пор нетронутую красоту природы. На пятно на платке, на изуродование книжки, на порчу картин, на постройку города на месте прежних лесов и лугов, на пищевые отбросы, разбросанные на лугу выезжающими за город на постройку новой фабрики, или расширение железнодорожной линии, на все эти перемены реагируют одинаково болезненно и с негодованием.

Социологически очень значительным подвигом этой реакции является то, что можно назвать болезненным комплексом чистоты. Я думаю при этом о фанатиках чистоты, для которых сексуальность вообще только вид анальной эротики и поэтому во всех ее проявлениях она представляет только нечистое. Они даже так исказили значение слова «чистый», что его почти нельзя уже больше употреблять, чтобы не услышать довольно

¹⁾ С этим часто стоит в связи сильная ипохондрия, в особенности по отношению ко всем функциям питания.

обоснованное замечание: «чистому все нечисто»¹⁾. Мой опыт совпадает со взглядом Sadger'a²⁾ в сведении им так называемой «теорией чистого мужчины», которую так часто можно встретить у невротических молодых девушек, к убеждению, что мужчина опорожен сексуальным сношением до брака. Для таких людей все сексуальное уже заранее нечисто, и, чтобы хотя отчасти избежать упреков, нужны обширнейшие и изощреннейшие меры предосторожности.

В заключение мне хотелось бы прибавить несколько слов относительно до сих пор незатронутой темы, именно о воздействии на душевную жизнь комплекса навоз, о детском интересе к появлению газов в кишечнике. В одной монографии³⁾ меня интересовал вопрос об отношениях этого комплекса к искусству и религии,—отношениях, которые гораздо больше, чем это можно было думать. Я доказал,⁴⁾ что в бессознательном понятие о Fl tus'e ассоциируется с целым рядом других понятий с сходными признаками, так, напр., с шумом, светом, запахом, огнем, дыханием, языком, громом, мыслями, духом, душой, музыкою и поэзией⁵⁾. Целый ряд душевных установок к этим понятиям обусловлен этими ассоциациями. Я здесь не буду повторять выводов, моей монографии, приведу только для их пояснения несколько примеров. Страсть пропагандировать идеи и веру в телепатию⁶⁾ произошла из этого комплекса, из того же источника и резко выраженное недовольство против вдыхания спертого воздуха и фанатическое стремление к свежему воздуху, чрезмерный интерес к каждому способу, регулирующему процессы дыхания, и убеждение, что упражнение в дыхании—всеисцеляющее средство для душевных и телесных страданий. Влияние этого комплекса на язык, оставляя в стороне грубые задержки произношения, как заикание, может

1) См. Jahrbuch, цитиров. произ., стр. 580.

2) Sadger, цитир. произв., стр. 45.

3) «Зачатие Девы Марии через ухо: дополнение к отношению между искусством и религией», Jahrbuch der Psychoanalyse, т. 6.

4) Jahrbuch der Psychoanalyse, т. 4 и 5.

5) Замечательно, что анально-эротический комплекс дает вклад к каждому из пяти искусств: архитектуре, скульптуре, живописи, музыке и поэзии, как впрочем, иначе и нельзя было ожидать после значительного вклада в эстетическое через реактивное образование по отношению к анальной эротике.

6) См. Jahrbuch, т. 4, стр. 540 и сл.; также у Hitschmann, т. I, стр. 253, Internat. Zeit. f. ärztz. Psychoanalyse.

распространяться до тончайших деталей грамматики и синтаксиса.

Так, удалось, напр., одному обычно молчаливому мужчине сконцентрировать свои речи, частично подражая немецкому построению предложения, что он все, что хотел сказать, сжал в одном необыкновенном, но блестяще построенном предложении. Это последнее выскочило, и все было кончено.

Общие выводы.

Число сопоставленных свойств характера и интересов в предыдущем изложении столь большое, их описание столь краткое, что я ради большей ясности еще раз кратко рассмотрю затронутую тему. Прежде всего надо различать две основные фазы процесса, именно, первую—«удержания» и вторую «отдачи», так как у каждой из них проистекает целый ряд свойств. Каждое внешнее противодействие против «удержания» или «отдачи» соответственное лицо отстраняет с негодованием; это отношение может повести к сильно выраженной индивидуальности, к своеволию, к упрямству и раздражительности и плохому настроению. Тяжеловесность, упрямство и способность к концентрации с стремлением к основательности и совершенству, вот свойства, к которым обе фазы вносят определенный вклад.

Наступающее после того развитие характера зависит, главным образом, от взаимодействий установок, относящихся к различным фазам, и от степени, с которой реагирует на каждое из них соответствующее лицо с развитием сублимаций и реактивных образований. Сублимации ведут к двум прямо противоположным типам характеров: для одного характерна бережливость или скупость, любовь к обладанию и забота о вещах, с большой способностью к нежности, до тех пор, пока любимое лицо остается подневольным; для другого типа—большая продуктивность и радость творчества, склонность наложить на кого-нибудь или на что-нибудь печать собственной личности, любовь к моделированию и формам, с большим тяготением делать подарки, в особенности любимым особам. Реактивные образования вызывают любовь к порядку, к чистоплотности, педантизм и отвращение к мотовству; они вносят значительный вклад в образование эстетических склонностей.

Окончательный результат является в чрезвычайно разнообразной форме вследствие сложных взаимоотношений между собою и к другим факторам единичных (анально-эротических) компонентов. В равной мере происходят как некоторые из ценнейших, так некоторые и из неудачнейших свойств. К первым относятся, в особенности, резко выраженная индивидуальность, решительность и упорство, любовь к порядку и организаторский талант, деловитость, надежность и основательность, изощренное понимание искусства и утонченный вкус, необычайная нежность и ловкость обращаться с конкретными вещами мира. К последним же относятся неспособность быть счастливым, раздражительность и скверное настроение, ипохондрия, скупость, узкая натура и мелочность, утомляющая духовная тяжеловесность, властолюбие и упрямство, все свойства, благодаря которым жизнь таких людей в обществе делается горькой и тяжелой.

Анальная эротика, любовь к страху и упрямство.

Hans von Hattingberg (München).

Ни одна, пожалуй, работа Freud'a не вызвала при своем появлении в печати такого страстного протеста, как его статья об анальной эротике и характере. Я должен сознаться, что и мне лично положения, выставленные в этой статье, долгое время тоже казались просто вздорными, пока, наконец — и, что называется, *malgrès moi* — при анализе одного детского случая я не натолкнулся на столь недвусмысленные в этом отношении указания, что [мне оставалось только одно: собственными глазами видеть перед собой явления, описанные Freud'ом под общим наименованием: анальная эротика. Ряд работ других авторов, появившихся с тех пор в печати, выяснил с несомненностью справедливость утверждения, что «анальная эротика» ¹⁾ встречается уже в детском возрасте. Что касается моего личного опыта, то за первыми наблюдениями последовали дальнейшие, вполне подтвердившие первые. Термин «анальная эротика» условимся употреблять только в следующем смысле: это, говоря вкратце, те случаи, в которых наблюдается особый, повышенный и сексуально окрашенный интерес к процессам дефекации и ее органам, случаи, в которых эти процессы и органы начинают играть роль своеобразных источников наслаждения, притом наслаждения определенно эротического или, точнее, сексуального характера.

В упомянутой небольшой статье Freud обратил, кроме того, внимание, что у одних и тех же субъектов часто отме-

¹⁾ О существовании анальной эротике вообще (в имеющемся здесь в виду смысле) было уже давно известно. Явление это описывалось нередко и в жyzяцной литературе, напр. в рассказах Armand Silvestre, где в любовных делах большую роль играют Flatus, внезапный позыв на низ и т. п.

чаются: анальная эротика в детские годы и ряд свойств характера в дальнейшем. Свойств этих целая триада: аккуратность, бережливость и упрямство. Он высказал даже предположение о возможности связи между этими явлениями: может быть, на эту триаду свойств надо смотреть, как на продукт сублимирования анально-эротической либидо? Предлагаемая статья ¹⁾ ставит себе задачу осветить именно вот эту характерологическую сторону проблемы; одновременно она содержит некоторый вклад в казуистику этого вопроса применительно к детским случаям. Мы уверены, что с чем большей критикой мы подойдем к предпринимаемой нами проверке выставленных Freud'ом положений, тем более наша работа окажется выдержанной в его духе, а дух этот — дух вечного искания, рассматривающий всякую формулировку только как попытку предварительной группировки наблюдаемых явлений, которая обогащает нас только тем, что дает новую отправную точку для дальнейшей исследовательской работы.

Для решения вопроса о степени распространенности «анально-эротического синдрома» мы могли бы попытаться прибегнуть прежде всего к статистике. Тема, однако, столь щекотлива, что попытка провести подобное исследование с надлежащей научной точностью (с помощью, напр., анкеты) встретила бы большие затруднения. Таким образом, дело должно было бы свестись к тому, чтобы каждый исследователь подвел итог своим наблюдениям. Не подлежит сомнению, что в этой области ни у кого нет такого богатого казуистического опыта, как у самого Freud'a. Мы думаем, поэтому, что вопрос о том, часто ли синдром встречается *tel—quel*, мы вправе считать решенным в положительную сторону, после того как Freud высказался утвердительно именно в этом смысле. Другое дело — исключения; с точки зрения Freud'овских воззрений они должны рассматриваться, как *formes frustes* или как абортивные случаи. Freud сам не говорит о них ни слова, да и в литературе я тоже не нашел каких-либо указаний в этом направлении. И все-таки мне кажется, что существует довольно много случаев, где резко выраженная анальная эротика сочетается с одним только упрямством, да и то существующим часто только в детстве; аккуратность же и бере-

¹⁾ Доклад на психоаналитическом съезде в Мюнхене, в сентябре 1913 г.

жливость отсутствуют в этих случаях совершенно или даже замещены противоположными качествами, крайне притом резко выраженными. По моим наблюдениям, так бывает особенно часто у женщин, несколько реже у детей.

Я хотел бы вкратце привести два подобных случая:

- 1) Интеллигентная, высоко образованная женщина, в детстве страдавшая упорными запорами, вспоминает, как ей часто делались лечебные клизмы и как она при этом испытывала совершенно определенные приятные ощущения сексуального характера. В дальнейшем, представляя себе в воображении любовную сцену, она рисовала себе не что иное, как именно клизмы, однако, в применении к лицам мужского пола. Ребенком она была упряма, теперь ее не назовешь упрямой, по крайней мере с точки зрения житейской психологии. Она во всяком случае совершенно не отличается бережливостью; не будучи расточительной, она щедра и великодушна. Наконец, будучи вполне хорошей хозяйкой, [она никак не может быть названа особенно аккуратной. С обычной точки зрения она совсем не невротик.

- 2) Сходную в этом отношении картину представляет собой характер одного коллеги, субъекта тоже анально-эротического. И здесь упрямство в юные годы, в дальнейшем совершенно сгладившееся, наряду с полным отсутствием аккуратности и бережливости; напротив, он рассеян и забывчив до беспомощности. Я мог бы привести целый ряд подобных примеров, однако я предпочту ограничиться простым утверждением, что при резко выраженной анально-эротической склонности часто совершенно не отмечается ни аккуратности, ни бережливости; зато по большей части может быть отмечено упрямство, по крайней мере в детстве; мне известен, однако, и здесь целый ряд исключений. Итак, рассчитывать решить этот вопрос по существу с помощью статистики, я думаю, дело безнадежное. Нам придется поэтому, так или иначе, ограничиться более подробным изучением проблемы анальной эротики, как таковой; проблема эта к тому же основной феномен в описываемом синдроме.

В этом отношении мне посчастливилось. В моем распоряжении оказался случай [анальной эротики у пятилетнего ребенка, который был так понятлив, что от него удалось получить ответы по всем важнейшим, интересным в этом отношении

пунктам, совершенно не прибегая к сложным приемам интерпретации. Стенографический протокол этого анализа появится вскоре целиком в «Jahrbuch für psychoanalytische Forschungen»; в этой статье я буду приводить только то, что окажется необходимым для обоснования моих положений и выводов.

Маленький Otto — 4-ый ребенок в семье; родители — мои близкие друзья, русские немцы. Отец здоров, мать несколько нервная; оба субъекты с повышенной возбудимостью сосудодвигателей. Мальчик ничем серьезно не хворал, развивался нормально, с виду здоровый и цветущий; вовсе не похож на «нервного» ребенка в обычном смысле. Он очень понятлив, наблюдателен, прекрасно ориентируется в самых сложных положениях; в нем чувствуется определенный уклон в сторону фактического; он, так сказать, маленький эмпирик. Упрям он с самых ранних пор: гулять ему всегда хотелось одному; терпеть не мог, когда его водили за руку; укладываясь спать брал постоянно в руки какой-нибудь платок и не мог заснуть иначе. Ребенок он в общем веселый, однако легко ранимый, его трудно успокоить, если расплачется. До 4^{1/2} лет крайне дичился посторонних, особенно когда чувствовал, что на него обращено внимание. Когда от него требовалось какое-нибудь маленькое публичное выступление (напр., прочесть наизусть в день рождения отца поздравительное стихотворение), он испытывал величайшее затруднение. Он приходил в замешательство, делался беспомощным, не мог продолжать чтения, плакал. — У него тонкое обоняние: «пахнет папой» — сказал он как-то про какую-то вещь. Но с 4-го года жизни довольно часто отмечается *avor nocturnus*; в последние месяцы 4-го года жизни изредка *enuresis nocturna*. С этого же времени, с 4-го года, было замечено, что он часто трогает руками свои половые органы, мастурбирует. Чтобы помешать этому, ему стали фиксировать руки особыми лентами.

Приблизительно 3-х лет от роду Otto стал проявлять особый повышенный интерес к выделительным процессам. Интерес этот проявлялся, между прочим, в его особой склонности к тем словам, которыми, на его детском языке, обозначались эти действия. Он дал, напр., особое имя «Гелу» своему брату Генриху. Это обозначало следующее: Генрих и Лулу — почему? «Потому что я его люблю, потому что люблю и Генриха и Лулу» (Лулу означает мочу и *penis*.) В дальнейшем, уже во

время анализа, выяснилось какое значение имели у него эти комплексы. Приведем еще некоторые анамнестические данные: в возрасте $4\frac{1}{4}$ лет — когда он уже давно выучился управлять своими дефекационными рефлексам — он вдруг несколько раз не удержал испражнений; происходило это без какого-либо расстройства со стороны кишечника и случалось исключительно во время прогулок с теткой, которую он очень любил. То же самое он проделал (несколько раз) и в возрасте $6\frac{1}{4}$ лет, как раз в тот период, когда производился наш анализ. По окончании анализа подобные вещи больше уже не повторялись. Для анализа потребовалось 12 сеансов, общей длительностью около 20-ти часов; сеансы эти производились время от времени (небольшими группами) в течение почти двух лет. Они производились всякий раз по поводу тех или иных событий в жизни мальчика, как, напр. по поводу упомянутых уже случаев *incontinentiae alvi* или *ravoris nocturni*.

Результат получился следующий: резкая анальная эротика и наряду с ней резко выраженная уретральная и мочева эротика в смысле Sadger'a. Обе эти темы составляли содержание целого ряда снов, они же подавали повод к ночным страхам и некоторое время в порядочной степени владели фантазией ребенка. Анализу были подвергнуты три сна. Все они были в сущности варианты одного и того же основного мотива, повторяющегося в двух последних снах лишь с самыми незначительными модификациями. Вот содержание первого сна: «Я видел что-то желтое, совсем желтое, потом длинную такую дорогу... и мы должны были бежать взапуски. Это было слишком далеко для меня, а я уже утомился и вот я стал бояться этого». В дальнейшем выяснилось, что нечто «совсем желтое» это anus его двоюродной сестры Lilly, а все остальное было воспроизведением обстановки ряда ситуаций, в которых он испытывал страх, как например, при беге взапуски, во время решения задач или счета, когда он запинался и не мог продолжать счета.

В двух других снах, подвергнутых анализу, оказалось по существу то же содержание, что и в первом, только в несколько иной форме. В одном из них он видел, как из трех отверстий какого-то канала вылезали маленькие чертенята: в другом — три человеческих задних прохода с выходящими из них испражнениями. Итак, в этих снах трактовалась его излюблен-

ная тема, притом в самой неприкрытой форме. Во время этих сновидений он испытывал страх и тотчас пробуждался с громким криком. Но самым интересным пунктом в анализе был приступ ночного страха, имевший место полгода спустя. Он громко закричал во сне, на крик явилась мать, но он не сразу узнал ее и принял сперва за цыганку. С помощью анализа удалось выяснить следующее: Я уже говорил, что он имел привычку постоянно трогать руками свои половые органы. Как раз в этот период времени он стал пытаться, сам, по собственной инициативе, отвыкнуть от этой дурной привычки. Попытки его были небезуспешны. Для этой цели он придумал нечто вроде навязчиво-невротического церемониала, который он описывает следующим образом: «Как только у меня появлялось желание (scil. опустить вниз руку), то у меня сейчас же было такое ощущение внизу, будто я вот-вот наделаю прямо в кровать; и вот теперь, когда мне хочется опустить руку, я начинаю делать в глотке так: «Ха, ха, т.-е. холло», а это значит, что я не должен делать этого, после этого в глотке такое чувство, будто нет голоса и вот теперь я могу убрать руку. Я тогда даже еле дышу, когда не делаю рукой. Ощущение в глотке неприятное, по его словам. Оно, вероятно, сходно с ощущением сдавленности, перетянутости глотки.

В тот вечер повторилось то же самое. Вот его рассказ: «Вот как это было: мне опять захотелось засунуть руку вниз, и вот опять появилось это ощущение, и я быстро вытащил руку обратно. Я всегда делаю это быстро, одним толчком. Тут я услышал голос, сказавший: «опять ты здесь, русский?». Как удалось выяснить, этот голос был голосом цыганки и в то же время и голосом его любимой тетки. Смысл же слов был следующий: Слово «русский» обозначает Лулу, т.-е. penis, так как в этом слове есть звук «у». И вот цыганка говорит ему иносказательно: «опять у тебя эрекция?» Она сказала это, «потому что Лулу опять смотрел кверху». Во время этого сеанса выяснилось, что в течение некоторого времени он совершенно особенно относился ко всем словам, в которых встречались звуки; «у», «К», а также «Gr». Слова с «у», (напр., Auto — автомобиль, Hund — собака) обозначали Lulu, т. е. penis и мочу. Слова же с «Gr» и «К» (gross — большой и Kot — кал) обозначали кал («за большой»). Он очень любил эти слова. Вот что он сообщил по этому поводу: «у меня тогда бывает

такое чувство, 'будто я делаю в постель. Будто делаю за маленького, если думаю о чем-нибудь маленьком, т.-е. о Lulu; за большого, если думаю о чем-нибудь большом».

После первых сеансов эти явления прошли почти совсем. Вот его слова: «Раньше все эти слова имели такое значение, но после того, как мы поговорили об этом, я знал и помнил, что не должен делать этого и перестал так делать. Теперь у меня осталось очень немного таких слов на «у». Одно такое слово: русский, а другое: кружка. В нем также попадаетея «Gr» от слова gross (Krug — кружка — звуки r, g gr).

Однако мы все еще не исчерпали всего материала, полученного при анализе этого случая. Цыганка фигурировала уже в целом ряде страшных сновидений, однако до сих пор еще не удавалось идентифицировать этот образ и выяснить его значение. В конце концов, удалось докопаться до своеобразных фантазий, лежавших в основе образа цыганки. Otto представлял себе, что цыганка возьмет его с собой и выучит разным цирковым трюкам. Главные из них следующие: стоять на голове и танцевать на трапеции. (Почему] именно это, а не что-нибудь другое?) Когда стоишь на голове, можно мочиться в свой собственный рот, а в цирке, стоя на трапеции, можно делать Lulu перед всей публикой. Обе эти картины не результат нашего толкования полученных данных: ребенок сам рассказал нам про эти свои фантазии. Это ясно выраженные уретрально-эротические фантазии, превосходно подтверждающие относящиеся к этой теме наблюдения Sadger'a. Заметим в скобках, что в этом случае и символика воды раскрыта прямо в рассказе самого ребенка, а не явилась продуктом интерпретации.

Весь материал, полученный нами при анализе этого случая, в главных своих частях, за немногими исключениями, которых я не стану касаться, представляет собой исключительно вариации на темы уретральной и анальной эротики. Я лично, сверх того, нашел в нем подтверждение целого ряда данных, полученных во время первых сеансов. Вот какой ход переживаний оказывается типичным для нашего Otto, на основании всех вышеприведенных данных. Когда его охватывал страх, он тотчас же совершенно непосредственно испытывал позыв на-низ и желание помочиться, при этом в penis появлялось «чувство», т.-е. эрекция. Страх не проходил, но к нему присоединялось «это чувство»; оно было ему очень при-

ятно, так что он иногда умышленно вызывал его. Стоило только задержать на более долгий срок мочу или испражнение, как появлялось это «чувство»: так он и делал и, по его словам, довольно часто. Случай, когда он, как сказано выше, не удерживал кала, объясняются отчасти именно этим образом: он умышленно задерживал кал до самой последней возможности. Возбуждение здесь возникало в связи с давлением в переполненном пузыре или в прямой кишке. В отличие от случаев Sadger'a процессы микции и дефекации сами по себе не сопровождались у Otto приятными ощущениями—«чувство», эрекция, здесь возбуждалось запахом экскрементов, он особенно любил этот запах. Что это так, явствует из следующего факта: ему было уже шесть лет, когда он, отправляясь на прогулку, запихивал себе в штаны горшок и долго ходил так, не говоря ни слова, наслаждаясь запахом экскрементов.

Все эти процессы раскрылись предо мною во время одной из первых бесед с мальчиком. Беседа эта состоялась по поводу небольшой сцены между ним и его отцом, при которой я присутствовал. Дело было за обедом: Otto должен был сказать какое-то французское слово,—слово простое и ему хорошо известное. На этот раз он стал стесняться, и ни коими силами не удалось побудить его произнести это слово; не действовали ни ласки, ни уговоры, ни угрозы. Сцена эта продолжалась с полчаса. Отец испытал все средства, все было тщетно. Otto делал вид, будто он пытается выговорить это слово, однако стоило отцу настаивать познергичнее, как мальчик начинал тихо плакать; однако он очень скоро успокаивался и вертел в руках туговицы отцовского сюртука, пока отец держался выжидательной тактики. Но все это повторялось в том же порядке, как только отец опять начинал настаивать на выполнении своего требования; он делал явное усилие, чтобы выговорить слово, затем начинал откашливаться, выпускал какие-то сдавленные звуки, начинал плакать и т. д. Было видно, что он и хочет и в то же время не хочет сделать то, что от него требуется. Что-то приковывало его к этой ситуации, весьма для него тягостной, из которой ему, конечно, очень хотелось выйти. Наконец, после долгих усилий ему удалось произнести это слово, сперва тихо и беззвучно, потом уже как следует: вздох облегчения вырвался у него при этом.

Если мы припомним, что он задерживал, напр., мочу, чтобы вызвать приятное чувство эрекции, нам будет нетрудно сделать и здесь аналогичное предположение. Однако мы не думаем, что в данном случае он сознательно не слушался отца, с тем, чтобы таким образом испытать страх, а в связи с ним наслаждение от «чувства» эрекции. Чувство страха в данном случае превратилось у него в особое чувство наслаждения страхом, превратилось в особый «смешанный» аффект «приятно-неприятного» характера. Наш случай интересен, конечно, уже просто как казуистическое подтверждение существования явлений анальной и уретральной эротики. Но главный его интерес, самый важный его результат я нахожу именно в выяснении существования феномена наслаждения страхом; верность связанных с этим случаем выводов я мог проверить в дальнейшем при анализе шести детских случаев, исследованных, правда, не так уже детально. Все это вполне подтвердилось и у нескольких взрослых невротиков, давших о себе ряд сведений такого же характера.

Пытаясь хорошенько вдуматься в смысл этих явлений, мы прежде всего должны вспомнить, что мочевого пузыря, прямая кишка и генитальная сфера тесно связаны между собой в отношении иннервации, и что связь эта не только анатомическая, но и физиологическая. В работе Havelock Ellis о половом чувстве приведен целый ряд примеров, указывающих на то, что в этом отношении возможно даже своего рода взаимодействие. Оказывается, что и у женщин существуют явления, до известной степени аналогичные мужской утренней эрекции: переполнение пузыря и у женщин вызывает рефлекторное повышение половой возбудимости, вызывает более интенсивное половое наслаждение. И, наоборот, сильное сексуальное возбуждение иногда вызывает резкие позывы на мочеиспускание, которые прекращаются, когда возбуждение проходит. Сюда относится и следующее наблюдение: замечено, что нервные, породистые собаки, которые обычно никогда не бывают неопрыжены в комнатах, не удерживают мочи, если им случится очень обрадоваться или прийти в состояние некоторого возбуждения, напоминающего любовное, напр., при возвращении домой любимого патрона. Фактов этого рода в сущности так много, что каждому из нас вероятно по собственному опыту известен тот или другой аналогичный случай. Во всех этих

случаях явления связаны между собой несомненно сравнительно очень простым способом, чисто физиологически; едва ли кто станет оспаривать это положение в применении, напр., к утренней эрекции в связи с переполнением мочевого пузыря.

Ряд приведенных фактов может быть дополнен рядом других, также всем хорошо знакомых явлений. Вспомним, что аффект страха уже в пределах нормы сопровождается позывами на низ и на мочеиспускание. Позывы эти принадлежат к числу «соматических» спутников этого аффекта (по крайней мере его высоких степеней). Легко упускают из виду, что эти явления тесно связаны друг с другом: нетрудно, однако, освежить эту связь в памяти, стоит только вспомнить не претендующий на салонные приличия обыденный жаргон: сколько в нем более или менее ясных указаний!

Здесь мы замыкаем цепь, принимаемых в соображение фактов. Предположим теперь, что у нервного ребенка вся нервная система в целом отличается повышенной общей возбудимостью, ¹⁾ и мы поймем, что небольшое повышение давления в мочевом пузыре или в прямой кишке способно вызвать у такого ребенка состояние возбуждения в генитальной сфере (может быть, благодаря «иррадиации» раздражения). У таких детей обыкновенно также довольно резко повышена возбудимость симпатической системы, а это ведет к тому, что вышеупомянутые «соматические» спутники аффектов (так называемые выразительные движения) проявляются у них вообще гораздо интенсивнее. Таким образом мы пришли, как мне кажется, к вполне удовлетворительному объяснению ²⁾ того способа, с помощью которого страх превращается в наслаждение страхом, в склонность к страху; также и того, почему этот «смешанный» аффект возникает только у субъектов с особым предрасположением. Чрезвычайно важное подтверждение этой концепции мы видим в факте существования поллюций, возникающих в связи с чувством страха. Двое коллег рассказали мне, как

¹⁾ Соотношения между детской нервностью и спазмофилией, правда, еще недостаточно выяснены, однако представляется довольно несомненным, что у нервных детей, без всякой спазмофилии, часто отмечается симптом Chvostek'a (симптом лицевого нерва), указывающий на повышенную механическую возбудимость нервной системы.

²⁾ Объяснение это, конечно, не в духе «философствующих» психологов.

однажды в классе, во время работы над сочинением, у них, к их изумлению, произошла поллюция, как раз в тот момент, когда страх, что они не успеют во время окончить сочинение, достиг максимального напряжения. Другой коллега сообщил, что он приходил в особое возбужденное состояние, когда решал в классе математические задачи; состояние это он сам считал совершенно тождественным со своими переживаниями во время сновидений, сопровождавшихся поллюциями: замечательно, что темой этих сновидений почти всегда являлись математические классные работы или испытания по этому предмету, в то время как соответствующие поллюционные сны его брата вертелись всегда около темы опаздывания на службу. Тот же коллега сделал еще одно интересное сообщение. Вот оно: с ним случился понос во время железнодорожной поездки, и вот к его величайшему изумлению у него внезапно произошла поллюция, в то время как находясь в купе один в обществе молодой женщины, он должен был бороться с особенно резкими позывами на-низ. Раньше поллюции у него бывали исключительно во сне. В данном случае положение его было особенно затруднительно, так как дама, с которой он находился в купе, производила на него известное сексуальное впечатление. Один из пациентов Sadger'a, субъект с резко выраженной уретральной эротикой, дает о себе совершенно аналогичные сведения. Вот его описание: когда мне было десять лет, я опоздал однажды в класс, учитель же у нас был свирепый, и мы его очень боялись. Когда я увидел по школьным часам, что опоздал на целых десять минут, меня охватил ужасный страх, и в то же время я почувствовал необыкновенное, исключительно приятное ощущение в penis. Ощущения этого я никогда не забуду. Наконец, появились судороги, совсем как перед экуляцией, истечение семени, однако, не было. Ощущение это возникло совершенно самопроизвольно, я отнюдь не мастурбировал. Ощущение это такое же, какое я испытываю в настоящее время при мастурбации, только тогда оно было несравненно приятнее. Описание это, если внимательно отнестись к нему, содержит, в сущности говоря, все существенные пункты только что изложенной нами концепции.

Прекрасный пример феномена наслаждения страхом и тонкое его описание представляет собой небольшой эскиз Roseg-

ger'a «Ums Vater wort», цитируемый Sadger'ом в его работе о садо-мазохистическом комплексе ¹⁾).

Rosegger рассказывает про свои детские годы: его отец мало интересовался им и обращал на него внимание лишь тогда, когда он совершал какой-нибудь проступок. Строгий отец ставил мальчика перед собой и делал ему выговор крайне резким и сердитым тоном. Мальчик стоял, как вкопанный, смотрел отцу прямо в глаза и испытывал, при всем сознании вины, еще какое-то другое чувство: когда гром и молния сыпались на меня с особенной силой, я испытывал какой-то совершенно своеобразный трепет, что-то приятное, какое-то наслаждение. Слезы появлялись на глазах и текли по щекам, а я стоял, как деревцо, смотрел на отца и чувствовал себя неизъяснимо [хорошо; чем дольше продолжалась отцовская гроза и чем она была выразительнее, тем сильнее было это чувство. «Несколько недель проходило после этого без каких-либо проступков, отец снова переставал обращать внимание на сына, как бы не замечал его — и тогда в нем «опять поне-многоу просыпалось и нарастало желание выкинуть что-нибудь такое, что привело бы отца в ярость. У меня вовсе не было желания позлить его, я любил его без меры, тут была другая причина; никаких злобных чувств против него у меня не было, это я знаю наверное: причина тут была в чем-то другом, в чем тогда я не отдавал себе отчета. Сам Rosegger объясняет свое поведение «желанием быть поближе к отцу, смотреть ему прямо в глаза, слышать его голос, чувствовать, что слова отца обращены именно к нему. «В ту пору у отца было много забот, и он редко бывал в веселом настроении. И если он и со мной не мог быть весел, как другие люди, то пусть на мою долю достанутся хоть сердитые взоры и речи; чувство это охватывало меня всего с какой-то властной, сладкой силой; меня так и тянуло к нему. Ведь это были глаза отца, это был его голос».

Это объяснение едва ли объясняет все вполне. Оно только делает вероятным, что подобное желание действительно переживалось при этом. Однако, если при чтении этого рассказа отдаться впечатлениям непредвзято и свободно, то легко почувствовать, что «своеобразный трепет, что-то приятное, какое-

¹⁾ Jahrbuch, IV.

то наслаждение» выражает нечто гораздо большее, чем чувство удовлетворенной тоски по лицу любимого отца: ведь «чем дольше продолжалась отцовская гроза и чем она была выразительнее, тем сильнее было это чувство».

Sadger рассматривает поведение Rosegger'a, как проявление «словесного мазохизма» (Wort masochismus). Однако подведение этого случая под понятие мазохизма удается ему лишь с порядочной натяжкой, да и должно оно так быть, ибо противоречит всем его прежним построениям и способно обнаружить недостаточность его воззрений на природу садомазохизма, по крайней мере в применении к истолкованию данного случая.

Случай этот не похож также и на приводимый Sadger'ом случай, описанный Freud'ом. В этом последнем речь идет о взрослой женщине, до анализа сильно фиксированной на своем отце. К своим любовным отношениям она предъявляла следующее специфическое требование: мужчина должен был осыпаять ее грубейшей, циничнейшей бранью. И вот выяснилось, что подобная брань входила в привычки ее отца, человека крайне грубого, виртуоза ругаться и браниться, позволявшего себе такую брань в присутствии дочери, когда она была еще ребенком. Следовательно, любовник, если он обращался с пациенткой в духе этого ее желания, изображал перед нею с помощью брани роль ее отца». Сразу видно, что подобное объяснение не подходит к Rosegger'у; также не подходит и допущение, что своим поведением он хотел добиться побоев, так как его, по его словам, никогда не били.

Вопросы эти, может быть, покажутся вопросами преимущественно классификационного характера; коснулся я их подробнее потому, что мне казалось особенно важным обратить внимание на то, что мазохизм и любовь к страху—вещи совершенно различные. И то и другое может встречаться у одного и того же индивидуума, однако субъективно это совершенно отличные друг от друга переживания: я знаю об этом со слов людей весьма интеллигентных и искушенных в психологическом самонаблюдении. Так обстояло дело и с нашим Otto: когда однажды отец высек его, что случалось довольно редко, то у него в этот момент эрекция была особенно сильной. То же и у одного взрослого невротика: по его словам—в его сценах с родителями телесное наказание было всегда кульминационным

пунктом. Этот пациент был очень упрям и полагает, что может ругаться, что сцены эти провоцировались им самим — он во всяком случае чувствовал после них большое облегчение. Некоторые черты в описании испытанного им возбужденного и напряженного состояния едва ли допускают какое-либо иное истолкование чем то, что стремился он не только к финалу, к телесному наказанию, но искал также и наслаждения стра. ом; кроме того, и у него в школьные годы была однажды поллюция в связи с чувством страха.

Что касается случаев, в которых фигурирует порка, то здесь был бы возможен и иной теоретический способ объяснения: мазохизм, т.-е. любовь к боли, можно было бы свести на любовь к страху. Страх-то подвергаемый наказанию уж, конечно, всегда испытывает. Однако целый ряд наблюдений делает весьма вероятным, что болевое раздражение кожи ягодиц, как и вообще «телесные страдания» сами по себе, уже в состоянии вызвать половое возбуждение. Так смотрит на это и Sadger и иллюстрирует этот взгляд в упомянутой выше работе целым рядом примеров. Допущение Sadger'a, что садомазохизм по сути дела только проявление повышенной кожно-слизистой и мышечной сексуальной или эротической чувствительности, кажется мне верным только с известными ограничениями, и то лишь в качестве парциального объяснения этого бесконечно более усложненного феномена. Не подлежит сомнению, напр., что мужской половой инстинкт или аффект уже в пределах нормы содержат в себе порядочную дозу агрессивных, насильнических тенденций, даже тенденций к причинению боли; и вообще соотношения эротики и боли так многочисленны, что их не удастся вывести, исходя из одного только момента.

И с точки зрения характерологии тоже очень многое говорит за то, что необходимо отличать мазохизм от любви к страху. Мазохисты большей частью не упрямые, нередко они проявляют, напротив, совершенно исключительную тенденцию к подчинению, вплоть до раболепства. Любовь к страху, напротив, может легко вести к упрямству, при чем в начале ребенок держит себя только пассивно. При нормальных условиях страх дает толчок и желание выйти из ситуации — тут же к нему примешивается какой-то приятный, эмоциональный оттенок, создающий тенденцию к продлению ситуации. Гораздо

чаще ребенок не остается пассивен, а ведет себя наперекор, а эта остановка представляет собой уже настоящую агрессивную тенденцию. Ребенок обостряет таким образом ситуацию, она сильнее бьет его и этим самым повышаются и страх и наслаждение.

Если это объяснение верно, то к этим случаям не подойдет концепция Freud'a, по которой упрямство анально-эротических субъектов — это продукт сублимирования соответствующей либидинозной компоненты. Во всех случаях комбинации резких и явных анально-эротических проявлений или фантазий с определенно выраженным упрямством, строго говоря, надо видеть исключения из синдрома Freud'a, не укладывающиеся в синдром.

А такие случаи встречаются довольно часто. Ведь только вытесненное анально-эротическое *libido* могло бы подвергнуться сублимированию и превращению в упрямство, иначе придется ссылаться на какую-то ближе неопределимую психическую силу, которая может проявляться в одних случаях в анальной эротике, в других, наоборот, в упрямстве. Предложенное мною толкование, мне кажется, дает более простое объяснение; преимущество его еще и в том, что оно позволяет нам понять, почему упрямство не необходимое следствие анальной эротики. Дети, особенно предрасположенные к страху (а наследственного предрасположения к известным аффектам не приходится отрицать), совсем не нуждаются в том, чтобы искусственно повышать свой страх упрямством поведения. Они достигают наслаждения страхом более простым способом.

То обстоятельство, что у анально-эротических субъектов упрямство в дальнейшем совершенно сглаживается, может быть объяснено различным образом. Прежде всего упрямство или вернее упрямое поведение по сути дела потому является характерной чертой детского возраста, что оно в известном смысле представляет собой дефект приспособляемости; дефект этот может быть преодолен, когда наше «я» вполне уже подчинено упорядочивающей функции интеллекта, когда с успехом завершена организация личности помимо этого упрямства — черта по сути дела реактивная: оно обнаруживается впервые в тех ситуациях, где к личности начинают предъявлять требования, где она сталкивается с моментом долженствования. Постоянные императивы, все в новой и новой форме, — приви-

легия детского возраста; напротив, взрослым приходится иметь дело только с вполне определенными типическими отношениями долженствования, а с ними можно легко, и раз навсегда, суметь справиться. Допустим, однако, и еще одну возможность, я только слегка намечу ее, хотя и считаю ее почти столь же существенной и важной. Любовь к страху превращается в любовь к ожиданию, в любовь к аффекту напряжения. В этом периоде дело не доходит до развития аффекта страха, а только до его предварительной стадии: до аффекта напряжения или ожидания. Соматические соотношения остаются, однако те же самые и в прежней силе: и здесь также прямо и непосредственно вызывается сексуальное возбуждение, правда по большей части сублиминального характера.

В качестве примера могу привести некоторые детали анализа одного случая тика в области *nervi facialis*. У этого больного, человека вполне толкового, литографа по профессии, наблюдались черты резко выраженной анальной и уретральной эротики. Он рассказал между прочим, что в детстве он и его товарищи нередко практиковали следующее; они мочились, так сказать, в пространство и старались направлять струю мочи друг другу прямо в рот. Подергивание лица у него в конце концов стало спутником сексуального возбуждения, превратилось в замещение удовлетворения («Ersatzbefriedigung»); в смысле Freud'a. И все это в связи с очень сложными многими причинами, обстоятельствами. Во время анализа он рассказал мне следующий сон: «я ехал на велосипеде и въехал на трамплин, стоявший на подставке. Всякий раз, когда я доезжал доверху, я падал». Дальше он сообщил следующее: всякий раз, когда он доезжал до высшей точки, у него появлялось чувство, напоминающее головокружение, и, тем не менее, он все время ездил, поворачивал обратно, делал круг и снова въезжал на трамплин. Он испытывал страх перед этим ощущением, но продолжал делать все то же самое и сам дивился этому. «Это головокружение,—сказал он,—в сущности нечто вроде чувства боязни или страха, совсем вроде того страха, что могу заразиться от женщины, который я испытывал в свое время». Дальше, после нескольких вопросов: «это головокружение — похоже на чувство вроде как бы расслабления, вот после полового сношения испытываешь вроде как бы такую же расслабленность». Больной думает сам, что

это было своего рода половым удовлетворением и доказывает это в следующих выражениях: «я испытывал головокружение и все-таки все время делал то же самое, очевидно это было приятное удовлетворение, поэтому я въезжал еще и еще раз, чтобы опять вызвать головокружение. Точно так же обстоит дело и с подергиваниями. Я сравнил бы эту езду с подергиваниями, подергивания это — езда, или наоборот. Когда я падал, следовательно, подергивался, я испытывал удовлетворение, и вот я снова ехал обратно и снова падал и дергался. Это продолжалось до тех пор, пока я, наконец, не удовлетворился» ¹⁾.

Вот по какой причине приобретает для нас значение этот сон. Больной добавил следующее, что, когда он едет на велосипеде и заметит вдруг какое-нибудь препятствие, какую-либо незначительную опасность, у него сейчас же начинаются подергивания, которые уже квалифицированы нами, как симптомы полового возбуждения. Вот его описание: «это тоже какое-то возбуждение, и возбуждение очень сильное, чувство страха, что вот-вот упаду. Когда я боюсь, что упаду, или вообще боюсь, что как бы чего-нибудь не случилось, я начинаю дергаться».

Сигнал полового возбуждения, почти однозначный для самого пациента, появляется у него одновременно с чувством тревожного напряжения — однако, возбуждение это, как таковое, не доходит до его сознания. Он — опытный велосипедист, ездит на велосипеде ежедневно, и падать в действительности ему приходилось очень редко. Однако он очень часто боится, что упадет, почти при каждом сколько-нибудь значительном препятствии или затруднении. Переживаемый им аффект имеет по его описанию такой характер, что мы вправе назвать его и «чувством напряжения» и «напряженного ожидания». Ездить на велосипеде он очень любит, кроме того, он — страстный горный турист, чуть даже не погиб однажды при обвале.

На основании этого случая и сходных с ним я считаю вероятным, что страсть к опасным видам спорта развивается у некоторых лиц именно по этому типу. Я говорю определенно: только у некоторых лиц и, если стремиться к точности,

¹⁾ И этот анализ, зафиксированный мною, есть стенографический протокол. Сновидение это представляет интерес, так как удалось расшифровать его без всякого вмешательства с моей стороны, кроме простых вопросов.

всегда только известная доля этой страсти. Существует, конечно, целый ряд других причинных объяснений и особенно рационализаций! Я мог бы уже в настоящий момент обосновать это положение на целом ряде примеров: так, есть субъекты среди спортсменов, обычно всячески избегающие опасности, вовсе не отличающиеся мужеством, а, между тем, участвующие в опасных автомобильных гонках, в гонках на альпийских санках и т. п. Я знаю нескольких лиц этого типа, и у меня очень много оснований считать, что анальная и уретральная эротика сыграла у них свою роль в указанном смысле.

Коснемся еще страсти к азартным играм. Кто знал настоящих игроков, кто сам играл, тот знает, что в игре ценится ощущение игры, чувство своеобразного напряжения и нервного возбуждения, заставляющее забывать все вокруг. В этом отношении особенно поучителен особый тип людей, которых так много в Монте-Карло. Такие лица часами сидят у игорных столов, с напряженным вниманием следя за игрой и добросовестно отмечая каждый ход, но сами они никогда не делают ставок. Мечта о выигрыше, этот постоянный и закономерный фактор, у подобных лиц не играет никакой роли или очень ничтожную—время от времени и им приходит в голову рискнуть небольшим кушем, но их приковывает к столу исключительно игорная лихорадка. С точки зрения моей концепции очень любопытно, что лица другого пола для настоящего игрока в значительной дозе теряют свою притягательную силу; служащие банка в Монте-Карло подтвердили мне это наблюдение. Мало того, целый ряд других особенностей настоящего игрока, который по своему характеру близко подходит к невротикам, оказался бы более понятен, если бы наше предположение оправдалось.

Трудно судить о степени распространения склонности к эмоциям страха и напряжения; здесь, однако, другие причины затруднений, чем в вопросе о распространении анальной и уретральной эротики. Было бы грубой ошибкой отождествлять всякое влечение к напряжениям с намеченным здесь понятием склонности к эмоции напряжениями любви, к тревожным ожиданиям. Я резко подчеркиваю это. В реальном потоке психического становления мы всегда имеем дело с чрезвычайно сложными соотношениями, а в области аффективной жизни в особенности, и совершенно невозможно обойтись без допуще-

ния в каждом состоянии существования целого ряда отдельных компонент, слитых и сплавленных в одно целое («Verschmelzung»). И если мы серьезно стремимся к пониманию этого бесконечного многообразия — по крайней мере, хоть настолько, чтобы быть в состоянии рассчитывать на успех наших врачебных мероприятий — мы должны подходить к делу, вооружившись известными упрощающими точками зрения, мы должны заняться анализом на подобие химика, следящего за реакциями одного какого-нибудь тела, одного элемента.

Подобный элемент я усматриваю в эмоции наслаждения страхом. Эмоция эта развивается у субъектов, предрасположенных, вероятно, в связи с физиологическими, конституционально обусловленными особенностями. Они возникают у тех лиц, у которых вместе с аффективным состоянием страха вызывается одновременно сексуальное возбуждение, правда, по большей части возбуждение сублиминальное: оба эти элемента сливаются и образуют «смешанный аффект». Необходимо твердо помнить, что сублиминальное сексуальное возбуждение вовсе не сознается, как таковое, испытывающим его лицом, по крайней мере, не должно сознаваться. С психологической точки зрения можно протестовать против термина «смешанный аффект» в применении к данному состоянию: ведь здесь со страхом сочетается скорее некий более «соматический» компонент сексуального аффекта, являющийся аффектом довольно сложным. Однако мы зашли бы слишком далеко, если бы вздумали останавливаться на этом подробнее. В видах более ясного понимания моей концепции я хотел бы указать только на одну аналогию. Продолжительное половое воздержание вызывает у многих людей известную степень, я бы сказал, латентно всегда наличного полового возбуждения. Следствием подобного возбуждения является, например, более легкое возникновение эрекций. Однако при этом не пускается в ход весь аппарат сексуального аффекта с его высшими психическими этажами. И все-таки при этом в довольно значительной степени захватывается динамика всего аффекта. Наблюдатели без предвзятости могут видеть это у молодых людей, которые, находясь в подобном состоянии, встречаются с лицами другого пола.

Что склонность к страху и к чувству напряжения связана с сексуальным аффектом (в широком смысле слова), может быть иллюстрировано вот каким давно известным фактом.

Спорт и азарт заставляет жертвовать жизнью и состоянием таких людей, которые вообще ничуть не герои и неспособны к жертвам. Что-то толкает их сюда, а у таких людей мало других инстинктов, способных успешно конкурировать с чувством самосохранения ¹⁾).

В этом нашем исследовании мы успели коснуться лишь небольшого числа тех проблем, которые возникли перед нами в результате ознакомления с соответственными взглядами Freud'a. Нам удалось выяснить, что действительно, быть может, существует связь между анальной эротикой и одним из вышеприведенных свойств характера; что касается аккуратности и бережливости, то здесь мои взгляды отчасти не совпадают с Freud'овскими, но, за отсутствием собственных наблюдений, я не в состоянии обосновать этих воззрений. Мы не коснулись также самого интересного, пожалуй, вопроса о том, можно ли вообще рассматривать свойства характера, как продукты сублимирования определенных либидинозных компонент.

Позиция в этом вопросе зависит по существу от того, что мы мыслим, говоря о сублимировании, каков наш взгляд на его.

Легче поддаются объяснению так называемые «реактивные образования», которые Freud объединяет в понятие «аккуратность». Я хотел бы отнести сюда и преувеличенную чистоплотность. По моим наблюдениям она нередко возникает благодаря «гиперкомпенсации», чрезмерной склонности к грязи и нечистоте, и существует в самых разнообразных формах и степенях. Тем не менее наряду с ней нередко бывает и порядочная неаккуратность. Примеров можно привести много. Начиная с дамы, изо дня в день меняющей белье и требующей, чтобы в гостинице постель была покрыта ее собственной простыней, кончая навязчивым мытьем рук и т. п.

Можно стоять на почве очень враждебных нам воззрений и считать все наши теоретические конструкции совершенно невыдерживающими критики, можно утверждать, что наши эмпирические описания наблюдаемых нами явлений представляют собою искажения этих явлений, вследствие одностороннего нашего, быть может, даже параноического, подхода; однако как бы то ни было, кто следил за нашими соображениями, должен

¹⁾ Интересующихся этим типом людей, я отсылаю к романам Soyka (Herr im Spiel, Glück der Edith Hilge), их главные персонажи—все игроки в указанном смысле.

согласиться с нами в следующем: ни индивидуальная психология, ни характерология не вправе в настоящее время не обращать внимания на исследуемые нами вопросы. И это уже приходится считать большим успехом, а в особенности, если принять в расчет какого рода психология (чистая, экспериментальная, физиологическая и т. д.) преподносится в настоящее время будущим педагогам и врачам в качестве базы для их дальнейшей воспитательной и врачебной деятельности.

Преподносится официальными учебными органами, да еще с такой исключительностью, с таким опасливым контролем.

Уретральная эротика.

Dr J. Sadger (Wien).

Ни одно положение Freud'овской теории сексуальности не встречало такого ожесточенного, принимавшего почти личный характер протеста, как констатированная им эрогенная заднепроходной области. И хотя, казалось бы, достаточно было просто припомнить, что педерастия существует с тех же пор, что и род человеческий, что в Греции она, как известно, существовала в виде признанного социального института, все-таки как раз в этом вопросе всегда с особенной силой проявляли себя те личные комплексы, от которых не свободен ни один смертный. Сообщения о задержке детьми испражнений, вытекающей будто бы из их нежелания терять связанное с дефекацией удовольствие, приводили в веселое настроение врачей, у которых всякий, не желавший нарочно закрывать глаза, мог бы подметить совершенно ясные симптомы до сих пор сохранившейся, весьма живой анальной эротики. И когда, опираясь на собственный психоаналитический опыт, я попытался в некоторых пунктах дополнить учение Freud'a об анальной эротике и анальном характере, я встретил до такой степени неистовое враждебное отношение, что объяснить его одним только чисто теоретическим несогласием с выставленными мною положениями было абсолютно невозможно. Все эти явления только в том случае делаются понятными, если мы вспомним о роли анальной эротики в ряду проявлений детской сексуальности: это, ведь, самое частое, самое распространенное проявление инфантильной сексуальности, в большинстве случаев связанное с самой интенсивной эмоциональной окраской; далеко нередко оно продолжает существовать всю жизнь или же изгоняется в глубочайшие бездны бессознательного с таким максимумом напряжения и ожесточения, которые, очевидно, имеют свой источник в подавленной либидо.

Во время моих исследований я вскоре обратил внимание, что у очень многих людей, наряду с только что названной эротикой, существует и другая, столь же сильная, во многих случаях даже значительно более мощная эротика, связанная преимущественно с дистальным мочеиспускательным аппаратом, равно как и с выделяемыми им продуктами: эротика эта заявляет о себе впервые частью уже в самом раннем детском возрасте. Я буду пока называть ее уретральной эротикой, ничего этим термином не предрешая, но понимая его в очень широком смысле. Как известно, анальная эротика вовсе не ограничивается областью одного только заднего прохода: во вне она простирается и на ягодицы, внутри на фекальные массы и кишечные газы; таким же образом и под уретральной эротикой я разумею не только эротику уретры и мочи, но наряду с ней прежде всего также и эрогенность всего периферического мочевого аппарата в целом: от мочевого пузыря до наружного отверстия мочеиспускательного канала. Нередко уже начиная с периода полового созревания, или даже несколько раньше, эта уретральная ¹⁾ эротика становится прототипом для всей дальнейшей половой жизни. Что с этой позднейшей сексуальной жизнью подобная эротика связана особенно тесно, это понятно само собой, несмотря на то, что в сознании самих больных продукты той и другой далеко не всегда воспринимаются, как эквивалентные. Ведь периферические части мочевого и полового аппарата слиты у мужчин вместе в один протокообразный орган, в уретру; а так называемая половая неврастения (если не иметь в виду истерических и ипохондрических явлений) по сути дела в гораздо большей степени страдание мочеиспускательной функции, чем расстройство половых отправления. Две анатомические особенности делают понятным, что периферический мочевой аппарат предназначен к тому, чтобы быть так называемой «Lustzone» (синоним выражения «эрогенная зона». Прим. пер.). Это: 1) то обстоятельство, что в мужском мочевом аппарате, как раз в уретре, заложены такие типические органы полового насла-

¹⁾ Я вполне отдаю себе отчет в том, что термин «уретральная эротика» не является исчерпывающе удачным, так же как и выражение «анальная эротика». Тем не менее *faute de mieux* и *de potiori* я пользуюсь этим термином, а иногда употребляю в качестве синонима выражение «мочевая эротика» по наиболее эрогенному секрету).

ждения, как *caroga cavernosa urethrae*, и 2) орошение мочей периферических половых органов, имеющее место у обоих полов.

И без особых доказательств [вполне понятно, что инфантильная эротика, помимо сосания, проявляется главным образом в заднепроходной области,¹⁾ равно как и в области периферического мочевого аппарата. Регулярное опорожнение этих органов является ведь важнейшим требованием, предъявляемым даже самым маленьким детям; сравнительно долгое время это как бы единственная производимая ими работа. Все остальное преподносится детям как бы в форме игры: здесь же, в этой сфере упорядочения естественных функций, они впервые, и сразу во вполне императивной форме, видят перед собой моменты житейской необходимости; здесь начинаются обязанности, долженствование. А с другой стороны, едва ли существует другая область, в сфере которой могли бы выявить себя так реально и подчеркнуто начальные проявления детского упрямства и противодействия, как именно в этом пункте: в этом отказе исправно выполнять естественные потребности.

К концу первого года, самое большее на втором году жизни, удается обыкновенно приучить ребенка к опрятности¹⁾. Ребенок начинает спать спокойно всю ночь, не пачкая больше своей кровати, а постепенно он и днем привыкает своевременно проситься на горшок, хотя время от времени и возможны рецидивы неопрятности, длящиеся известное время.

Нормальные, не слабоумные дети, которых до третьего года жизни, или даже еще дольше, не удается приучить к опрятности, в дальнейшем по большей части бывают резкими уретральными эротиками. Этим только и объясняется, что такие дети, во всех остальных отношениях очень бойкие, как раз в этом пункте с таким трудом поддаются воспитанию. У таких детей уже в самом раннем периоде жизни бывает учащенное мочеиспускание, поллакурия, не редко в состоянии с настоящей полиурией, и, кроме того, ряд симптомов, указывающих на то, что отношение их к акту мочеиспускания, как таковому, а равно и к его продукту, окрашено оттенком совершенно исключительного, по своей интенсивности, наслаждения. Родители таких

¹⁾ Во всяком случае так обстоит дело, по крайней мере в зажиточных семьях, где дети воспитываются заботливо. В рабочих кругах граница эта часто располагается гораздо выше.

детей нередко совершенно самостоятельно и очень живо жалуются, что малыши чрезвычайно часто мочатся под себя или, если они постарше, постоянно просятся на горшок, так что все время надо быть наготове. Они похожи чуть ли не на собак, останавливающихся на каждом углу и у каждого фонарного столба, и у которых всегда имеется запас жидкости.

Подобное учащение позывов на мочеиспускание, часто достигающее почти до недержания и нередко остающееся и в последующие годы, иногда же на время переходит в латентное состояние с тем, чтобы потом вспыхнуть снова, причиняет много хлопот в воспитательном отношении, в смысле приучения детей к опрятности. Опорожнение пузыря само по себе, как таковое, доставляет подобным детям совершенно особое удовольствие.

Нередко это можем видеть прямо по их выражению лица при этом: выражение лица делается бессмысленное, как бы отсутствующее, такое выражение лица свойственно исключительно состояниям оргазма. Подобные же удовольствия доставляет им также излияние мочи на свое собственное тело; в дальнейшем они переносят это действие на других лиц, обыкновенно на тех, кого они любят. Всем, кому по тем или иным причинам приходилось иногда довольно долго задерживать мочу, известно, что мочеиспускание может действовать эрогенно, а именно в тот момент, когда после долгой задержки мы, наконец, получаем возможность выпустить мочу. То же самое можно сказать и о дефекации при сходных условиях. И в том и в другом случае мы испытываем вполне выраженное чувство удовольствия, которое, однако, никоим образом не является только освобождением от неприятного ощущения. Переходя теперь к уретрально-эротическим детям, мы получаем впечатление, что у таких детей мочеиспускание, повидимому, действует эрогенно уже само по себе, как таковое, и без больших количеств мочи ¹⁾, и это уже с самых ранних пор. Поэтому многие дети мочатся и испражняются *in dosi refracta*, т.-е. повторно и маленькими порциями, совсем точно собака,

¹⁾ Можно установить правило: недержание мочи, за пределами того возраста, при котором оно явление физиологическое, встречается только в тех случаях, где ощущение наслаждения при опорожнении мочи значительно повышено. Однако недержание не является следствием этого чувства наслаждения, но оба эти явления суть равноценные симптомы мочевой эротики.

и это, чтобы иметь возможность, как можно чаще испытывать получаемое ими при этом большое удовольствие. Один из моих уретрально-эротических пациентов помнит вполне отчетливо, что в детские годы он имел обыкновение по нескольку раз прерывать акт мочеиспускания. Правда, он не редко испытывал боль при этом: и когда внезапно задерживал струю и когда пускал ее снова, однако несмотря на боль это доставляло ему большое удовольствие. «Когда очень долго задерживаешь мочу и потом вдруг еепустишь, испытываешь своеобразную боль, являющуюся в то же время наслаждением». У людей, имеющих в детстве такую привычку, у таких людей довольно много, обнаруживаются ее следы и в зрелом возрасте: во время сношения, а также и при мастурбации, у них имеется сильный импульс повторно прерывать эякуляцию с целью продления наслаждения.

Наконец, особое наслаждение («Extralust») доставляет таким детям, в силу некоторых причин, о которых речь будет в дальнейшем, испускание мочи на свое собственное тело. Часто в течение очень долгого времени они не могут отучиться от этого, несмотря ни на какие угрозы или даже жестокие побои. Это явление представляет собой одну из тех причин, по которой отказываются идти на горшок маленькие дети, и нередко даже торопятся помочиться в штаны прежде, чем их посадят на горшок (делается это и при незначительном наполнении пузыря), они прекрасно знают, что их накажут за это, но не хотят лишаться выше упомянутого ощущения удовольствия.

Другой из моих пациентов любил мочиться себе в руку и делает это и по сие время, уже будучи взрослым. «Я ощущаю известное удовольствие,—определенно заявляет он,—когда теплая жидкость попадает мне в руку. У меня совсем нет желания мыть свои руки, так я и ем, несмотря на то, что руки загрязнены; потом я начинаю думать, что у меня внутри моча и это влечет за собой изжогу» ¹⁾.

¹⁾ Объяснение этому явлению мы находим в детском представлении, что во время сношения отец мочится на мать, последняя принимает его мочу внутрь, от чего она получает ребенка. Во время беременности его мать обыкновенно жаловалась на изжогу, первый раз было так, когда нашему пациенту шел всего третий год. Когда он мочился себе в руку, то он играл при этом одновременно и роль матери и выполнял и функцию отца, т.-е. мочился.

Обратимся теперь к другой не менее важной стороне уретральной эротики: это ненормально рано проявляющаяся раздражительность *corporum cavernosorum urethrae* при задержке мочи. Явление это нередко наблюдается уже у грудных детей и ведет, в конце концов, к прямой противоположности учащенного мочеиспускания: к задержке мочи, *retentio*. И здесь следует вспомнить общеизвестное явление, встречающееся у взрослых. Мы все прекрасно знаем, что вслед за вызванной чем-нибудь задержкой мочи наступает некоторое половое возбуждение и эрекция, как, например, эрекции по утрам.

Я подробно расскажу в дальнейшем об одном случае этого рода. В настоящий же момент я хочу рассказать об одном мальчике (сейчас ему исполнилось четыре года), который проявлял, уже грудным младенцем, крайне резкую анальную эротику в сочетании с несколько менее сильной уретральной эротикой. Комбинация эта, повидимому, довольно частая. Когда ему было три года, тетка, у которой он был в гостях, заметила, что у него сильный позыв на мочеиспускание, а он бежит по комнате, перепрыгивая с ноги на ногу или сжимая бедра; в другой раз после подобной же возни он вдруг преспокойно сел на свое судно, чтобы иметь возможность еще дольше задержать мочу в этом положении. Когда ему говорили, что он должен исполнить свои потребности, он не хотел итти сам, и его приходилось выносить насильно. Ему часто удавалось вызывать эрекцию, когда мать садила его на горшок.

Здесь дело обстоит так же, как при дефекации: дети с уретральной эротикой желают производить эти функции, когда и как это им самим вздумается, а не когда это угодно родителям. Требовать, угрожать им даже бить в этих случаях, по большей части, совершенно бесполезно: здесь развивается настоящий негативизм, как это бывает при *Dem. praesox*. Если страдающий этим психозом больной упорнейшим образом отказывается итти в уборную, однако сейчас же вслед за этим неопрытен в постели, то прототип этих явлений мы видим в явлениях мочевой и анальной эротики (как и известной части негативистических проявлений вообще).

За ночь пузырь значительно наполняется, это раздражает *nervi erigentes*, что, в свою очередь, вызывает утреннюю эрекцию. Лицам с ослабленной потенцией и мужчинам - урьингам

нередко только эта утренняя эрекция дает возможность выполнить их супружеские обязанности. Лица, имеющие возможность делать соответствующие наблюдения, могут сделать открытие, что у детей при задержке мочи нередко получается совершенно явственная эрекция: нередко это можно подметить даже у грудных детей, чаще, конечно, у мальчиков постарше. Мало того, дети скоро выучиваются нарочно задерживать мочу, чтобы вызывать подобные эрекции и связанное с ними наслаждение; тогда они понуждают мать помогать им при мочеиспускании, придерживая их член руками, что становится, конечно, новым источником удовольствия. Что в подобных случаях эрекция препятствует мочеиспусканию, я думаю, известно. Далеко не редко дети систематически проделывают на втором или третьем году жизни, иногда даже и позже, весь этот *circulus viciosus*: сперва они намеренно задерживают мочу, затем появляются эрекции, иногда с помощью матери, которой они, кроме того, показываются теперь с эригированным членом. Таким образом, создается действительное затруднение к опорожнению мочи, так что мочеиспускание становится возможным только после целого ряда уговоров, угроз или даже побоев, а также всякого рода вспомогательных манипуляций.

Прежде чем перейти к дальнейшим симптомам уретральной эротики, я хочу поделиться сделанным мной наблюдением, что ребенок не только любит мочиться сам на себя, находя в этом особое удовольствие, но что он часто доказывает свою любовь к другому тем, что мочится на него. Часто, конечно, это случается просто вследствие переполненности пузыря. Но в тех случаях, где этот физиологический момент не играет роли, ребенок гораздо чаще мочится только на тех лиц, к которым он искренно привязан, как напр., на родителей, нянь, братьев, сестер и т. п. У ребенка это одно из проявлений нежной любви, как бы ее доказательства. Я уже предвижу возражение, такое, напр.: «Вы, видно, сделали открытие и нашли дневник грудного младенца, с подробными статистическими заметками» или еще что-нибудь в том же стиле дешевого остроумия. Независимо от повседневных житейских наблюдений, вполне согласных в том, что дети крайнередко, да и то только при переполнении пузыря, выпускают мочу на лиц им не симпатичных, у меня имеется целый ряд подтверждающих это обстоятельство заявлений, исхо-

дящих от субъектов с резко выраженной уретральной эротикой, заявлений, заслуживающих полного доверия, и, кроме того, ряд соответствующих, вполне определенных и отчетливых воспоминаний на эту тему. Так, напр., один из моих больных рассказывал во время анализа следующее: «Я помню совершенно определенно, что еще совсем маленьким ребенком, я очень любил свою третью сестру—просто уже потому, что она больше заботилась обо мне, чем все остальные—и что я очень любил обливать ее мочей. Я могу проследить это вплоть до первого года жизни. Воспоминание об этом у меня совершенно отчетливое. Когда она брала меня на руки я пускал струю. Мне самому бросается в глаза, что я делал это только по отношению к ней. Это было нечто совсем особое, специально предназначавшееся только для нее». Часто уже по внешнему поведению ребенка, по позе и т. п. можно ясно видеть, что акт мочеиспускания доставляет ему наслаждение или имеет любовное значение. Один из моих больных, напр., сообщил, что будучи четырех лет от роду он однажды помочился прямо в рот одному из своих любимых друзей, при чем от души смеялся при этом и испытал очень большую радость. А вот воспоминания, сохранившиеся у другого пациента, психического импотента, который только в том случае испытывал в обществе своей невесты эрекцию, если она предварительно крепко сжимала рукой его penis. Воспоминание это подтверждено матерью больного и вскрывает нам с полной ясностью эротический смысл, как задержки мочи, так и обливание мочей других лиц. Трех лет от роду он однажды утром проснулся с полной как бы закупоркой мочеиспускательного канала («Harnsperrge»). Окружающие очень встревожились и бежали на помощь: мать, дед и бабука, озабоченные стояли у его кровати. Кладется согревающий компресс на область мочевого пузыря, но бабушка решает пособить делу некоторыми манипуляциями. Очистив гусиное перо от перышек и захватив член ребенка рукой, она ввела перо в oriticism externum [urethrae]. Больной отчетливо вспоминает, что это причинило ему боль, но в то же время и что-то похожее на эрекцию, значит по меньшей мере, интенсивное приятное ощущение. И вот внезапно заклятие оказалось снятым. Мальчик пускает струю мочи прямо на деда, которого из всех присутствующих он любил больше всего: струю льется в виде длин-

ной дуги и дедушка даже отпускает следующее словечко на жаргоне: «Dieser Fallenbügen macht nichts». Больной совершенно определенно подчеркивает, что при этой задержке мочи он вовсе не испытывал страха. Наоборот, направив струю на деда, он весело расхохотался и испытывал большую радость. Я думаю, что этот эпизод можно объяснить следующим образом: при помощи задержки мочи и последующего испускания ее на деда ребенок создает ситуацию, в которой осуществляются зараз его затаенные желания. Он прежде всего становится центром внимания и забот; затем бабка берет его penis руками и вводит в него постороннее тело — сжатие члена и причинение боли и в дальнейшем всегда было специфическим условием у него любви («Tieberbedingung») — и, наконец, он получает возможность, в знак нежности, облить мочей любимого деда. Этот приступ задержки мочи, как выяснилось при анализе, явился по сути дела первым приступом развившейся у него позже психической импотенции. Нам предстоит в дальнейшем убедиться, что психическая импотенция и retentio urinae этиологически относятся к одной и той же группе.

Если сделанное мною наблюдение верно, что дети не только с наслаждением переживают акт мочеиспускания, как таковой, но так же часто в знак любви обливают мочей других ¹⁾, то вполне естественно, что и на половой акт между родителями, который им приходится наблюдать или о котором они, по крайней мере, догадываются, они смотрят тоже, как на акт мочеиспускания: отец обливает мать мочей, вот классическая «теория coitus'a», которой придерживаются подобные уретрально-эротические дети ²⁾. Если впоследствии в воображении появится желание иметь ребенка от любимого человека — а это случается почти как правило — то будет казаться, что наиболее

¹⁾ Так же обстоит дело и с калом. Опорожнение его доставляет большое наслаждение анально эротическим субъектам, и в детстве они пачкают испражнениями тоже большей частью лишь тех, кого они любят (случаи, вызванные переполнением прямой кишки, мы, конечно, не учитываем). Напомню еще раз, что уретральная и анальная эротика не только постоянно входят в виде компонентов в состав полового инстинкта, но и конституциональное усиление их идет обыкновенно рука об руку.

²⁾ Этот ложный взгляд нередко держится у девушек до поры замужества, и брачная ночь многих из них приводит в глубокое негодование, так как муж, по их мнению, позволил себе непристойнейшим образом помочиться на них.

подходящее средство, чтобы забеременеть от этого лица, это выпить его мочу. Что дело действительно обстоит таким образом, доказывают нередко встречающиеся в подобных случаях, другие типические симптомы беременности, истерически имитируемые больными, как, напр., изжога в выше приведенном случае.

Наконец, часто можно наблюдать следующее: *enuresis nocturna*, а иногда даже и *diurna*, периодически вновь появляется, как бы в виде рецидива, у детей, уже приученных к опрятности в пределах постели или, по крайней мере, ведущих себя опрятно в комнатах в дневное время. Как показывают мои наблюдения, это всегда совпадает с периодами повышенной половой возбудимости. Вообще можно установить такое общее положение. «Чем живее проявляется сексуальность ребенка, тем позже он приучается к опрятности». Бывают дети (см. случай Юлии С. в конце работы), у которых *enuresis* держится упорно со дня рождения в течение целого ряда лет. Но и в этих случаях отмечаются периоды, когда происходит особое обострение ее проявлений. В этих последних случаях всегда и без исключений можно установить, что причина этих обострений — наступление периода повышенной сексуальной возбудимости. Здесь опять ясно видно, что ребенок видит в моче продукт сексуальной деятельности, что подтверждает и выше-приведенная инфантильная теория *coitus'a*.

Вернемся теперь опять к проявлениям уретральной эротики. Из этих проявлений мы до сих пор рассматривали только «сексуальную оценку мочи» (*sexuelle Überwertung*). Этот взгляд на мочу, в сочетании с анально-эротическими представлениями, лежит, как известно, в основе популярных в народе идей о моче и кале как лечебных средствах. Среди остальных проявлений уретральной эротики, на первом месте мы должны прежде всего поставить особую эрогенность периферического мочевого аппарата. Тот, кому пришлось бы прочесть главу о «нервных расстройствах мочеиспускания», в учебниках урологии, мог бы сделать довольно своеобразное открытие. Один автор, человек с очень большим опытом, почти во всех своих случаях находил гиперэстезию уретры, иногда в такой резкой степени, что невозможно было произвести исследования. Другой, едва ли менее опытный в практическом отношении, автор, напротив, гораздо чаще встречал понижение чувствительности. Очень

странно, что получаются столь различные результаты. Почему это так? Я думаю, что здесь нет никакой разницы по существу, что оба эти явления представляют собою нечто единое, две стороны одной и той же монеты, а именно уретральной эротики, при чем, конечно, известную роль, быть может, играет, различие клинического материала, различие в самих больных. Нам хорошо знакомы аналогичные явления при истерии. В одних случаях слизистая оболочка глотки нечувствительна, и существующий в норме глоточный рефлекс не вызывается вовсе, в других же, наоборот, пациент испытывает прямо-таки безумный страх при попытке ручного исследования его горла; в одних случаях имеется полная анестезия влагалища; в других—гиперэстезия, доходящая до вагинизма, оба ряда явлений—только симптомы одной и той же болезни; так же обстоит дело и с уретрой: повышенная и пониженная чувствительность доказывают только существование повышенной эрогенности, представляя собой исключительно две стороны одного и того же явления, Alfred Adler впервые обратил внимание на эти взаимоотношения, это—его заслуга ¹⁾.

Он считает, что нечувствительность является первичным состоянием, повышение же чувствительности развивается в дальнейшем и возникает при участии психики, за счет гиперкомпенсации.

Эротика периферического мочевого аппарата сказывается сверх легкой возбудимости *corporum cavernosorum urethrae*, о которой уже говорилось еще следующими симптомами: особенно характерны нередко появляющиеся в уретре ощущения щекотания, локализующиеся весьма различно, от наружного отверстия мочеиспускательного канала до предстательной железы и области промежности; затем наблюдаются остро-возникающие уретральные боли обыкновенно без какой-либо анатомической подкладки; затем особые состояния, напоминающие поллюции с отделением секрета или без такового, но всегда сопровождающиеся ощущениями в высшей степени сильного сладострастия. Ощущение щекотания особенно легко возник-

¹⁾ Studie über Minderwertigkeit von Organen. Wien. 1907. Urban und Schwarzenberg. В этой работе Adler пользуется термином «недостаточный орган» (Minderwertiges Organ) в том же смысле, в каком Freud говорит об эрогенной зоне

кают в связи с чувством страха. Дети нередко прямо провоцируют побои, стремясь вновь испытать получающиеся у них при этом в уретре сладострастные ощущения. Это одна из малоизвестных причин мазохизма. Нередко в уретре совершенно внезапно, без какой-нибудь анатомической причины, возникают боли; это бывает даже в самые первые годы жизни. Боли эти проходят без всякого терапевтического вмешательства так же быстро, как и возникают.

В последующие годы эти боли могут снова появиться в острой форме в связи с гонорреей или раздражением мочевого пузыря на почве беременности: появившись, таким образом, вновь, боли эти могут истерически фиксироваться. Наконец, надо упомянуть еще о сходных с поллюциями процессах у совсем маленьких детей, сопровождающихся выделением секрета или без всяких выделений. К ним надо отнести и самую обычную неопрятность мочей, так часто появляющуюся при страхе или испуге ¹⁾, иногда уже просто при окрике со стороны любимых ребенком лиц.

Мы не должны при этом упускать из виду, что, как изложено выше процесс мочеиспускания, как таковой, может играть роль источника наслаждения и в то же время служить утешением, совсем как в более возмужалом возрасте мастурбация. Иногда поэтому можно наблюдать следующее: ребенок, которому отказано в исполнении того или другого желания, не только плачет, но и мочится под себя, чтобы утешиться. Во вторую половину детства, повидимому, и процессы отделения в других железах, как-то: Cowper-овых, Littl- и Bartholin'овых, начинают протекать подобно мочеиспусканию в сопровождении явственных ощущений сладострастия. Так обстоит дело у девочек, которые вообще гораздо чаще и легче мочатся под себя, чем мальчики, несмотря на то, что патологическая *enuresis* гораздо чаще встречается у мальчиков. Девочки мочатся под себя нередко уже при сильном кашле или смехе, а так же, наконец, и от страха. При смехе это, быть может, отчасти вызвано какими-либо воспоминаниями о тех или иных

¹⁾ Каждый аффект, а следовательно, и аффект страха, достигая степени известной высоты, захватывает собой сферу эротики. Вот в чем причина того, что во все времена было так много охотников до ужасных зрелищ и книг страшного содержания.

мыслях эротического характера, вызывающих у девочек часто хихиканье. Наоборот, у мальчиков и взрослых мужчин страх по большей части вызывает анально-эротические проявления; так, например, рекруты обыкновенно испражняются под себя в первых сражениях. Здесь можно сделать возражение, что в высшей степени трудно отделить мочевой аппарат от недоразвитого полового аппарата, и что некоторые симптомы, относимые нами за счет первого, в действительности надо относить к последнему. Пожалуй, можно допустить, что при рано развившейся половой возбудимости возможна передача раздражений с мочевого тракта в половую сферу; описанные нами ощущения сладострастия тогда надо было бы считать происходящими не за счет уретра, а за счет недоразвившихся еще половых органов. Надо согласиться с верностью первого замечания и признать, что в детские годы, когда сексуальный аппарат еще не развит, моча является первым выразителем его (Freud). Приходится согласиться и с тем, что относительно некоторых, из только что названных явлений, как-то: о напоминающих поллюции процессах или ощущения щекотания в уретре, часто почти невозможно решить, что в них ставить за счет полового, а что за счет мочевого аппарата. И все-таки существует целый ряд оснований, дающих право говорить об уретральной эротике.

Обратим прежде всего внимание на типические ощущения сладострастия, связанные с мочей и с актом мочеиспускания: их приходится относить исключительно и единственно за счет мочевого аппарата. Но, кроме того, начиная с периода полового созревания, с периода *pubertatis*, появляется огромное количество несомненно сексуальных явлений, являющихся прямо продолжением прежней уретральной эротики, явлений, на которые как бы переходит ее смысл и значение. Можно даже прямо утверждать, что инфантильная мочева эротика становится прототипом для всего позднейшего полового развития субъекта, что может особенно легко иметь место, если принять во внимание, что переход от одного секрета к другому, имеющему то же самое эротическое значение, совершается постепенно и незаметно. Иллюстрируем наше изложение следующим примером. Если у ребенка наблюдалось чувство щекотания в мочеиспускательном канале, не сопровождавшееся никаким выделением, или самое большое выделением мочи, то у взрос-

лого мы имеем вместо этого поллюции или же истечения семени или секрета предстательной железы (*spermorrhoe, prostaticorrhoe*). Если в детстве половой акт совершался очень просто, а именно с помощью обливания других лиц мочей, то теперь наблюдается нормальная эякуляция, совершающаяся иногда просто в связи с известными образами фантазии при мастурбации или при поллюции. Целый ряд еще довольно загадочных явлений получает теперь новое освещение. Явления эти следующие: преждевременные и запаздывающие эякуляции, частые поллюции или семетечения, *Congressus interruptus* в видах продления наслаждения, невралгии периферических половых органов, психическая импотенция, нервные расстройства мочеиспускания у взрослых субъектов и т. д., все эти явления просто продолжения инфантильной мочевой эротики, имеющие то же самое значение, сохраняющие даже ту же самую форму, с тою только разницей, что сексуальную роль начинают играть половые продукты в собственном смысле, которые иногда даже оказывают эротически тормозящее действие на физиологические процессы мочеиспускания. Где прежде наблюдались *incontinentia urinae*, в дальнейшем развиваются частые поллюции, семетечение и *ejaculatio praecox*. *Retentio urinae* продолжает свое существование в виде запаздывающих эякуляций. В тех случаях, где мочеиспускание совершалось по частям, *in dosi refracta*, теперь оказывается предпочтение *masturbationi interruptae* или же *congressu reservato*. Сделанное матерью в детстве запрещение мочиться на нее или же высказанное ею по поводу эрекций, имевших место в детском возрасте, осуждение может превратиться в психическую импотенцию, если бессознательная спайка с матерью станет стойкой и неразрывной. В конце концов, мы находим аналогии и для лишенных анатомической подкладки болей, наблюдающихся у детей при мочеиспускании: это различные генитальные невралгии, например яичка или семенных канатиков, еще чаще, конечно, невралгии уретра. Необходимо, однако, иметь в виду, что подобная трансформация является только возможностью, а отнюдь не необходимостью, т.-е. что детская мочевая эротика может встречаться исключительно сама по себе, изолированно, не сопровождаясь никакими жалобами в периоде *pubertatis* или после этого периода. В тех же случаях, где эти жалобы появляются, всегда и без исклю-

чений имеет место прежде инфантильная мочевая эротика. Интенсивность этого врожденного влечения и связь его с позднейшей психической маскировкой—вот причины, почему попытки терапии оказываются так трудны и часто безуспешны, особенно если эти попытки не психотерапевтического характера.

Отметим теперь еще следующие, не лишние значения обстоятельства: Венский уролог Maximilian Steiner, которому я обязан рядом указаний, использованных мною в дальнейшем, сообщает, что половые неврастеники, из числа его пациентов, обыкновенно в гораздо меньшей степени жалуются на половые расстройства, чем на расстройства мочевых функций. Он до такой степени привык считаться с этим, что при подобных жалобах он всегда с самого начала переводит разговор на темы о функции мочеиспускания. Как известно, так называемая половая неврастения особенно часто появляется вслед за перенесенной гонореей. Эта последняя в этих случаях оказывается иногда совершенно излеченной, или же имеются некоторые остаточные изменения, обыкновенно совершенно незначительные. Однако у подобного неврастеника целое море всяких жалоб, и жалобы эти относятся как к функциям мочеиспускания, так и к половым функциям. Характерны также и явления у мужчин в том периоде, когда половые функции сходят на нет. У простатиков в этих случаях повторяется почти все то же самое, что мы наблюдали у грудных младенцев или совсем маленьких детей. Если они страдают задержкой мочи, то часто быстро и прекрасно помогает, если их посадить в теплую ванну и предложить помочиться в воду.

Здесь кстати вспомнить следующий приводимый Frisch'em случай: один из его пациентов был в состоянии опорожнять свой пузырь только при условии, если первые капли жидкости попадали на полную бумагу. Ему приходилось поэтому постоянно класть перед тем, как помочиться, такую бумагу в раковину клозета. Манипуляции, с помощью которых простатики облегчают себе мочеиспускание (как-то: потягивание члена, шекотание и т. п.), также порядочно напоминают соответственные инфантильные вспомогательные приемы. Получается впечатление, что у подобных пожилых субъектов сексуальная функция сменяется мочевой эротикой, так что происходит до из-

вестной степени возвращение к инфантильному типу («к старости снова впадают в детство») ¹⁾.

Наконец, очень важное значение имеет связь мочевого эротика с мастурбацией, И здесь совершенно ясен и понятен переход от одного к другому. Мы уже слышали, что, несмотря на сильнейшую потребность, ребенок часто продолжает задерживать мочу, чтобы продлить наслаждение или же чтобы увеличить это наслаждение при предстоящем, в конце концов, мочеиспускании. В связи с этим, конечно, возникает особое состояние сексуального возбуждения, проявляющееся в частых эрекциях. Подобная же задержка мочи удается также и с помощью мастурбаторных актов, удовлетворяющих, кроме того, и периферическое возбуждение. Подобная, практикуемая в виде привычки задержка мочи является следовательно предварительной стадией и предрасполагающим моментом для позднейшей онанизации, даже можно полагать, вероятно, нередко вызывает мастурбаторное удовлетворение чисто рефлекторным путем. Известно также, что мастурбант прибегает к своей порочной привычке в любую тяжелую минуту. Но также малый ребенок, особенно ребенок уретрально-эротический, мочится под себя при каждой неприятности, всякий раз, когда то или иное желание его оказывается неисполненным. Итак, и в этой сфере моче и сперме придается эквивалентное значение и смысл.

Что же происходит, в конце концов, с инфантильной уретральной эротикой, сверх трансформации, испытываемой ею

¹⁾ Я хотел бы еще коснуться двух областей, имеющих ясное отношение к нашей теме. В периоде созревания и в годы, непосредственно за ним следующие, то есть в лучшую для многих пору, обыкновенно ясно сказывается сексуальный привкус в отношении к мочевой функции, или, лучше говоря, функция эта приобретает известную сексуальную ноту, стоит вспомнить ряд соответственных шуток и дурачеств («Schiffkomment», «Biersauereien») во время студенческих попок в корпорациях, играющих особенно большую роль в отличающейся такой сексуальной распушенностью Ехкнеире («особая форма пирушки») и по технике своей до крайности напоминающих соответствующую детскую пачкотню (Pritschleereien). Сексуальное значение мочевой функции и вообще ее большое влияние на область бессознательного видны также и в той большой роли, которая отводится этой функции в анекдотах и островах. Что шуточки и прибауточки в этом стиле во все времена были столь излюбленными, это, конечно, не спроста. На действие подобных каламбуров можно всегда рассчитывать с полной уверенностью. Все это едва ли можно объяснить как-нибудь иначе, если не допустить, что, по крайней мере, в бессознательной области, каждый человек прекрасно сознает тесные соотношения мочевой и половой функций.

в периоде полового созревания? По этому поводу надо сказать следующее. Некоторая доля ее остается в том же виде, или переходит лишь слегка в модифицированной форме в последующую жизнь. Если, например, ребенок имеет обыкновение пускать струю мочи после предварительной задержки на далекое расстояние, то то же самое делают и уличные мальчишки в более позднем возрасте, состязаясь, самое большое, лишь в отношении длины струи. Ту же манеру, но в обращенном виде, представляет собой склонность многих лиц мочиться вниз с известной высоты; при этом оказывается, между прочим, возможным достичь большей кривизны струи. Имеются также лица, очень неохотно посещающие клозеты, предпочитающие исправлять свои потребности на воле, на улице или среди зелени. Во всех этих случаях огромную роль играет момент эксгибиционизма, желание выступить перед другими с известной ролью, желая заставить смотреть на себя; момент этот, конечно, также прямо заимствован из детства и его психологии. То же происхождение имеет и взаимное обливание мочей, это—любимое занятие уличных мальчишек; только выражает оно не любовь, а ее обратную сторону: издевку, ненависть, желание досадить. Замаскированное проявление эксгибиционизма представляет собой также манера детей нарочно оставлять открытой дверь клозета, будто бы из боязни не суметь открыть ее после, в действительности же с целью быть застигнутым врасплох кем-нибудь из близких. Наряду с эксгибиционизмом нередко играет известную роль и его противоположность, а именно, стремление смотреть на других лиц в то время, когда они мочатся; последнее явление, повидимому, играет роль в образовании психической дизурии. Инфантильные корни имеет, наконец, и страсть к пожарному делу, равно как и игра в пожарные (игра эта состоит в том, что пламя тушится мочей). По опыту нянек выходит, что дети, любящие днем играть огнем или спичками, мочатся ночью под себя.

Повидимому, уже очень рано мочеиспусканию, равно как и обливаемому объекту, придается особый сексуально-символический скрытый смысл, и устанавливается связь с эротическими фантазиями. Так бывает, например, когда дети любят мочиться в разного рода непредназначенные для этого сосуда, как, например, в лейки, в стаканы и миски, употребляемые для питья или варки пищи; подобные вещи наблюдаются иногда,

правда, и у взрослых уретрально-эротических субъектов. Мы узнаем дальше, как один маленький трехлетний мальчик стыдился, лежа на животе, на берегу моря, помочиться в сделанное в песке отверстие. Мочеиспускание здесь не только вполне приравнивается эякуляции *in coitu*, но имеется налицо также и детское представление, что во время полового акта отец выпускает свою мочу в отверстие в теле матери. Когда такие уретрально-эротические дети то и дело мочатся во всякого рода питьевую и кухонную посуду, они все время совершают этим способом половой акт. Другие, а именно лица, которых они любят, должны выпить эту мочу и, по возможности, даже забеременеть от этой мочи. Есть пьяницы, а именно из тех, что пьют огромные количества пива, некоторые в своих бессознательных представлениях в сущности проглатывают только большие количества мочи. В конце концов, в основе стремления пить мочу лежит воспоминание о груди матери или кормилицы воспоминание о первом ощущении наслаждения при кормлении грудью.

Уретральная эротика претерпевает еще одну важную модификацию; в связи с давно санкционированным в языке обыденной жизни отождествлением мочи с водой или вообще с водянистыми жидкостями.

Существует целый ряд поступков и привычек, при которых люди бессознательно пользуются этим отождествлением. Приведем ряд примеров: дети нередко любят собираться на улице у фонтанов и брызгать водой на прохожих; увидев сифон содовой воды, дети иногда не в состоянии расстаться с ним, потому что им представляется, что сифон этот то и дело мочится; есть лица, имеющие привычку поливать цветы своей мочей, брызгать водой на других во время купанья или же опрыскивать себя и других духами, сосновой водой и т. п.; наконец, есть субъекты, которые не в состоянии пройти мимо водопроводной раковины без того, чтобы не отвернуть крана. Очень многие дети крайне любят все, так или иначе связанное с водой, что только ясно доказывает, сколь распространена уретральная эротика. Такие дети часто уже в очень малом возрасте целыми часами без устали кидают в пруд камешки, без конца купаются и плавают, их самые любимые игрушки лейки, водяные весы и всевозможные насосы. Маленькие же девочки усиленно заняты стиркой кукольного белья.

Менее изученными представляются явления сублимированной мочевой эротики, простирающиеся от выбора тех или иных родов спорта вплоть до выбора профессии. Мы видим, что мальчики с таким предрасположением предаются только таким видам спорта, которые имеют какое-нибудь отношение к воде, как, напр., плавание, гребля или парусный спорт, каковыми они и занимаются весьма страстно и усердно; или по тем же причинам они выбирают профессию матроса или морского путешественника. Другие интересуются преимущественно водяными мельницами, турбинами или какими-нибудь водяными машинами, а при наличии соответствующих способностей делаются даже инженерами-гидротехниками и строят, напр., крупные и искусные каналы. Все это делается со столь интенсивным интересом, что для посвященного не остается никаких сомнений, что здесь энергия имеет своим источником нечто другое, нечто сексуальное, добивающееся удовлетворения в этих сублимированных формах. Конечно, эти мои соображения нельзя понимать слишком распространенно или же подвергать их обращению. Так, например, можно стать капитаном или инженером-гидротехником—что и бывает со многими и без уретральной эротике в анасинозе. Однако большая часть людей этой профессии, особенно же те из них, которые отдаются своему делу с настоящей страстью, фактически отличаются указанным конституциональным предрасположением, каковое и определяет собой их деятельность в течение всей их жизни.

Сублимированная мочевая эротика часто весьма плодотворно действует также и на художественное творчество, в особенности, например, при устройстве общественных водоемов ¹⁾. Совсем прозрачные в этом смысле примеры представляет собой известная картина Рембрандта «Maeneken pis» и «Мальчик на колоде» Hermann Nahn в München. Здесь уже выбор объекта совершенно откровенно высказывает смысл всего произведения в целом. На всевозможных других фонтанах также легко вскрыть мотивы, руководившие фантазией автора-художника. Фонтан добродетели в Nürnberg'e, где вода льется из грудных сосков пышных женщин, фонтан под названием Dudelsackpfeifer в том же городе, фонтан под названием Gasteiger Brunnen

¹⁾ Фонтаны в сущности говоря не что иное, как подражание инфантильной струе мочи, пускаемой высоко вверх.

в Мюнхене, изображающий фавна, обливающего мальчика водой, текущей из его рта, и бесчисленный ряд других, сходных примеров показывают, каким излюбленным сюжетом в искусстве является мочевая эротика в прямой или замаскированной форме.

Пора, однако, перейти к вопросу, что же в сущности создает особое предрасположение к мочевой эротике. Повидимому, на первом месте надо поставить наследственность, играющую здесь решающую роль. Среди предков уретральных эротиков, в каждом случае без всяких исключений, при чем обычно и с материнской и с отцовской стороны, мы находим ряд лиц, в большей или меньшей степени страдавших тем или иным расстройством в области мочевых функций. Возможна, например, такая наследственность: дед умирает от каменной болезни или рака пузыря; отец хроник-простатик; у матери отмечаются повторные состояния раздражения пузыря, без какой-либо анатомической подкладки; у сына же, наконец, имеется сильная моче-вая эротика, проявляющаяся уже со дня рождения.

На-ряду с этим важнейшим конституциональным фактором значительную роль играют также дефекты воспитания. Есть не мало отцов, имеющих манеру на особый лад шутить со своими наследниками, потягивая их, напр., за penis. Конечно, это обусловленно их собственной еще весьма живой уретральной эротикой. Нередко матери, и, конечно, еще больше прислуги, позволяют себе играть половыми органами детей, при чем происходит это отнюдь не только во время необходимых гигиенических мероприятий или при посадке на горшок. Психоанализ, предпринимаемый у ставших истеричными уретрально-эротич-ных субъектов, нередко вскрывает вещи, казалось бы, совершенно невероятные. Существует еще следующее предраспо-лагающее обстоятельство: у иных специально предрасположен-ных детей бывает необходимо несколько раз в день производ-ить соответствующую очистку половых органов, а это даже при соблюдении величайшей осторожности может вести к силь-ным половым раздражениям, даже к эрекциям. Такие легко возбудимые дети очень рано привыкают эксгибиционировать перед родителями, особенно выставлять себя на показ с уве-ченным членом. Или они добиваются соответственных услуг от таких любимых ими близких, на которых в остальное время они не могут рассчитывать в этом смысле, как, например, на отца. Например, во время прогулок они начинают испытывать

потребность как раз, когда мать где-нибудь далеко и ее нельзя сейчас же позвать. Сами матери опять-таки тоже часто приносят вред: нередко они никак не могут бросить привычку спешить на помощь всякий раз, когда их мальчику надо отправиться на горшок; нередко это делается даже с детьми, давно вышедшими из возраста, в котором это может считаться явлением физиологическим, при чем делается это, конечно, исключительно из материнской любви. Вместо того, чтобы оставить ребенка в покое в отношении его естественных отправлений, предоставить его самому себе в этом отношении, наоборот, все время постоянно привлекают его внимание как раз к этому пункту, все время искусственно мешают ему быть, здесь самостоятельным; делается все это только потому, что сама мать отличается уретрально и анально-эротическими особенностями, и находит таким образом безнаказанное удовлетворение своей извращенности.

Из этих соображений вытекают и профилактика и терапия. В профилактическом отношении важно самым старательным образом избегать каких-либо ненужных раздражений половых органов со стороны родителей или прислуги, в особенности же у предрасположенных детей. Если же дело дошло до вытеснения и сексуальных фантазий, то более всего подходит для восстановления в сознании психоанализ. Мне несколько раз пришлось наблюдать исчезновение соответствующих симптомов после того, как удавалось вскрыть вытеснение и сексуальные фантазии, напр., у лиц, страдавших поллакурией, развившейся на почве уретрально эротической конституции с последовавшим затем вытеснением. То же самое надо сказать и о значительной части так называемых половых неврастеников: как мы знаем, это в сущности уретрально-эротические субъекты, которых гораздо надежней можно вылечить правильно примененным психоанализом, чем какими-либо чисто урологическими приемами.

В заключение приведу несколько историй болезни, как мне кажется, поучительных.

Случай 1.

Прошлым летом мне пришлось подвергнуть лечению психоанализом двадцатитрехлетнего уринга, который испытывал сильное половое влечение исключительно по адресу 12—15-ти-

летних мальчиков. Из прочих заслуживающих внимания симптомов отмечу бронхиальную астму, оказавшуюся истерической, истерическую же лихорадку и совершенно исключительную по своей интенсивности уретральную эротику. Из его биографии я сообщу только следующее: он — отпрыск древней, аристократической фамилии, единственный ребенок в семье; с ранних пор он был окружен крайней любовью и всю жизнь в дальнейшем хотел, чтобы все, с кем он только ни сталкивался, относились к нему таким же образом. Тотчас же после его рождения мать начала вести посвященный ему дневник (доведенный до поры, когда ему пошел одиннадцатый год), имеющий в настоящее время значение исторического документа. Дальнейшие важные сведения о первых годах жизни нашего урнинга удалось извлечь из переписки его родителей.

По поводу свойственного ему извращения мной был принят психоанализ, и вот уже на четвертый день выяснились некоторые своеобразные вещи. Полгода назад он возвратился домой после целого ряда путешествий, предпринятых им в поисках гомосексуального идеала, оказавшихся, однако, безуспешными. И вот вскоре после этого у него появилось упорное влечение смотреть, как мочатся мальчики. В доме его деда было несколько клозетов, он принуждился подстерегать мальчиков у входа в уборные, при чем ему, с одной стороны, хотелось видеть их половые органы, а с другой стороны, он носился с мыслью каким-нибудь способом раздобыть мочи этих мальчиков и выпить ее. Место, которое он избрал, было пожалуй единственным, где он мог осуществить свои намерения, не обращая на себя внимания.

«Два месяца спустя я пробовал лечиться в Берлине гипнозом, тогда я делал то же самое: подстерегал мальчиков правившегося мне типа у общественных уборных и хотел видеть, как они мочатся: это очень возбуждало меня в половом отношении, при чем я возбуждался и при виде их половых органов и когда видел, как они мочатся. Кроме того, я резал на куски губки и бросал их в клозеты в купальных заведениях, стараясь этим способом собрать мочу мальчиков, с тем, чтобы потом брать в рот эти губки. Прежде я часто представлял себе, что я беру в рот член какого-нибудь мальчика, и он мочится мне в рот». Особенности эти продолжали держаться у нашего пациента в продолжение некоторого периода

времени и после того, как было приступлено к психоанализу. Однажды в этот период времени он попал в такое место, где только что помочился одиннадцатилетний мальчик, которого он любил. Он не в силах был совладать с собой, наклонился и сорвал пару-другую влажных от мочи травинок и облизал их. Некоторое время после этого случая он проделал опять то же самое. Он вошел в клозет, откуда только что вышел другой любимый им мальчик: крышка оказалось мокрой, он провел по ней пальцем и облизал жидкость.

Все эти явления были, однако, далеко не недавнего происхождения. Так, например, выяснилось, что наш урнинг еще с 14-летнего возраста любил ходить в уборную в школе и смотреть, как мочатся его товарищи; в возрасте же 16-ти и 17-ти лет он был не в силах воздержаться от охватившего его влечения попробовать свежее выпущенной мочи кузена, которого он очень любил. В возрасте 15-ти лет у него была самая сильная из его гомосексуальных привязанностей: он любил 12-летнего мальчика, также отличавшегося сильной уретральной эротикой. Мальчик этот однажды помочился в бутылку из-под сельтерской воды, наш пациент, прежде чем вылить жидкость, почувствовал непреодолимое влечение попробовать ее. «Мне доставляло удовольствие обладать чем-нибудь, принадлежавшим любимому мальчику, ведь случается же, что человек, который любит нормально, пьет воду, которой мылась его возлюбленная. Если бы мне удалось взять в рот penis любимого мальчика, я с удовольствием проглотил бы его семя. Эта мысль впервые пришла мне в голову, когда мне было 14 лет, за год до своей большой любви и приблизительно одновременно с мыслью о питье мочи¹⁾. До 14-ти лет я еще не знал ничего о семени». Он возбуждался в половом отношении также и в тех случаях, если ему удавалось слышать, как течет по водопроводной трубе клозета моча, как, например, в железно-

¹⁾ В данном случае, как и во всех его вожделениях, направленных на мальчиков, в последнем счете сказывается воспоминание об его матери. Когда ему было 7-8 лет, мать часто ставила на умывальник бутылки со своей мочей, подлежащей исследованию. Эту бутылку мальчик принял однажды за бутылку вина или коньяку, снял ее с умывальника и попробовал жидкость. Мать однажды застала его за этим, быстро вырвала у него из рук бутылку и сказала, что в ней моча, добавив, что от питья мочи можно захворать. С тех пор моча матери стала вызывать у него отвращение.

дорожных клозетах; там, где он мог разыскать отводящую трубу в клозете, он клал на нее руку, чтобы ощущать теплоту протекающей по трубе мочи.

Резюмируем теперь вкратце все вышесказанное. Мы находим, что наш пациент проявляет своеобразный интерес ко всему, что связано с мочей; его интересует, как мочатся, он вслушивается, как моча течет по трубам, ощущает ее теплоту; он думает о *penis*'е любимых мальчиков и имеет желание, чтобы мальчик помочился или эякулировал ему в рот, чтобы он мог проглотить жидкость.

Нельзя не отметить также и указаний на автоэротику. «12 лет я был однажды в клозете,—рассказывает наш пациент,—встал на голову и попробовал помочиться себе в рот, что, однако, не удалось мне. Несмотря на это у меня вслед за тем сам собой получился оргазм с эрекции и ощущение излияния семени, хотя в действительности семени и не вышло. Потом я подумал, что я мог бы пососать член кого-нибудь из любимых товарищей или вообще мальчика моего типа, который, в свою очередь, мог бы помочиться мне в рот». Теперь следует еще другая форма, где уже ясно виден переход к *Retentio urinae*. «14—15-ти лет я забавлялся следующим образом: лежа в постели, я попробовал помочиться себе в руку, сложенную чашечкой, но совсем немного, всего несколько капель; потом я попробовал проглотить жидкость. Когда я начинал мочиться в руку, у меня обыкновенно получалась эрекция, очень затруднявшая акт мочеиспускания. В конце концов, я добивался своего, однако должен был долго стараться и пробовать. 16-17-ти лет я часто оттягивал вперед *praeputium* и мочился в образовавшуюся полость, *praeputium* вздувалась, как пузырь ¹⁾, получалось огромное давление, и у меня моментально появлялось чувство наслаждения и семя, без помощи онанизма». Он вспоминает, что в более раннюю пору жизни он иногда, раздевшись перед купаньем, обливал себе все тело мочей, иногда мочился даже в пупок. «15-ти лет мне часто хотелось сделать следующее с самыми любимыми из мальчиков: сблизить наши члены, надвинуть *praeputium* одного на член другого и сообщая мочиться в образовавшуюся полость».

¹⁾ Во время одной из дальнейших бесед он добавил по этому поводу: «Это делается ведь и для чистоты» (нет ли здесь воспоминания, относящегося к матери).

Все рассказанное до сих пор приходится в сущности на довольно возмужалый период, на период полового созревания, и только немного относится к более раннему времени, непосредственно предшествующему pubertatis, к 12 годам. Если же мы обратимся к более ранним уретральнo-эротическим проявлениям, мы найдем огромное количество таковых, часто относящихся к самым ранним периодам детства. Прежде всего целый ряд историй с горшками. Он необыкновенно долго мочится не стоя, а сидя, на женский лад, совсем, как это делает его мать, что он имел случай видеть. Мать имела при этом обыкновение держать рукой его член, «чтобы моча не пролилась». У него поэтому и теперь привычка класть руку на член, когда он мочится. «Я помню определенно,—рассказал он во время психоанализа,—что когда мне было уже десять лет отец однажды сказал мне: Разве можно такому большому мальчику садиться на горшок! Кроме того, я помню, что я пользовался горшком, чтобы зараз сходить и по большим делам. Я особенно охотно делал это в присутствии матери, вероятно, я старался показаться ей в этом виде. В возрасте 4-5 лет мне также доставляло настоящее наслаждение, если я мог говорить с другими детьми на тему о сидении на горшке. Подобные разговоры я всегда особенно любил, они вызывали у меня какое-то своеобразное чувство, может быть, потому, что это было запрещено и приходилось всегда держать их в секрете. Когда вместе с другими детьми мы строили квартиру из стульев и кресел или делали в саду избушку, то всегда устраивался специальный клозет. Клозет этот всегда играл большую роль. Наконец, у нас прежде были жестяные горшки, а не фарфоровые или глиняные; жестяные горшки давали гораздо более звонкий звук, и папа иногда шутя говорил, что это «музыкальные горшки». В другой раз он как-то назвал наполненный горшок «пуншевой чашей» (Punsch bowl). Выражение это мне чрезвычайно понравилось. Еще ряд историй, связанных с горшками, я расскажу позже.

Некоторая доля приведенных выше явлений должна быть поставлена за счет поведения родителей, мало стесняющихся своего сына, даже когда он стал довольно большим мальчиком. Так, напр., он часто имел возможность видеть родителей при исполнении ими их «малых нужд». Особенно это касается отца, у которого были затруднения при мочеиспускании. В подоб-

ных случаях отец мочился в горшок, раздевался, порядочно обнажаясь при этом. Маленький мальчик, который в силу причин конституционального характера обращал на эти вещи большое внимание, скоро установил, что мать делает это совсем иначе, чем отец, что струя мочи течет у нее гораздо тише. «У отца дело всегда шло толчками и с помощью отдельных сокращений, ему всегда требовалось гораздо больше времени, чтобы выпустить всю мочу. У матери же было совсем по-другому. Потом лет 15-ти я всегда обращал внимание на эти сокращения, когда наблюдал мальчиков. Меня интересовало, как они кончают выпускать мочу, делают ли они в конце пару, другую толчков также, как и отец, или нет; однако у меня не могло быть уверенности в этом, так как в таких случаях я стоял всегда не достаточно близко. Я помню, что в отцовском мочеиспускании этот пункт интересовал меня больше всего».

Приведу еще некоторые данные, доказывающие существование крайне сильного влечения к разглядыванию («Schautrieb») у нашего мальчика. «Когда я был ребенком, мать часто брала меня с собой в клозет; когда она садилась на стульчик, мне тоже хотелось влезть на него и сесть. Тогда мать раскладывала бумагу на полу и предлагала мне сходить «за большой» на бумагу. У меня же совсем не было такой потребности. Я слушал, как она мочилась, и думал, что у нее скорее вытекает все до конца, чем у меня. Я долго представлял себе, что у женщин моча идет через задний проход, так как я видел, что у моей маленькой кузины не было члена. Мне всегда хотелось видеть, как это происходит». Он вспомнил также, что с подобными же мыслями и желаниями он носился и в возрасте 7-8 лет, на купаньях в каком-то курорте. «Там были очень примитивно устроенные клозеты, собственно говоря, это были простые деревянные покрышки с круглыми отверстиями, под ними была яма, в которую попадал снаружи свет. Когда моя мать ходила в этот клозет, я сидел в соседнем отделении и пытался подсматривать, как она мочится. Для этой цели я просовывал голову в отверстие и мне помнится, мне удалось увидеть ее ягодицы. И так как в дальнейшем он, как настоящий урнинг, переносил свои переживания, связанные с матерью, на мальчиков, он проецировал и на них те же самые фантазии, а именно, он желал находиться в клозетной яме и смотреть, как они мочатся и испражняются.

Я уже сообщал, что он представлял себе дело так, что моча у женщин идет через задний проход. Раньше он в течение некоторого времени придерживался другого взгляда и допускал существование penis'a у женщин, как и у мужчин. Вот что он говорит по этому поводу: «Я хорошо помню, что меня очень интересовало, как устроено внизу у девочек, как они мочатся. Мне всегда было совершенно непонятно, почему девочки при этом не становятся в такую же позу. Это доказывает, что я считал, что у матери есть penis. Когда мне было 5-6 лет, я заставил однажды помочиться девочку, которая была поменьше меня: я добился этого (чень утонченным способом. Я спросил ее сначала (совсем точно мать), не хочет ли она на горшок, и хотя она недавно была на горшке, я так уговорил и обработал ее, что она, в конце концов, сама, не зная, чего ей хочется, и села на горшок, чтобы сделать мне приятное. Я помню отлично, что я заглянул ей под юбку и заметил заднепроходную щель. Собственно говоря, я был несколько разочарован, так как представлял себе нечто большее. Девочка быстро перестала мочиться, и я очень рассердился, так как очень хотел поглядеть, откуда идет моча. И тогда и до 15-летнего возраста я думал, что моча у них выходит из заднего прохода, так как женщины всегда садятся, когда мочатся, у меня же, когда я сажусь, всегда выходил из заднего прохода кал. Впрочем, когда я усадил девочку, пришла мать и здорово выругала меня. Узналось и то, что у девочки не было никакого желани^я, и что это я за тавил ее сесть на горшок. Наконец, мне вспоминается, что всегда, когда мать садилась в моем присутствии на горшок, чтобы помочиться, и поднимала при этом юбки, я всегда глядел во все глаза, не увижу ли я чего-нибудь».

В предыдущем мы уже убедились, какую важную роль играла мать во всех историях с мочей; это не должно удивлять нас, так как, повидимому, это явление—закономерное: у уринигов всегда происходит перенесение переживаний, связанных с матерью, на лиц мужского пола. Однако в нашем случае, помимо всего сказанного, есть еще целый ряд особых деталей. Прежде всего в семье было принято брать мальчика по утрам в постель родителей, само собой разумеется, после того, как они уже проснулись. О том, что они проснулись, он заключал по утрам, услышав, что они мочатся, к чему он, конечно, очень

внимательно прислушивался. Что же касается его матери, то у нее, в свою очередь, повидимому, также, на почве уретрально-эротических и истерических мотивов, была чисто материнская привычка пособлять при мочеиспускании маленьким мальчикам и девочкам, постоянно спрашивать их — нет ли у них соответствующих потребностей водить их куда следует, помогать им там; в этих случаях ее маленький сын всегда испытывал крайнюю ревность. «И это тоже является причиной, почему я бегаю за людьми к писсуару; у меня в бессознательном тайные подозрения, что мать будет помогать мне при этом. Конечно, в этих случаях я сам играю ее роль, изображаю как она помогает мальчику помочиться. Всякий раз, когда она выводила какого-нибудь мальчика в уборную, я испытывал такое чувство, точно я лишаясь (чего-то, чувства какого-то сжатия в груди. Это чувство появляется у меня и теперь, когда какой-либо мальчик направляется в клозет, я совершенно теряю спокойствие при этом. Меня влечет пойти вслед за ним туда же, так как мне кажется, что иначе я потеряю, пропущу что-то. Я всегда чувствовал ревность по поводу таких поступков моей матери. Я видел в них доказательство любви. Когда она выводила кого-нибудь другого, у меня получалось впечатление, что я брошен, покинут, мать больше обо мне не заботится. Я ведь и действительно был тогда совсем покинутым, меня оставляли одного в комнате». Потом он сам всю жизнь играл (или хотел играть) подобную же роль, которую мать его играла по отношению к нему. 14¹/₂ лет он был пламенно увлечен одной девочкой. Как-то собираясь уходить и проститься, он услышал, что она в уборной, его охватила дрожь, и появилось чувство сожаления, что он не может быть там вместе с ней. «Совершенно то же самое я испытываю теперь, когда в уборную входят мальчики; у меня всегда тоже появляется желание быть там с ними вместе». Есть еще одна подробность, самая важная, о ней, однако, я буду говорить в дальнейшем.

А пока я сделаю некоторое дополнение и приведу еще несколько примеров, в которых фигурируют горшки. 5-ти лет от роду у него был друг, с которым он играл очень странным образом. «Мы очень любили мочиться, сообщая, зараз в один и тот же горшок или в какую-нибудь другую посуду и имели обыкновение приносить для этой цели из сада всевозможные

сосуды. Там у нас был облюбован один уголок, мы шли туда и поджидали, пока у нас снова появится моча. Сперва мочился один из нас, а потом и другой. Само мочеиспускание, мне кажется, доставляло нам наибольшее удовольствие». Последствия этих игр были очень своеобразные. Так мальчик нередко задерживал мочу, имея в виду эту игру, и когда мать спрашивала его, нет ли у него нужды, он отвечал всегда, что он только что был на горшке; это один из маленьких корней развившегося у него позже сильного чувства виноватости. Гораздо важнее, по его мнению, нечто другое. «Каждый из нас в таких случаях вглядывался в своего партнера, решая вопрос об его потенции, о том, может ли он, наконец, снова помочиться. Ведь ясно, что моча для ребенка то же, что семя, и я думаю, что это играет роль в развившейся у меня в дальнейшем по отношению к женщинам импотенции». Наконец, он сообщил, что после этих игр с маленьким приятелем его всегда охватывало чувство сильной вины. Однажды вечером он собрался с духом и открылся во всем отцу. Он почувствовал значительное облегчение, когда отец успокоил его, сказав, что никакой особенной вины за ним нет. Для объяснения этого чувства вины он приводит, помимо уже указанного выше, только следующее: «Моя мать всегда усердно внушала мне никогда не лгать ей, и я никогда не делал этого. Тут же, когда мы возились с мочей, у меня было такое ощущение, что я обманываю ее, делая нечто запрещенное, доставляю себе половое наслаждение, на которое я не имею права. Лейку мне подавали, чтобы поливать цветы, а мы употребляли ее совсем для других дел — мочились в нее. Я находил возмутительным, что мы так делали и, таким образом, проводили мою мать. Она думала, что мы — хорошие мальчики, а мы так скверно вели себя. Однажды она прямо сказала очень резким тоном, что очень скверно делать подобные вещи». В этом рассказе замечательно, что, еще будучи ребенком, он уже знал, что его поступки представляют собой недозволенное сексуальное наслаждение. Надо добавить, что он и в дальнейшем мочился в посуду, которую ему давали для других целей; это выдает более глубокий сексуально-символический смысл этого акта.

Вот вкратце конституциональные условия мочевого эротизма в данном случае, поскольку мне удалось их выяснить, а так же и несколько слов о немаловажных воспитательных

влияниях. В семье его отца отмечаются случаи органических болезней мочевого тракта. Дед даже скончался от такой болезни,—более определенный диагноз установить не удалось,—отец же, о котором я уже сообщал кое-что, страдает острыми подагрическими приступами, часто охает и стонет при мочеиспускании и, кроме того, подобно сыну, не в состоянии мочиться в присутствии кого-либо другого. Мать его тоже иногда страдала затруднением мочеиспускания и неоднократно должна была производить исследование мочи. У нее тоже отмечается мочевая эротика, заставлявшая ее помогать мочиться даже чужим детям. Из воспитательных влияний отметим следующее: отец любил играть членом мальчика, когда последний ложился к нему в постель; наш пациент совершенно отчетливо вспоминает это. У самого пациента очень рано появились невралгические ощущения в периферическом мочевом аппарате. «Еще когда я был ребенком,—говорит он,—у меня бывали рвущие боли в самой уретре, ближе к основанию. Я даже обозначал их специально придуманным выражением, я говорил, что это—«душевные ощущения», может быть, потому, что я полагал, что душа человека находится в мочеиспускательном канале. Это была не столько боль, сколько ощущение зуда, ощущения стягивания; эти ощущения появлялись у меня лет до 12-ти или даже позже. Ощущение это всегда длилось одно мгновение и локализовалось скорее где-то внутри: было такое чувство, будто там что-то закупорилось, так что моче закрыт выход, будто там песок. В действительности же не было никакой закупорки. Это чувство появлялось не во время мочеиспускания, во всяком случае вовсе не было связано с последним.

Уже в очень раннем возрасте он начал переводить известную долю этой мощной мочевой эротики в символы и сублимировать ее, так что получались настоящие страстные влечения. В дальнейшем я приведу некоторые сделанные им во время психоанализа сообщения, проверенные и в некоторых случаях исправленные в смысле датировки согласно с дневником его матери. Вот, что записывает о нем мать, когда ему еще не исполнилось двух лет: «Самое большое удовольствие для него—бросать камни в воду», это отмечается и в течение всего следующего года. Затем, когда ему было $2\frac{1}{2}$ года: «Его любимая игра поливать цветы из маленькой лейки, он выклянчил-таки эту лейку и поливает цветы без устали». В возрасте $2\frac{2}{3}$ лет его

берут с собой на какую-то выставку, где ему доставляет больше всего удовольствия автоматический буфет. Если вложить монету в десять пфеннигов, то из собачьей головы течет сельтерская вода. Он не хотел отходить от автомата и так оживился, что даже обратился к постороннему, стоявшему подле мальчика, с просьбой дать ему десятипфенниковую монету, чтобы еще раз видеть, как вытекает вода». 3¹/₂ лет он, наконец, получает в виде рождественского подарка небольшой насос, о котором он давно уже мечтал, — «насос в настоящем виде». Он был неизмеримо обрадован и целый вечер провозился с насосом. Наш пациент хорошо помнит, что все эти сублимации мочевой эротики носили у него характер «страсти» в буквальном смысле слова, и добавляет по этому поводу следующее; «Когда мне было четыре года, и мы были где-то на морском купаньи, я помню, у меня была настоящая страсть к насосам. Я должен был подходить к каждому насосу и сам качать воду. Это было так заметно, что после мои родители часто вспоминали об этом. Вскоре я уже прекрасно знал все насосы в местечке. Вслед за этим появилась новая страсть к водяным весам, я во что бы то не стало хотел иметь такие весы. В дальнейшем у меня развилась склонность ко всем видам спорта на воде, особенно же к парусным лодкам. Особенно мне нравилось, если во время волнения забрызгивало водой или даже заливало, когда лодка кренилась. Итак, в действительности это был спорт с мочей. Родители строжайшим образом запретили мне занятие этим спортом, затруднения были очень большие, так что другой на моем месте, вероятно, отступился бы, я же продолжал стоять на своем. Для всех этих вещей у меня, напр., не было денег, однако я сработал сам все необходимое и обладал делом так дешево, что был в состоянии обойтись собственными силами.

Но глубже всего подводит нас к пониманию этой мочевой эротики следующее явление: его резко выраженная психическая дизурия («Disuria psychica»). На седьмой день анализа начались совершенно спонтанные жалобы. «Если я иду мочиться в общественную уборную и вижу, что кто-нибудь смотрит на меня, я не могу мочиться. Это существует у меня уже много лет и часто причиняет мне большие неприятности. У меня всегда бывает такое чувство, что я могу осрамиться, если кто-нибудь увидит, что я встал к писсуару, чтобы

помочиться, и ничего не получается. Страх всегда вызывает у меня задержку. Мне кажется, что это началось у меня с 15-ти лет, с тех пор как я так сильно любил того мальчика. Еще до того я уже не мог мочиться и всякий раз старался отделаться от необходимости делать это, так как у меня было определенное ощущение, что это мне не удастся, и я только осрамлюсь. Если бы я увидел, как мочится этот мальчик, я, наверное, испытал бы половое возбуждение. У меня была также мысль, что он будет пытаться взглянуть на мои половые органы. У меня появились тогда сексуальные мысли и эрекции». Однако начало этих задержек мочи в действительности имело место гораздо раньше, что скоро и выяснилось. Удалось установить, что сперва он не мог мочиться в присутствии женщины, ухаживавшей за ним во время продолжительной болезни, тогда ему было уже лет одиннадцать - двенадцать. «Мне мешало одно ее присутствие, а вскоре после этого также и присутствие матери». Наконец, обнаружилось, что однажды эта задержка получилась у него еще в возрасте 7—8 лет. Замечательно, что произошло это в присутствии того самого друга, вместе с которым он пятилетним мальчуганом возился с горшками. «Однажды мы пошли вместе в клозет и принялись мочиться. И вот я очень хорошо помню, что я не в состоянии был помочиться, так как я несколько стеснялся своего компаньона. У меня всегда было такое ощущение, будто он смотрит на мой penis, вследствие чего я испытывал боязнь, что я осрамлюсь, не смогу помочиться и не сумею привести подходящей причины для этого. Я всегда плохо понимал, почему все это так. Эта задержка исчезала только, когда я как следует вышивал и был навеселе; я никогда не мог мочиться в присутствии мальчиков, с которыми у меня были половые сношения, да и вообще в присутствии мальчиков».

Перейдем к объяснению этого явления. Сперва отметим два обстоятельства, имеющих значение поверхностных симптомов. Пациент уверяет, что 12-ти лет он перенес следующую травму. Однажды он был приглашен к одному из товарищей, у которого был 8-летний братишка, очень возбудимый в половом отношении. И вот ему пришлось пойти в клозет помочиться, уборная находилась как раз против детской—он, как и всегда, «забыл» закрыть задвижку,—вдруг восьмилетний мальчуган внезапно быстро открыл дверь и стал звать свою

гувернантку, чтобы она пришла поглядеть на это зрелище. Это до такой степени испугало нашего пациента, что он был не в состоянии продолжать мочеиспускание. Однако он должен был согласиться с тем, что он, быть может, нарочно не закрыл дверь, хотя и не в расчете на маленького мальчика, а на его старшего брата, своего товарища. Этот последний всегда увязывался за ним, когда он шел в уборную, и любил поглазеть на него, что несколько его смущало. В другой раз он говорит, что он всегда не запирает дверь уборной, так как испытывал безумный страх, что не сумеет открыть ее потом. Он очень любил, чтобы его заставляли враспloh в клозете родители, когда он был помоложе, погом девочки или мальчики, которых он любил.

Следующим моментом для дизурии послужило то обстоятельство, что он стыдился других в подражание матери, идентифицируя себя с нею. Однажды, когда он был еще совсем маленьким, по дневнику ему было тогда несколько более четырех лет, его мать вздумала воспользоваться горшком в комнате и сказала горничной: «Перейдите в соседнюю комнату». И вот он в точности подражал этому. Он сам, правда, не вспоминает этого, но в дневнике матери записано буквально следующее: «Когда я (мать) на-днях послала его умываться в спальню, где в это время как раз подметала пол горничная, я слышала, как Фриц сказал ей: «Выйдите, я хочу остаться один. Вы можете пока работать в передней».

Другой рассказ позволяет заглянуть уже несколько глубже. «7—8 лет от роду я очень любил лежать на песке на берегу моря: я вырывал в песке отверстие и мочился в него. Когда я делал это, я всегда мог помочиться только с большим усилием, так как у меня появлялись ощущения полового характера, и я удерживал мочу. У меня появлялась мысль, что кто-нибудь может прийти и застать меня враспloh, и я тогда стеснялся. Я помню, что еще совсем маленьким мальчиком, я уже стеснялся мочиться в присутствии знакомых или товарищей. Стеснялся этого я в гораздо большей степени, чем другие мальчики: 5-ти лет я еще делал [это вместе с моим первым другом, а в 7—8 лет, могу сказать] наверняка, я уже испытывал этот стыд. Воспитание ведь играет большую роль в образовании так [называемой] «стыдливости». Правда, едва ли есть надобность объяснять, что его постоянный страх быть застиг-

нутым врасплох означает как раз желание, чтобы это случилось. Специалистам это ясно и без моих указаний. Как велика, однако, роль воспитания в возникновении этой стыдливости, это будет выяснено в дальнейшем.

В одном из рассказов, где речь шла о задержке мочи, был уже затронут пункт, лежащий весьма близко от центрального ядра всей этой истории. Когда наш пациент в возрасте 14—15-ти лет пускал несколько капель мочи в руку, сложенную чашечкой, он испытывал особенно приятные ощущения, и у него наступала эрекция, которая очень затрудняла мочеиспускание. Однако в течение анализа выяснилось, что задержка мочи с помощью эрекции может быть прослежена до самых нежных периодов его детства, прослежена с полной достоверностью. Уже на втором году жизни у него регулярно появлялись некоторые уплотнения члена при мочеиспускании, вызывавшие задержку мочи. Он не только сам вспоминает это, это подтверждают и отец и мать, а кроме того, это зафиксировано на любительском фотографическом снимке, сделанном его отцом; снимок этот был мне показан. Наш пациент вспоминает, кроме того, совершенно определенно, что он постоянно задерживал стул и мочу, так что требовались усиленные побуждения со стороны матери, чтобы заставить его пойти на горшок. Конечно, это в порядочной степени усиливало его врожденную склонность к эрециям.

Очень интересны собственные воспоминания больного, отец и мать подтвердили их правильность, когда он, по моему предложению, обратился к ним за проверкой. «Всякий раз при мочеиспускании у меня получалось набухание члена. Отец прямо сказал мне, что так было в действительности, а мать пишет буквально следующее»: «конечно, мне пришлось прикоснуться рукой к известной части тела с тем, чтобы вправить ее в горшок, так как иначе все попало бы на постель. Часть эта всегда была напряжена. Когда мне надо было посадить тебя на горшок, и я торопилась при этом, ты ничего не мог сделать, так как соответственный орган был в напряженном состоянии, я была так глупа, что не знала, в чем тут дело, и сердилась на тебя за это». «Теперь я смутно вспоминаю,—продолжает наш пациент,—что я не мог мочиться, потому что у меня было одно желание: мне хотелось, чтобы мать или отец взяли бы что надо в руку и помогли мне. Затем мне вспоми-

нается еще два эпизода. В возрасте 4-х лет я однажды задержал мочу, так что совсем побледнел от этого. Мать обратила на это внимание и сказала: «ты стал такой бледный, не надо ли тебе пойти на горшок?» И тогда она постаралась зарубить мне на носу, что нельзя удерживать мочу в себе, что это нездорово. Может быть, поэтому я стал смотреть на это, как на нечто половое. Однажды, несколько лет спустя, 14-ти лет, я обратился к врачу по поводу фурункула на бедре, и когда врач случайно коснулся моего члена, я страшно испугался, что у меня случится эрекция. В то время у меня начали появляться первые эрекции в связи с половым развитием, и мне казалось, что это нечто чудовищное, нечто запрещенное, и все потому, что, когда мне было 2 года, моя мать, которой пришлось, сажая меня на горшок, вправить в него мой эригированный penis, пожурила меня за это. Мне думается, что тогда эта эрекция была вызвана ее прикосновением, задержание же мочи обусловливалось, в свою очередь, эрекцией и мыслями сексуального характера».

Я думаю, что подлинную связь этих явлений следует понимать следующим образом: первичным моментом является конституциональное повышение эрогенности периферического мочевого тракта от самой мочи. Внешним образом это проявляется в приятных ощущениях при мочеиспускании, в предрасположении к гораздо более раннему поступлению эрекций, чем обыкновенно, например, уже в периоде кормления грудью, и, наконец, в склонности к задержке мочи. Ребенок очень быстро открывает, что этим способом он в состоянии доставлять себе особое наслаждение, и с этих пор регулярно практикует задержку. Если же к этому присоединяется (у мальчиков), что родители начинают пособлять им при помощи прикосновений руками к члену, то, конечно, сладострастные ощущения от этого только усиливаются. Кроме того, мальчики на этот лад получают удовлетворение и в смысле эксгибиционистических влечений, так что они охотно показываются родителям в таком виде с эригированным членом. Еще важнее противоположный момент, сильное влечение созерцать («Schautrieb») мочеиспускание других лиц, в первую очередь, мочеиспускание родителей. Развивающаяся позже психическая dysuria представляет собой, с одной стороны, продолжение задержки мочи, имевшей место в первые годы жизни (обусловлена она, так же как и эта за-

держка, повышением эрогенных свойств мочевого аппарата), а, с другой стороны, она вытекает из конфликта между эрогенной функцией уретры и ее физиологическим отпращиванием, выделением мочи; то и другое, конечно, появляется в дальнейшем в психически замаскированном виде¹⁾. Переживания удовольствия от созерцания и выставления напоказ акта мочеиспускания, своего собственного и производимого другими лицами (главным образом, любимыми и близкими), оказались принесенными в жертву требованиям культурной эволюции — стоит ли после этого мочиться?

С особенной силой проявляется эта задержка («Hemmung») в тех случаях, когда присутствие любимого человека вновь вызывает к жизни давние вытесненные желания. В нашем случае эти желания можно было бы формулировать следующим образом: Хорошо бы, если бы он помог мне помочиться, полюбовался бы на мой большой и крепкий член! Или же наоборот: как я хотел бы посмотреть на него, раздобыть немного его мочи, пожалуй даже выпить его мочу! Если приходится каждый раз заново вытеснять все эти приятные мысли и желания, то мочеиспускание теряет всякую цену, и вот парциальные, сексуальные инстинкты мстят за свое подавление, и получается дизурия. Само собой разумеется, что нет недостатка и в позднейшей психической маскировке: в данном случае, например, это страх—осрамиться: страх этот в действительности маскирует собой желание того, чтобы это как раз случилось, дабы партнер принял участие и пособил, как это в свое время делали отец и мать. Страх опять-таки указывает на наличие подавленной либидо.

В заключении я укажу еще на два симптома мочевой эротики: первый из них как будто бы противоречит *retentio*, второй же представляет собой опять-таки переход к онанистическим актам. «Я помню, — рассказывает наш пациент, — что иногда я играл в прятки с моим другом и сидел где-нибудь тихо и спокойно, иногда вдруг на меня нападало сильнейшее желание помочиться, что я и должен был привести в исполнение. Много лет спустя, когда я участвовал в парусных гонках и знал, что я, по крайней мере, часа на два прикован к

¹⁾ Об этих конфликтах ср. Freud. Die psychogene Schetörung in psychoanalytischer Auffassung. Ärztliche Fortbildung, wissenschaftliche Beilage der ärztlichen Standeszeitung. № 9, 1910.

лодке, у меня всякий раз появлялся сильнейший позыв на мочу. Конечно, это происходило по каким-то другим причинам, а не так, как я воображал себе, а думал я, что это от того, что мы сильно промокали: волны совершенно забрызгивали нас, нитки сухой не оставалось. Может быть, у меня появлялось представление, что я был облит кем-либо мочей. Конечно, в данном случае, так же как и при задержке мочи, сказывалось влияние повышенной мочевого эротика, фантазии же строились *post factum*.

Рано появились у пациента и состояния, напоминающие поллюции, и опять-таки в связи со страхом.

«Когда мне было десять лет, я опоздал однажды в класс, учитель же у нас был свирепый, и мы его очень боялись. Когда я увидал по школьным часам, что опоздал я на целых десять минут, меня охватил ужасный страх, и в то же время я почувствовал необыкновенное, исключительно приятное ощущение в *penis*. Ощущения этого я никогда не забуду. Наконец, появились судороги, совсем как перед эякуляцией, истечения семени, однако, не было. Ощущение это возникло совершенно самопроизвольно, я отнюдь не мастурбировал. Ощущение это такое же, какое я испытываю в настоящее время при мастурбации, только тогда оно было несравненно приятнее. Я отдал бы пол-жизни, если бы мог пережить его еще раз».

Сходные ощущения, хотя и менее интенсивные, он испытал в другой раз впоследствии, когда он ехал однажды вместе с матерью на велосипеде и был в нерешительности, не лучше ли ему поехать обратно. «Я думаю у меня была еще какая-то цель. Наконец, я все-таки поехал обратно и оставил мать одну; и вот, когда я уже проехал порядочное расстояние, меня осенила мысль: лучше бы мне поехать вместе с матерью. Страх, что я сделал упущение, и на этот раз вызвал ощущение наслаждения». Повидимому, не подлежит сомнению, что здесь дело идет о процессах, сходных с поллюциями. Хотя и без эякуляции, процессы эти порождают приятные ощущения того же типа, как и при поллюциях, при чем ощущения эти гораздо более интенсивны, чем при мастурбации. Мы уже знаем, что состояния страха, в конце концов, могут переходить в половые ощущения, как все вообще сильные аффекты; в этих случаях страхи часто приводят к онанистическому соблазну, к этому «великому утешению». В школьном эпизоде мы видим,

между прочим, так же подражание отцу, а именно его мочеиспусканию — мочеиспускание для ребенка, ведь, как известно, равнозначуще с половым актом. Во втором эпизоде имеется другой психический момент, страх совершить какие-либо упущения; страх этот кажется совершенно не мотивированным. В связи с данными других проанализированных слухов я полагал бы, что это был страх, происхождение которого относится к инфантильному периоду: страх, что отец в его отсутствии может вступить в половое общение с матерью.

Случай 2.

Этот случай во многих отношениях может быть противопоставлен предшествовавшему. Речь идет о тридцатидвухлетнем мужчине, у которого в детстве отмечалась сильная мочевая эротика. В тот момент, когда я приступил к психоанализу, он только что получил отставку с пенсией, так как стал уже совершенно неработоспособен из-за огромного количества навязчивых идей. Однако даже освобождение от всяких вообще обязанностей не принесло никакого улучшения, так как с этого момента его навязчивые опасения распространились буквально на все действия его повседневной жизни. Так, напр., всякий раз, когда он расплачивался в ресторане по счету, он боялся потом, что уплатил фальшивой монетой или за что-нибудь не заплатил вовсе; сделав какую-нибудь покупку, он испытывал страх, что обманул при этом продавца. Везде и всюду он чувствовал себя виноватым, ему казалось, что он обманщик; он буквально-таки тосковал по возмездью.

Однажды он явился ко мне и рассказал мне нечто довольно курьезное. Он условился со своей хозяйкой, чтобы ему по утрам после [умыванья] еще раз приносили холодной воды. Днем он вдруг испытал желание, как следует вымыться, хотя в этом не было никакой надобности, только для того, чтобы хозяйка не подумала, что он требовал воды только из каприза. Но стоило ему последовать этому импульсу, как тотчас появилась навязчивая мысль, что он нанес ущерб своей хозяйке, что ей теперь придется платить за эту воду, что он не имеет права на этот расход с ее стороны, что он обманул ее и т. д. и т. д. По ассоциации («Wass r — Wasserlassen», т.-е. вода — пускать воду, т.-е. мочиться. *Прим. пер.*) он стал думать о

мочениспускании, и вот что сообщил он по этому поводу: «когда я был ребенком, 3-4 лет уже наверняка, а вероятно даже раньше, я очень много мочился, при чем не только ночью, но также и днем, так что мои штаны обыкновенно совершенно бурели от мочи. Ночью в постели я мочился совершенно произвольно и всегда боялся, что отец, человек очень вспыльчивый, будет бить меня за это ¹⁾. Но несмотря на это всякий раз, когда вытекала моча, я испытывал прямо-таки чув тво наслаждения. И днем я тоже страшно много мочился. Но самое большое удовольствие мне доставляла теплота мочи, когда горячая струя текла по ногам и вытекала внизу под штанами. Я помню, что в возрасте от 3 до 5 лет я нарочно не расстегивал штаны, когда мочился, чтобы не лишиться себя этого удовольствия. Все эти вещи я проделывал очень хитро. Так по ночам я всегда ждал, пока простыня не высохнет, чтобы утром ничего не было заметно. А днем я пускал мочу понемногу, по каплям, чтобы мокрое пятно увеличивалось не сразу и не слишком бросалось в глаза. Пока штаны еще не делались бурыми, я мог мочиться в них сколько угодно, что я и делал, как говорится, во все тяжкие. И я был очень несчастен, когда штаны приобретали такой вид, что уже могли бы выдать меня. Впрочем, я делал это обыкновенно на улице, так что никто из моих близких ничего не видел, и я мог проделывать это тайком и безнаказанно. И так я совершал тогда довольно утонченный обман и уклонялся от заслуженного наказания. Теперь я должен во сто крат искупить это своими навязчивыми мыслями: и вот меня не покидает чувство виноватости и чудятся самые тяжкие наказания». В следующий раз он сообщил, что, будучи совсем маленьким мальчиком, он неоднократно видел и слышал, как коитировали родители: отец ничуть не стеснялся его, он был меньшим ребенком в семье и в качестве такового спал в постели вместе с родителями. «Я помню, мне всегда казалось, что отец мочится на мать. Может быть, я подражал этому, когда мочился в штаны и в постель».

В дальнейшем он добавил следующее: «может быть, привычка мочиться в постели происходит и от того, что это большое

¹⁾ Наряду с этим, однако, существовали и мазохистические мотивы: желание быть пойманным и побитым. Об этом см. дальше в тексте.

удовольствие я испытал впервые, когда сидел на коленях у матери или у прислуги. Я мочился, сидя на коленях и чувствуя под собой нечто мягкое. Лежа в постели, я ощущал ее мягкость, чувствовал и свои собственные ноги: вероятно это напоминало мягкость бедер матери, которую я ощущал когда мочился, сидя у нее на коленях». Все это, конечно, представляет собой исключительно фантазию позднейшего происхождения. Однако вполне возможно, что непреодолимое стремление мочиться обязательно в постель в конечном счете обусловлено тем, что в грудном возрасте мочеиспускание производилось прямо в пеленки; с другой стороны, это стремление, быть может, связано с тем, что уретрально-эротичным детям часто в высшей степени приятно ощущать, как моча щекочет кожу.

Здесь я подхожу к одной очень важной черте мочевого эротизма, которой я до сих пор еще не касался. У целого ряда детей с подобным предрасположением имеется еще одна зона, отличающаяся также конституционально повышенной эрогенностью: это — кожные покровы. Проявляется эта повышенная эрогенность преимущественно резко повышенной щекотливостью, которая, в свою очередь, нередко стоит в связи с мочевой эротикой. Существуют люди, особенно часто это молодые девушки, которых достаточно пощекотать под мышкой, чтобы тотчас же вызвать у них непроизвольное мочеиспускание. У других такая же легкая щекотка вызывает приступ бесконечного хохота. Так, напр., урининг, о котором мы говорили выше, обнаруживал в высшей степени резко повышенную чувствительность кожи. «Когда отец начинал застегивать мне на ночь шейную пуговицу ночной сорочки, — вспоминал он однажды, — я совершенно не мог выносить этого. Было так щекотно, что я кричал от смеха и удовольствия, при чем это повторялось каждый раз, когда его рука дотрагивалась до моей шеи. Вообще это было мое самое любимое развлечение». Ему было невыносимо также и представление, что ему будут прививать оспу, что при этом соскабливается кожа. Другой [пациент, о котором тоже была уже речь, испытывал особенно приятные ощущения, когда мочился себе в руку, когда теплая моча попадала ему на пальцы. А в обсуждаемом в настоящий момент случае наш пациент испытывает громадное наслаждение при раздражении кожи бедер теплой текущей по ним мочей.

Очень интересно, при каких условиях прекратилось вышеупомянутое недержание у нашего невротика. Держалось оно довольно долго, до девятого года жизни. «Однако, когда в третьем классе я влюбился в одного учителя, очень славного и педантично-чистоплотного, я внезапно принял решение стать другим и оставить мои скверные привычки. Я хотел стать таким же чистым и славным, как мой любимый учитель, носивший всегда безупречно чистое белье; я решил перестать мартыся».

Из прочих проявлений уретральной эротики у нашего пациента я укажу прежде всего на часто появлявшееся у него ощущение щекотания в уретре. Однажды, когда ему было восемь лет, ему пришлось перелезть через очень высокую стену: это было очень трудно, у него появился сильный страх и в то же время—ощущение щекотания в уретре. Когда ему было 8—9 лет, его в течение некоторого времени мучал сильнейший зуд в уретре, вследствие чего он постоянно чесал свой член, при чем делал он это открыто и при всех. Он уже не раз задумывался над причиной этого явления, однако не нашел таковой. На мой вопрос, не было ли у него тогда половых желаний, направленных на определенное лицо, он сказал: «может быть, я думал о девушке, которая была у нас в няньках». В народной школе, в первых двух классах учитель был чрезвычайно строг и не давал ученикам выходить из класса во время урока. Вследствие этого ему приходилось задерживать мочу, у него появлялось чувство щекотания в канале, и он мастурбировал, как потом всю жизнь в каждой беде. Здесь ведь тоже была беда. Тот же строгий учитель имел обыкновение бить учеников линейкой по рукам. По этому поводу пациент совершенно определенно вспоминает следующее: «Когда он бил меня по рукам, [я чувствовал половое возбуждение. Мне кажется, я возбуждался уже от страха, что буду наказан, от мысли, что буду пойман и прибит. Уже от одного этого начинало щекотать в канале, потом это может быть было и от сильных ударов. Вероятно, это было только от страха, так как учитель был человек грубый и дрался немилосердным образом. Такой же страх вызывал во мне и отец. Бывало, он гонится за нами, а мы бегаем от него вокруг стола и стараемся улизнуть в дверь при первой возможности. Во время этой беготни у меня появлялось стремление, во что

бы то ни стало, как-нибудь да вырваться, и начинало щекотать в канале, как это потом бывало перед поллюциями: это было и щекотно и крайне приятно». Впрочем, как он ни боялся отцовских побоев—отец, конечно, прототип строгого учителя,—он все же иногда сам провоцировал эти побои слишком частой беготней в клозет для мочеиспускания; он провоцировал их, конечно, не ради них самих, а ради вызывавшегося ими чувства щекотания в уретре. Здесь перед нами, несомненно один из корней мазохизма.

Перейдем теперь к рассмотрению трансформации этих явлений в периоде полового созревания. В этом периоде у него регулярно появлялись поллюции, при чем ему всегда снилось, что он бежит и торопится вскочить на отходящий поезд; или поллюции наступали, когда ему приходилось очень спешить во время классной работы. В конце гимназического периода, особенно же в студенческие годы, поллюции настолько участились, что, когда ему исполнилось 21 год, он даже обратился к терапевту, который дал ему совет приступить к половым сношениям. «Страх, повидимому, всегда сопровождался у меня чувством щекотания в уретре. Вообще всегда, когда я попадаю в затруднительное положение и тревожусь, у меня бывает поллюция. Может быть, я потому теперь и онанирую¹ все время, что чувствую, что нахожусь в затруднительном положении... Я всегда мастурбировал, когда мне казалось, что я не нахожу никакого исхода, и пока мне не удавалось привести мои мысли в порядок и доказать себе, что я не совершил ничего преступного и мне ничто не угрожает. Я онанирую всякий раз, когда у меня появляется чувство, будто я брошен, покинут. Вероятно, это тоже как-то связано с побоями. Боязнь быть побитым всегда вызывала известное ощущение в уретре, которое приводило меня к мастурбации. Так и теперь, когда я чувствую себя несчастным, я прибегаю к половому сношению с женой: разница только в том, что вместо онанистического акта я совершаю сношение, т. - е. я опять-таки доставляю себе утешение с помощью полового наслаждения. В детстве я всегда пускал мочу при всякого рода крупных волнениях или от страха и доставлял себе на этот лад большое половое наслаждение и утешение, а в дальнейшем я делал то же самое с помощью мастурбации и половых сношений. Семя и мочу я, очевидно, вполне идентифицировал».

Что касается моментов конституциональных и воспитательных, то пациент наш сообщает следующее: «Мать часто хваталась за половые органы, точно стараясь сдержать сильный позыв на мочу, и тотчас же спешила в уборную. Вот и сейчас я отчетливо вижу ее перед собой, как ей приходится бороться с позывом. Отец, в свою очередь, имел привычку «в знак нежности» дергать своих сынков за penis, что считалось особой формой ласки. Старшие братья проделывали то же самое по отношению к младшим. Младшего из сыновей отец брал к себе в постель и щекотал ему член. Я проделывал это тоже со всеми своими младшими братьями, а иногда и со своим собственным сыном, разумеется, до психоанализа». Делалось это будто бы без всякого полового возбуждения, просто потому, что было так принято и считалось чем-то вполне естественным. Были, конечно, вредные влечения и со стороны слуг, баловавшихся членом мальчика, когда им приходилось вынимать его для мочеиспускания. Может быть, также и поэтому он нарочно мочился чаще, чем это было необходимо. Иногда, когда он бывал неопрятен и мочился под себя, его дергали в наказание за penis: он жалобно кричал, и тогда, чтобы успокоить его, поглаживали ему член, а это доставляло уже большое удовольствие.

Я приведу еще кое-что из его крайне интересных фантазий. У него наблюдался симптом истерической забывчивости, объясняемый им самим следующим образом: «Я очень часто забывал ночью, что я лежу в постеле; и думал, что я сижу в клозете или на ночном горшке; и вот в таком полусознательном, полубессознательном состоянии я не только мочился в постель, но даже испражнялся. Я вполне уверен, что я забывал по ночам, где я, собственно, нахожусь, и вот в этом состоянии полужсного, полунейсного сознания, да еще с чувством щекотания, появлявшимся в мочеиспускательном канале, доставляло прямо огромное наслаждение, когда помочиться. Днем мысль о возможном наказании была так сильна, что удерживала меня от выпуска мочи, по крайней мере, в присутствии моих близких — ночью же это происходило только вследствие того, что я забывал, где нахожусь. Впоследствии я истерически фиксировал это забывание, как источник высшего наслаждения. В последующие годы у меня наступили поллюции, и тут установилась полная аналогия с предыдущим. Я видел сон, и вот,

когда приближалось излияние семени, мне приходило в голову, что я должен бороться и не допускать этого. Затем, однако, я прибежал к следующему: я говорил себе, что это всего навсего приятный сон, прекращал борьбу, и наступало излияние семени; я совершенно отчетливо вспоминаю, что такая же борьба происходила во мне и в детстве, когда я мочился в постель. В полусонном, полубодренном состоянии я говорил себе: ты не должен мочиться, ты в кровати, за это накажут. Но этот голос уступал другому, я подчинялся этому новому голосу, который говорил—все это только снится тебе, ты сейчас действуешь во сне и не можешь отвечать за это. Утром, когда я видел «подарок», я был глубоко несчастен. Я совершенно не мог объяснить себе, как это случилось, так как был твердо убежден, что мочился в горшок или, по крайней мере, в уборной. Я был счастлив, думая, что это происходит именно так и, что называется, распускал вожжи. А теперь я с ужасом видел, что я все-таки опять помочился в постель и, следовательно, опять буду наказан. Итак, что бы я ни делал, я погиб и подлежу наказанию,— вот причина моих теперешних навязчивых состояний».

Больной этот женился на девушке, несомненно страдавшей также весьма тяжелой формой уретральной эротики. Так, например, всякий раз, когда она делалась беременной, у нее появлялся так называемый катарр пузыря с болями и жжением при мочеиспускании, учащением позывов, появлялась муть в моче; все это обнаруживалось тотчас же, как выпадали в первый раз месячные. Но все же эти симптомы сами собой проходили, как только прекращалась беременность, что для такого катарра не представляется закономерным. Нечто подобное приключилось с ней, пока я вел психоанализ ее мужа: у нее опять начались учащенные позывы на мочу, так что она даже подумала, что она снова беременна. Но когда через 2 недели у нее своевременно наступили месячные, все это совершенно внезапно, без всякого лечения, прекратилось. Потом она открылась своему супругу и рассказала, что в детстве страдала ночным недержанием и часто видела во сне, что мочится. Даже и теперь ей иногда снится, что у нее сильный позыв на мочу. Она борется с этим позывом, мотивируя это тем, что она замужем и должна стыдиться своего мужа. Но, когда она просыпается, она фактически находит каплю-другую мочи в постели.

От брака этих двух уретрально-эротических субъектов родилось двое детей, у которых уже от рождения можно было наблюдать симптомы этой эротики в крайне резко выраженной форме.

Случай 3.

Сперва я расскажу о девочке, родившейся 11-го ноября 1907 года. С самых ранних пор выясняется, что она чрезвычайно чувствительна. Я видел ее в первый раз, когда ей было полтора года; во время врачебного исследования она кокетничала со мной, совсем как строящий глазки подросток: она то стыдливо потупляла глаза, то многозначительно смотрела вверх, то, прищуривая один глаз, вызывающе смотрела на меня другим. Спустя полгода она так ведет себя в трамвае по отношению к соседу, что у того вырывается восклицание: «Смотрите, как кокетничает ребенок!» «Если кто-нибудь из незнакомых мужчин с ней ласков,— сказал ее отец,— она начинает делать настоящие театральные жесты: поднимает руки, закатывает глаза (закатывание глаз она переняла у меня). Когда приходят в гости мои младшие братья, она сейчас же выбегает к ним, хочет сидеть у них на коленях, приходит в восторг от этого и все время хочет сидеть около гостя». В возрасте двух лет она присутствует при купании годовалого братца, показывает на его penis и беспрестанно спрашивает бабушку: «Что это такое?» Ничем не удается отвлечь ее внимания. Затем она обращается с тем же вопросом и к матери. Но характернее всего ее отношение к отцу, в которого она, повидимому, прямо-таки влюблена. В возрасте 1³/₄ года мать дает ей в руки фотографию отца, бывшего в это время в отъезде. Девочка не расстаётся с фотографией, держит ее при себе в постели, берет с собой на прогулку. Фотография делается ее любимой игрушкой, она показывает ее всем и каждому и говорит при этом «тата». В возрасте двух лет отец застаёт ее одну и слышит, что она все время напевает про себя «красивые люди, красивые люди ¹⁾» (*schöne Männer, schöne Männer*); он спрашивает ее, про кого это она поет? Она смотрит на него и смущенно отвечает: «тата».

¹⁾ Незадолго до этого эпизода отец показывал ей плакат и, указывая на какие-то фигуры, сказал: «Смотри, какие красивые люди (*schöne Männer*)».

Рассмотрим теперь целый ряд эпизодов уретрально-эротического характера. Собственно говоря она уже вскоре после рождения начала мочиться часто и помногу. Отец скоро стал бить ее за это и был очень строг с ней в этом отношении, очевидно, в связи с воспоминаниями о своих собственных переживаниях этого рода. Уже на втором году жизни она мочится всякий раз, когда боится или пугается, при чем достаточно только прикрикнуть на нее или поставить в угол. Ей полтора года: если не исполняется ее желание, напр., если ее не берут на руки, она горько плачет и мочится под себя, и только в редких случаях этого рода просится на горшок, так как боится побоев. В возрасте 1 года и 10 месяцев отец отмечает следующее: «Я уже второй раз замечаю, что, когда она, стоя передо мной, вдруг внезапно мочится на ковер, она смотрит на меня каким-то тупым, как бы отсутствующим взглядом. Тут и страх побоев, а кроме того, и как бы потеря ясности сознания от чувства сладострастия, как, напр., при онанизме. Получается впечатление будто бы ей очень приятно и будто она точно в забытии. Несомненно, что это мочеиспускание для нее имеет значение полового акта, при чем акт этот она мысленно переживает с тем лицом, на которое она при этом смотрит». Затем некоторое время спустя отмечается следующее: «Я часто замечаю, что ребенок кладет руку поверх передника на половые органы ¹⁾. Это происходит внезапно, напр., во время игры или так, между прочим, при чем это очень похоже на то, что я замечал за моей собственной матерью, ее бабушкой. Получается впечатление, что ребенок хочет задержать сильный позыв на мочу». Наконец в возрасте около двух лет, она однажды целый день плачет и страшно кричит во время мочеиспускания. Мать хочет смазать ее вазелином, но она не дается. На другой день все это бесследно проходит.

Весьма замечательна связь этих позывов на мочу с присутствием любимого отца. Семейство живет на даче в Z, отец

¹⁾ В данном случае наблюдается переход к онанистическим актам. Родители замечают, что она то и дело хватается за половые органы, особенно лежа в постели. Мать прямо утверждает, что она вводит палец себе во влагалище — однако уличить ее *in flagranti* не удастся, так как она очень старательно покрывается покрывалом, а когда к кровати подходят, она быстро отнимает руки, делает вид, что чешется, и чешет какое-нибудь совсем невинное место.

же остался в Вене, продельывает там курс психоанализа и ездит к семье только раз в две недели. Мать совершенно определенно замечает, что недержание делается менее резким, иногда даже вовсе пропадает на несколько дней, когда отец довольно долго не бывает дома. Стоит же только приехать отцу, или девочка только узнает, что он ночью приедет, как сызнова начинается все то же: днем она мочится в штаны, ночью спит тревожно, все время ворочается, расчесывается до крови, все время зовет мать и, конечно, мочится под себя в постель. Но когда отец уезжает, опять поворот к улучшению. Значительно уменьшается недержание, да и чешется девочка меньше ¹⁾. Но самый характерный эпизод относится ко времени, когда ей было около двух лет. Отец ночью неожиданно приехал домой. Ночью она была опрятна, в чем мать поутру имела возможность убедиться. Но когда, просыпаясь, она услышала голос отца в соседней комнате, она тотчас же замочила всю постель, чего до сей поры еще не случалось. В возрасте двух лет и одной недели она выбирает из целой кучи фотографий свое собственное изображение и портрет отца, начинает играть с ними, берет их в постель и мочится «сильнейшим образом». На другое утро обе фотографии совсем размокли. Отец имеет обыкновение не только говорить с ней обо всем, но и расспрашивать ее, что собственно она имеет в виду, какое значение имеют те или иные ее поступки. Так он спросил ее: «Ты взяла к себе в постель портрет таты, значит ты хочешь взять тату в постель и замочить его?» и она ответила спокойно и определенно: «да!». Когда отец во время прогулки заходил в магазин для каких-либо покупок, девочка реагировала на эту короткую разлуку опять-таки тем, что мочилась под себя, прибегала к этому излюбленному средству утешения. Впрочем, то же самое она делала, когда уходила из дома мать, или когда по вечерам отец и мать вместе бывали в театре.

¹⁾ Расчесывание до крови (*ex pruritu cutaneo*) представляет собой симптом инфантильного невроза страха («*Angstneurose*»), так же как часто наблюдаемая у нее *urticaria*. По словам отца, укус блохи вызывает у нее не *pruriga*, как обыкновенно, а волдыри крапивницы, которые она до крови расчесывала. В этих случаях она не упускала возможности почесать и половые органы. Все это связано с повышенной эрогенностью кожных покровов, о чем еще будет речь в тексте.

Мы уже знаем, что ее отец испытывал в детстве чрезвычайно сильное наслаждение, когда теплая моча текла по его бедрам; мы поставили это за счет повышенной эрогенности кожных покровов. Особенность эта без сомнения отмечается и у детей. Наша девочка чрезвычайно громко хохочет, когда ей снимают чулки, раздевают платице или меняют утром или на ночь сорочку. Так же ведет себя при переменах платья и ее братишка. Ее любовь к чужим прикосновениям к ее телу, влечение к тому, чтобы ее щекотали, заставляют ее делать довольно странные вещи. Так, напр., она расстегивает себе подштанники, развязывает шнурки туфель и передничек, и делает это с той целью, чтобы отец и мать, приводя все в порядок, пощекотали бы ее при этом. Однажды она оборвала даже все пуговицы на ночной рубашке, стремясь к прикосновениям матери, когда та будет пришивать пуговицы на место. Она очень любит, чтобы отец щекотал ей шею.

У нее очень рано появляются негативистические проявления, притом в очень выраженной форме. В первую очередь, конечно, появляется противодействие при приучении ее пользоваться только горшком при отправлении естественных потребностей: противодействие это очень упорное, долго держится и даже в настоящее время не совсем еще преодолено. Она предпочитает мочиться в штанишки или в постель, несмотря на угрожающие ей побои. В возрасте двух лет и двух месяцев появляются и более резкие негативистические проявления: отец следит за ней и спрашивает ее однажды утром: «Ты не сделала под себя сегодня?» Она подумала немного и ответила: «нет!» В ответ на это отец показал ей на большое пятно на простыне и ударил ее по рукам. Вечером начинаются уговоры: она должна быть хорошей девочкой и не пускать мочи, где попало, и тогда родители перестанут сердиться. Наконец, отец спрашивает ее: «ну, не будешь больше мочиться?» На что она упрямо возражает: «буду!» Когда отец направился к двери, она крикнула ему вслед: «Тата, я сделала». «Она, повидимому, подсмеивается надо мной», — так комментирует отец ее слова. «Мне, может быть, надо пойти и поглядеть и, убедившись, что она не помочилась, похвалить ее. Я же уйду, не обращая на это внимания». С этих пор у нее один и тот же ответ на вопрос, будет ли она мочиться: «да», а на вопрос будет ли она послушной и хорошей девочкой: «нет!» Она делает это точно на зло. Так же

отвечает она и матери. Мать, напр., спрашивает ее, правится ли ей кушанье, которое она ест с явным аппетитом? «нет!»—отвечает она. Совершенно аналогичные вещи получаются и по целому ряду других поводов. Она продолжает так же вести себя, даже если при этом затрагиваются ее выгоды. Так, напр., отец однажды спрашивает ее: «хочешь яблоко?»—«нет!»—«Ладно, и не получишь», при чем на этом и покончили.

В своих заметках отцу больше всего приходится распространяться на тему о приучении ребенка к опрятности. Между ребенком и родителями ведется настоящая борьба, она длится целый ряд лет и до сих пор еще не закончена. Несмотря на сильнейшие наказания, девочка упорно сопротивляется, не хочет мочиться и испражняться в горшок, отказывается делать это в положенные часы, подчиняется, лишь когда ее бьют, при чем делает это дробными дозами и по-прежнему предпочитает выпускать в штанишки экскреты того и другого рода. Получается впечатление, что она решила во что бы то ни стало сохранить за собой право на это удовольствие. Бывает, напр., так, что она хорошо ведет себя на прогулке и совсем не проявляется никаких позывов на мочу, но на обратном пути домой, недалеко от дома она вдруг внезапно заявляет о своей потребности и, прежде чем успеют дойти до дому, мочится под себя, несмотря на ожидающее ее наказание. Иногда получается впечатление, что лаской скорее можно было бы добиться от нее толку, чем строгостями. Так, напр., отец приходит вечером к ней, сидит около ее кровати и спрашивает ее, разве ей приятно мочиться под себя? Она всегда отвечает утвердительно на такие вопросы. Тогда отец внушает ей, что и мать, и он будут больше любить ее, если она будет вести себя ночью, как следует. «Я думаю, что она вполне поняла меня, так как в эту ночь она в первый раз после долгого времени не мочилась. На следующее утро она сама с радостью констатировала это: «Не сделала! мама, тата... любишь!» К сожалению, подобная ремиссия длилась очень не долго. Достаточно пустяка, напр., визита какого-нибудь молодого человека или появления трубочиста в квартире, чтобы все благие намерения пошли прахом. Отец снова начинает беседы с ней, но теперь это уже не помогает. Воспитательные меры всякий раз оказываются бессильными, врожденная же конституция берет свое. На эту упорную борьбу ушло много месяцев,

и все-таки удалось добиться не так уж многого: девочка и ее братишка опрятны только до известной степени, время же от времени, конечно, отмечаются тяжелые рецидивы ¹⁾.

Случай 4.

У маленького мальчика, родившегося 30 января 1909 года, после самых незначительных раздражений наступают эрекции; при прикосновении к его половым органам он обнаруживает явные ощущения сладострастия. Ребенку три с половиной месяца, — мать начинает обмывать ему головку члена, как вдруг у него внезапно начинается эрекция, при чем молодая мать так испугана этим, что убегает прочь. На другой день при смене пеленок она замечает, что он время от времени выпячивается, и у него наступает совершенно определенная эрекция. 24 часа спустя его снова распеленали, он лежит и время от времени протягивает ручку к члену и играет им, слегка схватывая его: он крайне изумлен, когда ему дают за это по рукам. Тогда же или даже несколько раньше мать обратила внимание, что всякий раз, когда ему припудривают половые органы, он смеется, при чем смех этот носит настолько своеобразный характер, что несомненно, что он испытывает чувство сладострастия. Совершенно то же самое происходит, когда во время купанья мать поднимает ему ножки, чтобы вымыть его снизу. В возрасте 9-ти месяцев отмечено следующее: всякий раз, когда мать снимала приставшие к члену или мошонке волокна фланели, он хохотал, как если бы его щекотали, хоть мать, согласно полученной от мужа инструкции, делала это с крайней осторожностью. На 13-ом месяце мать неоднократно наблюдает следующую картину. Мальчик спит после обеда, мать собирается взять его погулять, подходит к нему, поднимает одеяло и видит, что у него эрекция, при чем длится эта эрекция, пока он не помочится. Ему еще нет полных 15-ти месяцев, и вот во время прогулки в сквере разыгрывается следующий характерный эпизод. Он просится «за маленькою». Мать расстегивает ему штанишки, но он не мочится, отказывается, не хочет.

¹⁾ В октябре 1910 года отец сообщил мне, что у девочки снова рецидив и при том тяжкий; наступил он после довольно долгой паузы, без всяких определенных причин. Мальчик же держится пока молодцом.

Мать сперва уговаривает его, но он не делает, что нужно, и она видит совершенно ясно, как у нее на глазах половой член мальчика начинает подниматься. Ему дается несколько раз по рукам, после чего он чуточку мочится и все-таки задерживает главную порцию. Тогда мать бьет его сильнее: и только тогда он широкой струей выпускает мочу и смеется при этом. Его отец делает следующее замечание по этому поводу: «вероятно, у него есть желание пустить мочу на мать, но она стоит сзади него. В то же время он эксгибиционирует и показывает матери большой penis».

Родители, конечно, требуют, чтобы он делал свои дела в горшок, он же оказывает крайне резкую оппозицию этому их желанию. В этих случаях он сперва кричит, точно его режут, потом сопротивляется самым определенным образом, но будучи положен обратно в постель, тотчас же мается в постели. «Крик при сажании на горшок,—говорит его отец,—ясно выражает, что он не желает этого. Он хочет совершать свои потребности, когда и где это ему самому вздумается, т.-е., напр., в штаны, на пол и, главным образом, в кровать. Характерно, что даже, когда его сажают на горшок утром, если он за ночь не мочился, и пузырь его, следовательно, переполнен, он все-таки не мочится в горшок, а бережет мочу, чтобы выпустить ее потом в постель. Ему доставляет, повидимому, особенное удовольствие, лежа утром в кровати, пускать струю мочи прямо на пол или на кого-нибудь из нас, а на мать в особенности. В дальнейшем, когда он уже привык к горшку, он мочится как можно меньшими порциями, зато тем чаще, так что его близким и прежде всего матери приходится всегда быть на чеку. Невозможно заставить его делать эти дела зараз в один прием. Не помогают даже сильнейшие побои».

Я не стану входить здесь в рассмотрение целого ряда интересных симптомов, которые можно, кроме того, отметить у этого ребенка, укажу только на один из них: это крайне ранний выбор полового объекта (*Sexualobjektwahl*). Если в предыдущем случае девочка очень рано привязалась к отцу и продолжала стремиться к нему, даже несмотря на побои, то в данном случае годовалый ребенок любит свою мать—иначе это никак не назовешь—и в то же время самым настоящим образом ненавидит отца. Вот, что подметила мать, когда ему было 13¹/₂ месяцев: он показал язык отцу вслед, когда тот

крикнул ему мимоходом: «Ах ты, дрянь мальчишка!» Отец и сам заметил это: «Когда за какую-нибудь провинность я не даю ему лакомства, он бросает на меня взгляды, полные злобы и ненависти ко мне. В моем присутствии он чувствует себя всегда неловко, зато сразу оживает, когда я ухожу, даже если мать с ним строга. Он играл, напр., в парке и был совсем весел, как рассказывает жена, но стоило появиться мне, как у него сразу испортилось настроение. Он посмотрел на меня, и в его глазах была прямо-таки смертельная ненависть. Он знает только одно единственное обращение: это обращение к матери («мама»). Он кличет только мать, когда ему что-нибудь нужно».

В возрасте 14 $\frac{1}{2}$ месяцев отмечено следующее: «Малый не был неопрытен ночью. «Молодец»—говорит ему мать. Он сразу понимает в чем дело и смеется ей в ответ, точно взрослый. Но когда вскоре после этого прихожу я и хочу погладить его по щеке, он смотрит на меня с выражением антипатии и несколько раз отворачивается от меня в сторону. Только гораздо позже он снова прибежал ко мне. На следующий день он несколько раз бежит к матери и зовет ее тоном прямо-таки влюбленного: «Мама, мама!» Тон этот совершенно своеобразный... И вот он смотрит на меня все время исподлобья, а девочка по-прежнему продолжает относиться ко мне любовно, несмотря на то, что я все так же больно бью ее».

Эротика кожных и слизистых покровов и мышечной системы.

Dr. S. Sadger. (Wien.)

Из числа эрогенных зон, смысл и значение которых раскрыты Freud'ом, две зоны выделяются особенно резко: это, во-первых, кожа, переходящая местами в слизистую оболочку или же дифференцирующаяся в органы чувств, и, во-вторых, мускулатура тела: и произвольная и еще больше вероятно гладкая, не подчиненная сознательной воле. Обе эти зоны играют доминирующую роль в детстве, затем в периоде полового созревания. На второе десятилетие устанавливается примат одной единственной эрогенной зоны половых органов с тем, чтобы в дальнейшем снова уступить место первоначальной кожно-мышечной эротике. Впрочем, кожно-мышечная эротика в значительной степени участвует в деятельности генитальной сексуальности: частью прямо, а частью в процессе образования предварительного наслаждения («Vorlust»); она не только физиологически замещает генитальную сексуальность в детском возрасте, но викарирует с ней часто в очень порядочной степени даже в пору полной зрелости. Известно, что во времена Priessnitz'a половая потребность была доведена до минимума, в то время как кожа и мускулатура в течение почти всего дня подвергались самым разнообразным воздействиям; в настоящее время подобное отвлечение внимания достигается за счет получившего такое широкое распространение спорта на открытом воздухе. В случаях, где спорт не практикуется, как, напр., у чиновников и т. п., сексуальность нередко резко и чрезмерно повышена.

То обстоятельство, что наша кожа в некоторых местах преобразована в слизистую оболочку, имеет, помимо общеизвест-

ного значения, также важный эротический смысл. Отметим прежде всего, что этот переход кожи в слизистую имеет место исключительно у входных и выводных отверстий нашего тела, а отверстия эти, как мы знаем, имеют значение эрогенных зон. Это относится не только к отверстиям заднего прохода, влагалища и уретры, но в равной мере ко рту, к носу, глазной впадине и к наружному слуховому проходу. Можно с определенностью установить следующее правило: место, где кожа дифференцируется в слизистую оболочку, представляет собой несомненно эрогенную зону. Повидимому, природа зафиксировала это и в чисто анатомическом смысле. Havelock Ellis даже почел необходимым дать всем этим участкам особое название «вторичных половых центров». Система анастомозирующих нервных волокон, посредством которых связанные между собой отдельные осязательные тельца, во всех этих переходных участках, а особенно на гениталиях, развита богаче и сложнее, чем где бы то ни было, чем и объясняется их исключительно высокая чувствительность. Как подчеркивает Charles Féré, части тела, с помощью которых мы выражаем ласку или же наоборот ощущаем ласку, на нас направленную, всегда принадлежат к числу самых чувствительных во всем нашем теле. Преобразование в слизистую оболочку создает еще одно преимущество: слизистая оболочка более насыщена жидкостью, влажнее, а это дает возможность постоянной готовности к сексуальной функции, совершенно так же, как в зрелом возрасте мы это видим в области собственно половых органов, напр., в случаях постоянной влажности влагалища, наполнения *corporum cavernosorum penis* в более резких степенях в *ignothoea ex libidine*. Ведь, чем выше кожный тургор и его секреторная деятельность, как, напр., после ванны, тем сильнее и половое влечение. Вот почему так употребительны омоения у народов (и индивидуумов), отличающихся чувственностью; мы не имеем здесь в виду той имеющей навязчивый характер чистоплотности, которую приходится ставить за счет подавленных мастурбаторных привычек.

Обыкновенно кожная, слизистая и мышечная эротика встречается в сочетании друг с другом, сразу, у одних и тех же субъектов, однако существует не мало случаев кожной эротики в чистом и неосложненном виде. Практика, напр., показывает, что нельзя назначать углекислые ванны субъектам, очень воз-

будимым в половом отношении, а так же лицам, страдающим неврозом сердца, так как они обычно страдают, кроме того, и от неудовлетворенного либидо или от постоянного бесцельного возбуждения: углекислые ванны, являющиеся в высшей степени резким раздражением кожи, в этих случаях действуют, как сильное aphrodisiacum. Кто станет систематически проводить гидротерапию по отношению к истерическим пациентам, тому придется столкнуться со следующими особенностями. Иная больная не удовлетворяется никаким количеством холодных процедур, другой же пациентке, и не только по ее словам, а прямо на глазах у врача холодная вода скорее вредит, и, наоборот, от теплой воды получаются блестящие успехи. Что за причина этого странного явления? Мне кажется объяснения здесь надо искать в способности тепла и холода возбуждать кожную эротику. Действие тепла и холода, однако, весьма различно в зависимости от индивидуальности. Что более подходит, можно установить только на практике. В зависимости от этих индивидуальных особенностей, смотря по эротичности, некоторые лица делаются фанатическими фанатиками холодной воды, они применяют влажный холод не только там, где он заведомо помогает, но даже злоупотребляют им; другие же, наоборот, как чумы боятся холода и в восторге от теплых и горячих процедур. Все это относится и к воздушным, световым и солнечным ваннам: здесь, кроме того, вероятно, значительную роль играют также и моменты экзгибиционизма. Совершенно исключительный рост обществ естественных методов лечения (Naturheilvereine) доказывает, как сильно распространена кожная эротика и сколь могуче стремление к ее удовлетворению. Иногда и струя воздуха, и теплого, и холодного, действуют возбуждающим образом на кожу и слизистую оболочку. В минуты ласк многим женщинам нравится чувствовать, как горячее мужское дыхание обдает их шею, они испытывают очень приятное ощущение при этом, напоминающее щекотание. Один истеричный мужчина, в свою очередь, сообщил, что он испытывает в высшей степени сильное ощущение наслаждения в кончике носа и в ноздрях, когда ему тяжело дышется или когда он с силой проталкивает воздух через нос. Маленькие девочки и девочки-подростки испытывают огромное наслаждение, садясь с обнаженными ягодицами на камни и ощущая, как прохладная струя воздуха касается

ягодиц и гениталии. И взрослые женщины иногда испытывают нечто подобное, когда сильный ветер во время прогулки пронизывает насквозь, раздражая и половые части. Иногда, когда ребенок жалуется на боль, бывает достаточно подуть на больное место и боль проходит, надо только, чтобы это сделал кто-нибудь из близких, кого ребенок любит: быть может, и это явление в известной степени связано с кожной эротикой, хотя оно несомненно имеет и более глубокие корни, которые я попытаюсь раскрыть в дальнейшем. Наконец, существует еще один особый вид кожно-эротических ощущений, он ведет к тому, что дети приобретают привычку мочиться или испражняться на свое тело или же прямо мазаться и растираться мочей или калом. Явления эти могут иногда всплывать вновь во время развивающегося в дальнейшем душевного расстройства. Во всех [подобных случаях, конечно, [порядочную роль играют и урофилия и копрофилия.

Подобно теплу, свету и холоду [некоторых людей возбуждает в половом отношении одно поглаживание рукой, равно как и электризация. Вот, что рассказала про свою кузину одна больная: «Стоит мне случайно дотронуться до ее руки, как она сейчас же говорит мне: «сделай так еще раз, это так приятно». Потом она просила меня слегка гладить ее руку и предплечье, это привело ее в восторг, и она постоянно хотела, чтобы я гладила ее таким образом. Затем она очень любила, чтобы кто-нибудь брал в руки ее распущенные волосы и слегка трепал их. Она говорила, что самое большое удовольствие для нее это, когда ей чешут волосы. Она была уже взрослой, ей было за двадцать лет, когда я однажды случайно дотронулась до ее руки. Она тотчас же реагировала: «ах, как это приятно, сделай так еще раз». Я рассмеялась и напонила ей, что еще ребенком она высказывала подобное же желание. Брат же ее сказал: «Эмма, ты совсем с ума сошла, ты же знаешь, что это заставляет тебя нервничать», и просил меня никоим образом не делать этого. Сходное явление, в котором, однако, превалирует мышечная эротика, представляет собою общий массаж всего тела. Вот, что сказал о нем один опытный врач-специалист: «массаж этот вызывает чувство приятного утомления, в высшей степени похожее на чувство полового удовлетворения». Известно, что у древних греков и римлян такой массаж делался не только с лечебными целями, но и в видах доставления

удовольствия. Наконец, один из моих пациентов, субъект с сильно развитой кожной эротикой, сообщает следующее: «Когда мне было 22 года, я приобрел себе электрическую машинку, чтобы электрическим раздражением приводить себя в состояние полового возбуждения: я ставил электроды в разных местах тела, напр., под мышками и на живот, и пускал ток.

Модификация кожного чувства, носящая названия чувства щекотания имеет интимнейшие соотношения с областью сексуального. Это своеобразное чувство по природе своей, несомненно, сексуального характера, что явствует из следующего. Крайне щекотливые девушки теряют эту свою особенность, как только начинают жить правильной половой жизнью; как раз в этом отношении существует большая разница между замужними и незамужними женщинами; во многих языках, как, напр., в языке жителей Огненной Земли, одно и то же слово ¹⁾ обозначает и щекотание и половой акт. Чувство это, как известно, разное проявляется у разных индивидуумов. Половая нетрещотность молодых людей обоего пола устанавливается на основании их чувствительности к щекотке не только в Исландии. Одна из моих венских пациенток сообщила мне про существование одного народного обычая, о котором она слышала от своей бабушки. Надо схватить испытуемого несколько повыше коленной чашки за мягкие части бедра: делается это быстро и с помощью большого и указательного пальцев, при чем помимо прямого раздражения мышцы получается так же и чувство щекотания, если кожа испытуемого чувствительна в этом отношении. Кто в таких случаях реагирует соответственным образом, тому значит «не везет в брачном вопросе». На амбулаторном приеме по внутренним болезням можно нередко видеть, что молодые девушки ежатся и подергиваются при прикосновении стетоскопа и плессиметра: это всегда указывает на существование повышенной сексуальной возбудимости в связи с отсутствием регулярной половой жизни. Сюда же относится и сообщение одного врача (цитированное у Ellis в «Die Gattenwahl») о наблюдениях, сделанных над собой рядом замужних женщин: по их словам после свадьбы они стали не так щекотливы под мышками и

¹⁾ Лучшую до сих пор сводку по вопросу о чувстве щекотки сделал, несомненно, как нам известно, Н. Ellis в своей книге «Die Gattenwahl beim Menschen», откуда я заимствую ряд примеров для этого отдела моей работы.

около груди, между тем как до замужества они подпрыгивали или приходили в нервное состояние или хохотали при каждом прикосновении к этим местам, при каждой попытке пощекотать их, в особенности же, если это делалось мужчиной. Коллега этот делает следующее верное замечание: «Возможно, что щекотливость молодых девушек это естественная самооборона против полового сближения и нападения, молодая женщина инстинктивно съезживается, чтобы прикрыть грудь, подмышечные впадины и другие места. Замужняя женщина, если она любит мужчину, не прячет эти места, так как она идет навстречу делаемым ей мужчиной авансам; она уже больше не нуждается в щекотливости, как в средстве защиты от сексуальных атак». Сходным образом обстоит дело и со стыдливостью у незамужних и замужних женщин: замужним женщинам стыдливость больше уже не нужна. «С этой точки зрения общая щекотливость кожи своего рода стыдливость, проявляемая нашим телом» (Ellis).

Неоднократно высказывали мнение, что нельзя щекотать себя самого. Имея в виду ряд сообщений, полученных мною от нервных субъектов, я считаю, что это, по крайней мере, далеко не во всех случаях верно. Надо согласиться только с тем, что щекотание самого себя, как и всякое автоэротическое раздражение, доставляет гораздо меньшее удовольствие, чем щекотание, исходящее от другого лица. И все-таки подобное самощекотание возможно, как показывает случай I-й в конце статьи. Когда щекочет кто-нибудь другой, это может быть так приятно и доставляет такое большое удовольствие, что, напр., дети иногда становятся положительно ненасытными, когда их щекочут; щекотанье некоторых мест так сильно возбуждает их, что они впадают в бесконечный хохот и отбавляются с такой силой, что видно, что наслаждение становится прямо-таки нестерпимым ¹⁾. Есть люди очень любящие ощущения щекотанья, испытываемые ими во время бритья: такие люди любят ежедневно бриться. Есть ряд субъектов, для которых мастурбация существует исключительно в форме кожного онанизма. Такие люди щекочут себя с онанистической целью, они, напр., не в состоянии заснуть, не пощекотав себе грудных сосков.

¹⁾ Я не разделяю поэтому мнения Ellis, что у детей удовольствие от щекотки не носит сексуального характера.

Они раздражают себе кожу, в то время как другие подвергают раздражению генитальную зону. Существуют и такие чувствительные субъекты, у которых, если их пощекотать в достаточной мере, в конце концов, начинается приступ судорожного хохота и выделяется моча, что вполне аналогично поллюции. И, наконец, мне думается, вполне понятно, что можно защекотать человека до смерти, в народе вполне серьезно верят в то, что это возможно; а один современный писатель дал даже весьма красочное описание подобной сцены ¹⁾.

Особая чувствительность некоторых участков кожи к щекотке имеет также и биологическое значение, по Simpson'у. Высокая эксцито-моторная раздражимость кожи на подошвах, коленях и латеральных сторонах тела (раздражимость эта существует еще до рождения) обуславливает собой возникновение таких мышечных движений, которые необходимы для того, чтобы плод занимал в матке наиболее удобное для родов положение.

С другой стороны, крайне резкая щекотливость некоторых участков в, особенно, напр., на щеках, указывает не только на особую эрогенность этих мест кожи, но также и на таковую эрогенность глубже расположенных слизистых оболочек. Один из моих больных с колоссальной чувствительностью щек, настоящей гиперэстезией, приводившей к тому, что он, напр., не давал отцу застегнуть ворот ночной рубашки, проявляя в то же время признаки глубокой сексуальной возбудимости слизистых оболочек на всем протяжении от носа до бронхов, что даже лежало в основе наблюдавшейся у него тяжелой астмы ²⁾. Люди с такой крайней гиперэстезией нередко болеют в детстве ложным крупом, в зрелом возрасте у них через каждые две-три недели болит горло, отмечаются ангины и тонзилиты или же парестезии и даже боли в области миндалин без всяких объективных данных. Последнее больше всего говорит за эрогенную природу этих явлений. Так, например, у только что упомянутого астматика я сам наблюдал повышенную температуру до 39,9 без всяких общих симптомов лихорадки и с единственными жалобами на боль в правой стороне

¹⁾ Johannes v. Iensen: «Das Rad», 4. Auflage, J. Fischer, 1908, стр. 211 до 214.

²⁾ Случай подробно сообщен в моей статье. «Ist das Asthma bronchiale eine Sexualneurose?» Zentralblatt für Psychoanalyse, I Jahrgang Heft 3/6.

шей; при чем объективно невозможно было найти никаких, даже самых незначительных, способных вызвать эту боль изменений. Если мы даже допустим, что причиной гипертермии в данном случае послужил скрыто протекавший приступ астмы, то все-таки подобная болезненность доказывает существование эрогенности глубоких тканей шеи. Истеричные субъекты с подобной гиперэстезией шеи нередко испытывают разные ощущения в горле после еды; так, напр., после рыбных или некоторых мясных кушаний им кажется, что в горле застряла косточка или крошка; ¹⁾ иногда они даже бредят, что у них рак или полип. Рецидивирующая ангина преследует в некоторых случаях после того, как страдающие ею больные начинают учиться пить, так как таким образом им дается возможность осуществлять соответственную сексуальную деятельность. У других, наконец, время от времени появляются хрипота, доводящая почти до афонии, при чем повод к этому самый незначительный, а изменения ларингоскопической картины минимальны или отсутствуют в все.

Мы уже говорили, что дети, в особенности же девочки, в периоде полового созревания реагируют на щекотку бесконечным хохотом и особым, так сказать, «комическим чувством». Смех этот, строго говоря, относящийся к мышечной эротике, я подвергну обсуждению в настоящий момент, так как такая последовательность кажется мне более подходящей. Смех, как таковой, повидимому, не связан непосредственно с сексуальностью. Удачная острота или уморительная сцена может заставить хохотать до упаду, однако в такие минуты можно быть совершенно свободным от всякой сексуальности. И, тем не менее, существуют факты, указывающие на довольно тесную связь смеха и сексуальности: 1) циничность большинства острот и шуток; 2) смех, как самая частая реакция при намеках на явления сексуального характера. Это смех вполне мотивированный, так смеются все люди, но есть другой род смеха, свойственный только определенному возрасту. Так мы знаем.

¹⁾ В данном случае имеет место психическая гипердетерминировка («überdeterminierung»). Я хотел бы обратить внимание, что во всей этой статье я имею, главным образом, в виду врожденную конституционально-повышенную эрогенность, которая, конечно, в любое время может подвергнуться психической гипердетерминировке, каковой она фактически часто и подвергается. Однако этой последней я здесь не рассматриваю, за исключением особо оговоренных мест.

что дети отличаются особенной смешливостью, девочки же в периоде полового созревания хихикают без конца, даже по таким поводам, где взрослые сохраняют полное спокойствие. Все представляется им «таким комичным». В конце статьи, в казуистике, я привожу случай высоко развитой кожной эротики у одной женщины (случай 1). Эту самую даму в детские годы так и звали «вечноулыбающейся», а учителя даже считали ее полудурочкой за эту особенность. Однако эти «вечные улыбки» не помешали ей впасть в тяжелую депрессию 10 лет спустя, когда ей пришлось овдоветь. Дочь ее в годы *pubertatis* отличалась той же особенностью, так что одна из товарок даже дала ей кличку «*der lachende Krug*» (непереводимо; буквально: смеющийся кувшин). Смешливость ее была так велика, что она смеялась даже тогда, когда мать бранила или увещевала ее, отчего мать иногда приходила в форменное отчаяние или даже бешенство: на душе у нее было далеко не весело в этих случаях, но она все-таки смеялась. Косвенное возбуждение сексуальности у девочек этого возраста (если они не совращены и генеталии их не начали функционировать преждевременно) не дает разрядов в области гениталий, а передается на другие компоненты полового влечения, на мышечную, кожную и слизисто-оболочечную эротику: внешне это сказывается взрывами смеха, склонностью к горячим поцелуям и пылким объятьям. С началом правильной половой жизни сами собой прекращаются вечный смех и хихиканье и щекотливость, а кожная и слизистооболочечная эротика находят себе вполне определенное применение в области переживаний, предваряющих половой акт («*Vorlust*»).

Есть еще один симптом, родственный щекотке: нервный зуд кожи, *pruritus*, подразделяемый, как известно, на общий и местный. Местный зуд, как это подчеркивает и *Ferdinand Winkler* ¹⁾, избирает местом своего проявления исключительно эрогенные зоны и встречается чаще всего в виде *pruritus vulvae* или *ani*, наряду с ними также в виде *pruritus scroti*, *perinaei* или *orificii externi urethrae*. За сексуальную природу кожного зуда говорят следующие факты: зуд (как общий, так и местный) появляется во время менопаузы и уси-

¹⁾ «Ueber den *Pruritus cutaneus universalis*», Monatshefte für praktische Dermatologie, Band 52.1911.

ливается от пребывания в теплой постели; чесание же во время приступа кожного зуда носит определенно выраженный характер чувственного наслаждения, при чем наблюдается даже расширение зрачков — Jaquet даже прямо говорит об *Onanisme pruritique*. Наконец, есть еще одно обстоятельство, говорящее в пользу того, что кожная эротика в подобных случаях бывает повышена: у лиц, долгое время страдавших каким-нибудь зудящим дерматозом, нередко кожа продолжает чесаться и после того, как проходит болезнь, т. е. и после устранения причины зуда. Поведение больного — пруритика в точности напоминает *furore eroticus*, как это показывают классические описания Neisser'a и Karosi. Последний говорит, напр., следующее: «*Impetus scabendi* — потребность чесаться это нечто непреодолимое. Величайшие моральные усилия оказываются бесполезными. Чем дольше подавляется это стремление, с тем большей силой и элементарностью проявляется оно зато потом, не взирая ни на какие мотивы и соображения, вопреки всем правилам приличия. Больной пруритик вынужден иногда внезапно оставлять в стороне всякое занятие, напр., он обрывает начатый разговор, выходит при поднятом занавесе из театрального зала: ему безразлично, что скажут окружающие, он ищет укромное место, где он мог бы отдать мучительницу-кожу ногтям на растерзание». В этом же роде пишет и Neisser: «Весь ход мыслей и чувств, все желания и побуждения, все вертится около зуда и страха, что зуд вот-вот наступит; больные ведут себя как в остром маниакальном приступе, совершенно не считаясь с местом и обстановкой, не оказывая никакого сопротивления. Они расцарапывают себя ногтями, трутся о косяки дверей, берут по коже щетками или другими царапающими орудиями; облегчение доставляют только глубокие расчесы, царапины и раны, только тогда больные успокаиваются; нередко подобные приступы сочетаются с другими тяжелыми нервными кризисами. Последствия этих расчесов иногда бывают крайне болезненными и обезображивающими; однако, нередко даже молодые девушки не в силах сдерживаться и расцарапывают себе лицо, руки и т. п. Этой своеобразной мании зуда нередко давали название дерматотлязии («*Dermatoclasie*»). Приходится относить ее к невропатическим явлениям в той же мере, как целый ряд других явлений, отмеченных у истеричных и нервных субъектов,

как-то: кусание ногтей, вырывание бровей, выщипывание волос на теле, сосание пальцев и т. п.» Поэтому вполне прав Winkler, когда он говорит, что нервный зуд кожи—заболевание психо-сексуальное, когда он требует для пруритика той же терапии, что и для истерика, т.-е. терапии по психоаналитическому методу ¹⁾. С помощью этого метода он сам, по его словам, добился хороших результатов в двух случаях этого рода; аналогичные терапевтические результаты получились в нескольких более легких случаях у меня и у Paul Federn.

Кроме Pruritus, есть и другие дерматозы, несомненно, имеющие тесную связь с кожной эротикой, хотя область эта до сих пор еще мало изучена. Определеннее всего мы знаем об этой связи при аспе: она появляется большей частью во время полового созревания, постепенно исчезает в конце этого периода или, по крайней мере, значительно бледнеет: мастурбация ускоряет ее появление; у женщин сыпь часто связана с менструациями. Наконец, не редко аспе появляется в периоде климактерия, по 'Lausock'у предпочтительно на тех частях тела, где локализуются субъективные симптомы сексуального характера. Возможно, что и некоторые другие сыпи связаны с кожной эротикой или же принимают в связи с ней особенно упорное течение, как, напр., некоторые формы крапивницы и экземы. Особенно подходящей почвой для возникновения и рецидивов экземы является, повидимому, конституциональное повышение кожной эротики.

Необходимо вкратце отметить еще одну специфическую эрогенную зону кожи: кончики пальцев. Один из моих больных, страдавший травматическим неврозом, заявил определенно, что он не только сосал пальцы в детстве, но уже в самую раннюю пору детства испытывал нечто невыразимо приятное, когда мать стригла ему ногти: он испытывал при этом своеобразное ощущение как бы ползания мурашек; ощущение это

¹⁾ И здесь, конечно, необходимо проводить различие между врожденной кожной эротикой, которая создает известную соматическую предрасположенность и повышенную чувствительность, и ее психической гипердетерминировкой («Ueberdeterminierung»), истерической фиксацией; первая, конечно, остается без изменений, вторая же может быть устранена с помощью Freud'овского метода.

бывает у него и теперь, когда он сам обрезает себе ногти ¹⁾. У людей, отличающихся страстью кусать ногти, обыкновенно не только оказывается повышенной эротика слизистых и мышц в полости рта, но кроме того повышена и эрогенность в концах пальцев. Что касается кончиков пальцев, то Friedrich Schultze описал даже особый локализирующийся в них невроз, акропарестезию; замечательно, что эта последняя чаще всего замечается у женщин в периоде климакса, в периоде последней эротической атаки, и сильнее всего проявляется по утрам и по вечерам, т.-е. в такое время суток, когда половая возбудимость повышена.

Сексуальность кожи, слизистых и мышц, может быть, поможет нам хотя бы отчасти разрешить одно из загадочных истерических явлений, пока еще не укладывающихся в рамки какого бы то не было психоаналитического истолкования: это возникновение различных Stigmata. Я вполне согласен с мнением, высказанным Alfred'ом Adler'ом в его работе «Minderwertigkeit von Organen», где он говорит, что первичное явление это—гиперэстезия, гипэстезия же и анестезия вторичны, при чем и то и другое—внешние проявления недостаточных органов или эрогенных участков (по терминологии Freud'a). Парижское «Société de Neurologie» во главе с Babinsky выставило тезис питуатизма («Pithyatisme»). Так называемые истерические стигмы, по крайней мере в большинстве случаев, представляют собой продукты бессознательного внушения, при чем внушение это по большей части исходит от врача. Так обстоит дело с разного рода судорогами, параличами, контрактурами, анестезиями, гиперэстезиями и т. п., и т. п. Поддержанный целым рядом коллег по специальности Babinsky подчеркнул, что он перестал находить какие-либо стигмы, с тех пор как ведет исследование с соблюдением совершенно определенных предосторожностей, а в конце дискуссии он даже заявил, что вообще вовсе не доказано, что стигмы могут существовать, не будучи внушены. Здесь он, без сомнения, пошел слишком далеко, так как, напр., конечно существуют со-

¹⁾ Нечто похожее рассказывает в своих воспоминаниях о раннем детстве Friedrich Hebbel. Соседка «придумала себе занятие стричь мне ногти всякий раз, когда это было необходимо; я терпеть не могу этого из-за своеобразного ощущения ползающих мурашек в нервных окончаниях». («Записки о моей жизни»).

вершенно не вызывающие сомнений истерические гемипарестезии, возникшие без всякого участия со стороны врача; однако, с другой стороны, я должен подтвердить, что в довольно порядочном числе свежих, исследованных мною случаев я, действительно, не мог, исследуя с достаточной осторожностью, открыть гиперестезии или анестезии. Если же попадался случай уже неоднократно обследованный врачами, то обыкновенно всегда можно было отметить предпочтительное отношение к одной половине тела в смысле гиперестезии. Взгляд на истерические анестезии, как на продукты внушения и самовнушения, покажется нам еще более близким к истине, если мы вспомним, что в этих анестезиях абсолютно нет закономерности (они никогда не соответствуют сферам распространения нервных стволов, а занимают всегда целые области [*regional*], они также не стойки, а изменчивы), и если мы обратим внимание на явление трансферта или острой анестезии половины тела, наступающей, напр., по требованию профессора. Freud первый высказал взгляд, что сущность внушения и гипнотических явлений это — влюбленность, а именно влюбленность во врача или вообще в оказывающее в соответственный момент воздействие лицо; Ferenczi ¹⁾ развил это положение подробнее. И вот в подобных случаях бывает достаточно, чтобы больному показалось, что внимание врача сосредоточивается именно на одной определенной стороне тела, и сторона эта действительно делается чувствительнее в связи с таким субъективным впечатлением больного. Такую же направляющую роль, как и роль врача, может сыграть и травма, если она захватывает только одну половину тела, как это и бывает по большей части при травматическом неврозе.

Я хочу поделиться некоторыми результатами моих исследований, касающихся последнего заболевания. Кто видел и исследовал много подобных больных, тот обратил внимание, что их сексуальная эмоциональность обыкновенно, если болезнь длится уже порядочно, представляется как бы отмершей. Женщины, даже очень чувственные прежде, вполне определенно утверждают, что теперь они ничего не испытывают во время сношений с мужчиной; у мужчин же нет никаких половых

¹⁾ «Introjektion und Uebertragung», Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathische Forschungen, 1 Band, 2 Hefte, стр. 422 и др.

импульсов, их половой инстинкт как бы прекратил свое существование. Однако так обстоит дело только в тех случаях, где болезнь существует уже довольно долго. В свежих случаях имеется совсем другая картина, иногда даже прямо противоположная. Здесь обыкновенно наблюдается острое либидо, вполне свободное в своих проявлениях, готовое устремиться на что угодно: на травматический импульс в той же мере, как на мужчину или женщину. Дело в том, что испуг в таких случаях ведет к высвобождению большого количества либидо, находившегося до того в связанном состоянии. Кроме того, это либидо обладает большой связывающей силой, большим сродством (*Affinität*), именно в силу того, что оно обнаруживается «*in statu nascendi*». Давно известно, что сильный испуг, как всякий сильный аффект вообще, распространяется и на сексуальную сферу. И многие лица очень сходно друг с другом рассказывают, что оргазм они впервые, испытали, напр., опоздав в школу и боясь строгого учителя, или во время экзамена, боясь не выдержать его. Чем ужаснее страх, тем сильнее освобожденное при этом либидо, как, напр.; после железнодорожного крушения. Из химии же мы знаем, что некоторые тела *in statu nascendi* обладают совершенно исключительной связывающей силой.

Многие загадочные симптомы могут быть объяснены, если поставить их в связь с подобным остро возникающим либидо, появление которого никаким образом не ограничено только случаями испуга или травматического невроза. Симптомы эти, поддающиеся такому объяснению, следующие: прежде всего это—истерическая гиперэстезия во всех участках тела, будто бы подвергавшихся особому вниманию со стороны врача, а затем и возможность переносить либидо с одной стороны тела на другую исключительно в зависимости от внушения или, так сказать, по команде врача. В этих случаях, конечно, всегда приходится допускать, что существует острое перенесение либидо на личность врача, а явление это хорошо знакомо психоаналитику. Явление травматического невроза еще интереснее. При этом заболевании большинство симптомов развивается не остро, а совсем постепенно, в течение многих дней, недель, даже месяцев. Происходит это потому, что такие больные не только не в состоянии найти применение своему большому остро возникшему либидо, но должны еще, кроме того, воевать за

свои претензии, бороться за свои права и иметь дело с государственными органами, с каким-нибудь частным обществом, отнюдь не податливо настроенным. Домогательства этих больных опираются на симптомы болезни, вследствие этого симптомы эти получают особое либидинозное насыщение. И вот что обыкновенно происходит: больного подвергают повторным освидетельствованиям, при чем врачи, представляющие враждебную партию, настроены, конечно, недружелюбно; ему все время навязывается борьба. И вот вместо того, чтобы пойти навстречу больному, навстречу его потребности в любви, делается все, чтобы оттолкнуть его и предоставить самому себе. Его либидо приобретает аутоэротическое направление и фиксируется на болезни. Вот почему так легко делаются ипохондриками больные этого рода. Ведь в сущности ипохондрия не что иное как влюбленность в свое заболевание. А в это состояние особенно легко впасть субъекту, захворавшему травматическим неврозом.

В подобных случаях неблагоприятно прибегать к попыткам устранить симптомы силой, например, делать вытяжение при контрактурах: это ведет к совершенно стойкой и неразрывной фиксации симптомов ¹⁾. И полное выздоровление возможно только в тех случаях, где пациент встречает любовное отношение к себе, и когда он еще способен на перенесение либидо, т.е. в самом начале болезни и у не старых людей. Лучшая терапия—психоанализ, как мне пришлось видеть это на одном случае. Вот этот случай.

Это был 18-летний студент, которого я начал лечить восемь дней после пережитого им столкновения поездов. Из наблюдавшихся у него симптомов, здесь будет речь только о имеющих отношение к нашей теме кожно-слизистой и мышечной эротике. При повторном исследовании у него наблюдались известные расстройства кожной чувствительности: расстройства эти иногда колебались на глазах врача на протяжении одного и того же диагностического сеанса. Однако существовал и стойкий симптом, а именно порядочное повышение чувстви-

¹⁾ В картину совершенно неудовлетворенного либидо укладывается и целый ряд субъективных явлений, так часто наблюдающихся при этом неврозе, как например, боли и парестезии в самых различных местах, вскрикивание по ночам, дурной сон и явления со стороны сердца.

тельности всей правой половины тела, при чем расстроены были все три вида чувствительности. Травма постигла как раз эту сторону тела. При исследовании рефлексов нередко отмечались довольно сильные сокращения всего тела или отдельных мышц. Мышечная сила была понижена, однако с помощью уговоров легко нарастала до нормы. Руки при вытягивании дрожали мелким тремором. Уже из вышесказанного ясно видно, что и несчастный случай сам по себе и врачебное исследование действовали в определенном направлении, однако поразительнее всего оказался наблюдавшийся у него дерматографизм. Четыре врача, и среди них профессор Freud, вполне определенно наблюдали этот дерматографизм, а последний даже следующим образом описал его в своем заключении: «Если по коже груди и спины провести черту пальцем или тупым инструментом, то сперва обозначаются вследствие сокращения сосудов побледневшие участки, на которых вскоре появляется интенсивная, гиперемическая клямота, сохраняющаяся в течение нескольких минут. На коже можно таким образом, «писать» с помощью деревянной палочки или пальца». И вот хотя этот дерматографизм был констатирован четырьмя врачами и самым безупречным образом, на пятый раз он не появился вовсе, в чем я мог убедиться своими глазами. Правда, объяснение здесь очень простое. Дело в том, что пятый врач был прислан железной дорогой и всеми своими манерами и расспросами показал, что хочет посадить пациента на мель, при чем последний сразу разгадал его намерения, о чем и рассказал потом вполне определенно. Перенести либидо на столь враждебно настроенного врача он был решительно не в состоянии, наоборот, он целиком выключил либидо в его присутствии. И вот проявления кожной эротики исчезли, хотя до этого момента присутствие врачей и не мешало их выявлению. Его сосудам нечего было дать столь враждебно настроенному коллеге!

Мне удалось, однако, сделать еще одно любопытное открытие. В психоанализе скоро выяснилось, что у больного очень живое либидо. Правда, он еще до сих пор не вступал в сношения с женщинами, однако у него была всегда довольно сильная потребность в любви, при чем от железнодорожного несчастия потребность эта не только не потерпела ущерба, но скорее даже усилилась. Он и на поездку в Вену решился, глав-

ным образом, потому что в Вене живет влюбленная в него двоюродная сестра. А в Вене он не только написал целую кучу любовных стихов, посвященных разным девушкам, матери и горячо любимому деду, но поддерживал теплые отношения с своей кузиночкой, не говоря уже о неизбежном перенесении либидо на врача.

Уже на третий день я узнал во время психоанализа, что в разговоре со своим дядей он говорил обо мне, что я «очень мил». Вскоре я уже имел возможность воспользоваться плодами этого чрезвычайно быстрого перенесения либидо. Во время столкновения поезда его ударило в правое колено, после чего он стал волочить правую ногу, хотя при наружном осмотре можно было отметить исключительно экскориацию, быстро, к тому же, заживавшую. На четвертый день я решил пообщаться начав с этого пункта и спросил его. «С чего Вы собственно так волочите ногу? Ведь ничего, в сущности говоря, с Вами не случилось. Когда Вы были мальчиком, у Вас, несомненно, сотни раз была такая ссадина, а последствий никаких не было. Я думаю, что Вы без труда могли бы ходить, совсем как следует, надо только немножко доброго желания». И уже на другой день он действительно стал ходить лучше и в два-три дня этот симптом был совершенно устранен. Как объяснить такое быстрое излечение? Больной перенес либидо на меня, мои слова приобрели поэтому особый авторитет: и вот из любви ко мне он отказался от фиксации либидо на мышечной эротике правой ноги и, перенеся либидо на меня, отказался от автоэротики.

Так и вся атмосфера, окружающая знаменитых врачей, особенно же атмосфера, которая господствует в клиниках, способна моментально создавать эту возможность переноса либидо, сводящуюся в конечном счете, несомненно, к бессознательной установке на отца. Такой профессор может совершенно произвольно диктовать, например, анестезию и устранять ее, вызывать контрактуры и снова разрешать их; нередко это происходит совершенно непреднамеренно, как, например, при различных гиперэстезиях; удается это и самым молодым врачам клиники, если только они пользуются симпатиями больного.

Я хотя коснулся еще одного до сих пор не затронутого, но важного пункта, необходимого нам для полного понимания сути дела. Резкая внушаемость истеричных вытекает из колос-

сального повышения у них потребности в любви, их эротичность всегда чрезвычайно напряжена и готова устремиться на тот или иной объект. Но почему сознательное и бессознательное внушение здесь устремляется именно на кожу, слизистые и мышцы? Мне кажется, это объясняется тем, что при данном неврозе по большей части происходит возврат к инфантильной сексуальности, для которой более характерна не генитальная эротика, а именно совсем примитивная сексуальность кожи, слизистых и мускулатуры. Вот этот регресс в область доисторического и создает прежде всего базу для различных стигм. Внешние поводы, производящие впечатление приятных факторов, в действительности только искры, попадающие в бочку с порохом, решающее же значение имеет соответственная конституция больного. Иными словами: каковыми окажутся те стигмы, которые изберет невроз, будет зависеть от врожденного повышения эротики кожи, слизистых и мышц. Очень часто встречаются также комбинации из этих трех групп, напр., стойкая контрактура, а над ней, на коже соответствующей конечности, анестетическая зона. Мне думается, что здесь можно было бы даже установить подразделение сообразно различным состояниям либидо. Усиление либидо ведет при наличии кожной и слизисто-оболочечной эротики к гиперэстезиям, при мышечной эротике к скоропреходящим судорогам, повышенным рефл ксам и тремору. Вытеснение же либидо ведет к полной потере чувствительности и к стойким сгибательным и разгибательным контрактурам.

Развивая мою тему, я забежал, однако, несколько вперед: отчасти это оказалось нужным, потому что в большинстве случаев нельзя резко отграничить кожно-слизистую эотику от мышечной. Можно даже утверждать, что не существует слизисто-оболочечной эротки в чистом виде, к ней всегда примешана и мышечная сексуальность. Так обстоит дело с лабиальной и анальной эротикой, проявляющейся в сосании и поцелуях, в *Fellatio* и *Cunnilingus*, в проталкивании *Skybala* и в сокращениях или судорогах уретральной эротки. А в настоящее время не подлежит даже никаким сомнениям, что и генитальный оргазм у мужчин, как и у женщин, тоже не что иное, как мышечная судорога, излияние же жидкостей только сопровождающее явление, которое при иных условиях может даже вовсе отсутствовать. от чего, однако, наслаждение ничуть не

становится меньше, как, например, при оргазме до наступления половой зрелости. А кроме того, ведь существуют и прямые невроты слизисто-оболочечной и мышечной сексуальности, как напр., *Asthma bronchiale*, *Colitis mucoso-membranacea* и *Pertussio*; ¹⁾ и, конечно, есть глубокий сексуальный смысл в способе лечения импотенции с помощью применения зондов: при этом до боли раздражается слизистая оболочка и мускулатура мочеиспускательного канала.

Наконец, и слизистой оболочке носа свойственно также большое эротическое значение: она — настоящий генитальный орган с эректильной тканью. Дети особенно, но также и взрослые, нередко раздражают слизистую носа, ковыляют в носу и пользуются этим с определенной целью достижения оргазма, что заметно и объективному наблюдателю по некоторым характерным признакам (см. случай II в конце статьи). Есть люди, прямо-таки онанирующие с помощью слизистой оболочки носовой полости, при чем делается это тайком, непреодолимо и судорожно и, что особенно замечательно, с теми же в точности психическими последствиями, которые известны нам в качестве симптомов *Neurasthenia Vera* (явления со стороны желудка, расстройства внимания и т. п.). На этом виде сексуальности основано и то обстоятельство, что многие дети, а не редко и взрослые, не любят сморкаться, так как они испытывают ощущение удовольствия от насыщения жидкостью слизистой носовой полости. Совершенно также объясняется и нервный насморк.

Теперь я совсем вкратце скажу несколько слов об эротике других органов чувств. В практическом отношении важнее всего нервные расстройства зрения и слуха, как, например, ощущения ослепительного света, мелькания перед глазами, *Mouches volantes*, блестящие точки перед глазами или звездочки и т. п., нервная астенопия и истерическая слепота; далее, обострение слуха, шум в ушах, звон, свист или шипение и истерическая глухота; все это симптомы, часто отличающиеся особенным упорством, где констатируются эти симптомы; можно сразу же, не обращая внимания на психи-

¹⁾ Сексуальный характер всех этих заболеваний доказывает закономерное наступление улучшения всякий раз, когда такие пациенты изолируются и отделяются от лиц, которых они любят (родители, домочадцы и т. д.)

ческую гипердетерминировку, сделать заключение о существовании повышенной эрогенности соответствующего органа чувств. Это проявляется часто уже внешним образом — зудом или щекотанием век или наружного слухового прохода, что ведет к сильному трению, носящему онанистический характер с определенно выраженными ощущениями удовольствия. Одна из моих пациенток, прежде часто раздражавшая себе клитор, прямо говорит, что взамен генитального онанизма, оставленного ею по особым причинам, она занимается теперь мастурбацией в ухе ¹⁾.

Как и эротика слизистых оболочек, которая всегда сочетается с мышечной, кожная эротика также по большей части выступает в сочетании с этой последней. Это проявляется, например, в борьбе и возне школьной детворы. Иногда, без всякого повода или же по самому пустячному, какой-нибудь

¹⁾ Вот соответствующие места из записи ее анализа: «У меня теперь постоянно появляется зуд в ухе, я беру ватный тампон или шпильку, засовываю в слуховой проход и тру до тех пор, пока не появляется жидкость. Эта привычка существует у меня с тех пор, как я себя помню, и наградила меня ею мать: она чистила мне уши этим способом и я всегда кричала при этом, так как это было мне очень неприятно. Тереть же клитор я больше не осмеливаюсь. Я бы с большим удовольствием делала это, если бы не боялась, что усилятся боли в ногах. И вот теперь, когда я возбуждаюсь, я онанирую в ухе. Это заменяет мне настоящую мастурбацию, и я испытываю при этом очень приятное ощущение. Может быть, я нарочно переношу это теперь на такое приличное место, где я могу делать это, когда мне угодно, может быть, я связываю это с какой-нибудь сексуальной фантазией. Когда я теперь онанирую в ухе, у меня потом бывает боль, как и после генитальной онани, и жидкость тоже выходит. Отец, которого я горячо любила, бил меня в детстве, я испытывала следовательно, неудовлетворенность и приходила себе на помощь путем онанизма. Я отправлялась в сад или куда-нибудь в другое место, где я могла быть одна, брала с собой книгу или сладости и мастурбировала: генитально или в ухе. Это продолжается с тех пор, как я начинаю себя помнить. В дальнейшем, много лет спустя, у меня по вечерам часто появлялся ужасный шум в ушах, это даже заставило меня обратиться к врачу, который не нашел, однако, ничего особенного. Шум этот, вероятно, был нервный, потом он превратился в зуд.

Часто по вечерам меня мучает страшнейший зуд. Я ложусь в постель тогда, беру книгу и онанирую. Конечно, я, вероятно, и девочкой делала так же, так как онанизм всегда был моим утешением. Около года тому назад я дважды, сидя в театре, ничего не слышала на правое ухо и уже боялась, не сделала ли я себе чего-нибудь с ухом. Мне очень хотелось пойти к врачу по ушным болезням, но муж отговорил меня от этого, сказав, что «это, вероятно, только нервное». И действительно, через неделю все прошло само собой, я не принимала никаких мер от этого».

карапуз бросается на другого такого же малыша, и начинается веселая возня, а делается все это только для того, что бы дать выход сильной сексуальности. Многие прекрасно помнят, что первый раз в жизни испытали оргазм как раз во время такой возни. И даже побежденный и побитый испытывает в гораздо большей степени приятное чувство удовлетворенности, удовлетворенного либидо, чем боль или злобу, даже если он вообще вовсе не мазохистичен. И даже взрослые при виде слишком уже навязчиво лезущих им в глаза чьих-нибудь ягодиц, детских или лошадиных, не в состоянии удержаться от того, чтобы не хлестнуть, не ударить, столь силен импульс к такому действию. То же надо сказать о детях и родителях, друзьях и подругах, когда они хватают друг друга, обнимают и горячо целуют. Во Франции, в стране самой высокой культуры, принято считать, что губы молодой девушки предназначаются исключительно для будущего мужа. Бывают случаи, когда девушки, которых один единственный раз поцеловал мужчина, думают, что они потеряли вследствие этого свою невинность; психологически это вполне обосновано. У большинства девушек хорошего круга, не познакомившихся до поры до времени с половыми раздражениями, в годы созревания отмечается очень сильное половое влечение. Но оно пробуждает желания половых сношений, как в пору половой зрелости, а исключительно желание горячо и нежно целоваться и обниматься, при чем исполнение этих желаний приносит полное удовлетворение. Свойственный столь многим молодым девушкам ореол чистоты покоится на недостатке генитальной чувственности, несмотря на большую силу эротики кожи, слизистых и мышц. Сильная кожно-мышечная сексуальность влечет многих людей к занятиям гимнастикой, заставляет карабкаться по горам; другие, опять-таки по тем же физиологическим причинам, делаются пользующимися дурной славой драчунами и скандалистами ¹⁾, а в лучшем случае массажистами и массажистками.

Большой вопрос, существует ли вообще изолированная мышечная эротика. Веселая активность детства — вот что скорее

¹⁾ Вот что рассказывает Friedrich Hebbel про своих фрисланских земляков: «с древнейших времен и до настоящего времени они дрались на поле брани не только потому, что считали это долгом, но еще больше потому, что это доставляло им наслаждение».

всего приходит здесь, пожалуй, в голову: детский крик, топот и беготня, прыжки и тому подобное. Все это у детей нередко вытекает из каких-то эндогенных раздражений, не примыкая ни к каким ясным внешним факторам. Таким эндогенным раздражением и может явиться избыток мышечной эротики, столь мощной особенно в детстве. Ребенок, например, может вдруг, повидимому, без всяких мотивов, начать прыгать или бегать; это продолжается иногда и в годы полового созревания: иной юноша, напр., испытывает непреодолимое влечение разразиться проклятием, пустить какое-нибудь крепкое словечко. Однако здесь, когда дело идет о криках и проклятиях, невозможно исключить слизисто-оболочечную эротику, а что касается совсем маленьких «крикунов» («Schreier» и «Brüller»), то здесь, несомненно, необходимо допустить ее определенное участие ¹⁾. Наконец, у детей бывает иногда особенная страсть к беготне, совсем большие дети без конца и без усталости играют «в пятнашки» ²⁾.

Любовь к танцам — это проявление мышечной эротики, не свободной, однако, от примеси кожных наслаждений ³⁾. Пляска, пожалуй, более всего пригодна для достижения состояния тумесценции. Как известно, пляска наблюдается и в животном

¹⁾ Есть дети и взрослые, которым плач и вой доставляет положительно удовольствие. На это похожа и манера некоторых женщин визжать и завывать во время полового сношения, так как этим они повышают испытываемое ими наслаждение. (См. случай III в конце статьи.)

²⁾ Мне можно возразить, что я не достаточно отчетливо провожу различие между половым наслаждением и наслаждением от функции органа («Organlust» и «Sexuelle Lust»). В какой мере эти чувства связаны друг с другом — это еще мало изученная проблема, которой я не затрагиваю. Вот что можно сказать, однако, уже в настоящее время. Всякая физиологическая активность всегда вызывает, до известной степени, эмоции наслаждения, всякое функционирование доставляет удовольствие. Известная доля при этом всегда отщепляется в пользу сексуальности. В случаях, где эти приятные эмоции достигают особенной силы, повидимому, сексуальная сфера совозбуждается в особо сильной степени, что возможно происходит всегда на почве особого конституционального предрасположения. Наряду с этим, конечно, всегда существует так же и возможность психической гипердетерминировки. Эта последняя, однако, наблюдается предпочтительно также в таких случаях, где почва уже подготовлена врожденно повышенной эротикой.

³⁾ Это верно, по крайней мере, в применении к пляске с партнером, хотя, быть может, справедливо и по отношению к пляске solo, напр., у диких народов.

царстве. Народы, стоящие даже на самых низких ступенях развития, пользуются плясками, чтобы вызывать сексуальное возбуждение. В культурной же жизни танец, по мнению Havelock Ellis¹⁾, не только играет роль любовного стимула, но даже заменяет самое наслаждение любви, так как он дает нечто от того чувства наслаждения, которое ощущается при удовлетворении полового желания. Особенно часто это можно наблюдать у молодых девушек, которые нередко тратят массу энергии на танцы, однако, не утомляются, но, наоборот, испытывают при этом счастливое успокоение; весьма знаменательно, что после начала половых сношений девушки нередко теряют большую дозу страсти к танцам²⁾. Наконец, надо отметить, что существует особый невроз мышечной эротики: это — тип, выдающий свою связь с сексуальностью, между прочим, и тем, что он так часто сочетается с разного рода навязчивыми импульсами.

Если мы теперь обратимся к сравнению кожно-слизистой и мышечной эротики с генитальной, то мы увидим, что первые виды сексуальности носят гораздо более выраженный автоэротический характер. Различие это, конечно, не абсолютно. Так, напр., автоэротична и мастурбация без фантазий, а, с другой стороны, танцы, поцелуи и другие проявления эротики этого типа неизбежно предполагают второе лицо в качестве объекта, и по крайней мере, в большинстве случаев фактически пользуются подобным объектом. И все-таки можно утверждать: кожно-слизистая и мышечная эротика, обыкновенно ограничиваются собственным «я», доставляя этому «я» максимум наслаждения, генитальная же сексуальность, напротив, по большей части, направлена на посторонний объект; благо-

¹⁾ «Das Geschlechtsgefühl», übersetzt von H. Kurella, 1903, стр. 57 и сл.

²⁾ Блестяще описывает Havelock Ellis чувство огромного сексуального наслаждения, доставляемое мышечной эротикой; в периоде pubertatis оно значительно сильнее, чем генитальные переживания. У меня лечится в настоящее время молодая женщина, недавно ставшая женой и матерью: она определенно, говорит, что после каждого бала приходит домой с чувством виноватости в душе. Ни с одним из танцоров ей не в чем упрекнуть себя, однако ее мучает ощущение, что она вела себя непристойно, что партнер как бы имел с ней половое общение. Время от времени она испытывает настоящее опьянение. Не только ей самой танцы отчасти заменяют половое сношение, но она с полным правом и основанием предполагает, что так относятся к ним и большинство ее партнеров (более подробное описание смотри в конце этой статьи).

даря именно этому она приобрела свойственный ей социальный характер, дающий обществу новые силы.

Противоположность между первичным эгоистичным «я» ребенка и вторичным социальным «я» взрослого человека по сути дела в переходе от автоэротизма к любви к другим людям. Во всяком случае нельзя недоценивать исконной автоэротики. Она по-прежнему остается древнейшим, почти бессмертным источником, постоянно питающим сексуальность, дающим ей всегда новую силу, как Мать-земля Антею. В пожилом возрасте, наконец, когда половой аппарат в собственном смысле атрофируется, она снова как и в детстве, начинает безраздельно господствовать.

Более того: высокое развитие этой автоэротики представляет собой необходимое условие для того, чтобы и генитальная сексуальность могла достичь высших степеней своего развития. Это можно ясно проследить на ходе исторического развития, у диких народов, а в настоящее время и на современной нам *pebs*. Кожно-слизистая и мышечная чувствительность¹⁾ диких народов и лиц низкого духовного уровня куда тупее, чем у высоко цивилизованного человека культуры. Но и в пределах культурного человечества в этом отношении имела место огромная эволюция, совершавшаяся при том прямо на глазах истории. Стоит только почитать, например, какие боли умели выносить люди давних столетий, какие утонченные пытки и муки придумывались и переносились, как легко люди сами изувечивали, и даже уничтожали себя еще во времена римлян, какие огромные массы людей хладнокровно убивали их владыки; или с какой гордостью переносят индейцы величайшие пытки, не издав при этом ни звука; достаточно, наконец, понаблюдать по нашим теперешним хирургическим клиникам резкую гипалгезию низших слоев населения — и мы придем к выводу, что в связи с развитием культуры произошло совершенно исключительное повышение мышечной и кожной чувствительности, а в особенности чувствительности болевой. Мы можем даже смело утверждать, что очень много в судьбах нашей цивилизации зависит от этой утонченной болевой чувствительности.

1) Чувствительность параллельна эротике. Чем чувствительнее кожа, слизистая оболочка и мышцы, тем выше и сексуальные наслаждения, порождаемые ими.

В сущности эта эволюция начинается уже в животном царстве: в филогенетическом ряду впервые у человекообразных обезьян появляется *hумен*. Как известно *hумен* существует только у этих обезьян и затем у человека. Мне кажется, что это опять-таки доказывает, что и интеллектуальный прогресс зависит от повышения сексуальности: ведь обезьяны, столь высоко развитые в духовном отношении, самые чувственные из всех животных; к ним приближаются в этом отношении разве лишь некоторые из высоко цивилизованных домашних животных. Что касается «детей культуры», то здесь мы ясно видим, что их духовные способности, скажем, по меньшей мере параллельны сексуальности. Кто обращает на себя внимание своей толковостью и живостью, обыкновенно наделен исключительно сильными половыми парциальными инстинктами. И иногда случается даже так, что сексуальность дремлет до 7—8 лет, и ребенок до этого времени производит впечатление овцы, как это было, например с *Christian Daniel, Fridrich Schubart*’ом. Затем в силу каких-то эндогенных раздражений сексуальность внезапно, сразу просыпается с тем, чтобы сразу взлететь на огромную высоту, и ребенок не только быстро наверстывает пропущенное, но обгоняет даже всех своих товарищей.

Замечательно, что подобная пониженная болевая чувствительность, свойственная диким народам и взрослым представителям низших слоев общества, наблюдается также и у детей в высоко развитых в духовном отношении слоях населения. Но в данном случае гипалгезия и аналгезия имеют совсем другие причины. Как известно, ребенку нередко приходится переносить такие инсульты, которые взрослому показались бы чрезвычайно болезненными; ребенок же не реагирует на них сколько-нибудь резко. В этих случаях ребенок, пожалуй, скорчит на мгновение гримасу и быстро успокаивается, если на него не обращают внимание. А если боль уже слишком велика, то стоит матери подуть на больное место, и боль легко проходит; у взрослых это ведь совершенно невозможно. И совсем иначе обстоит дело, если близкие ребенка встревожены и обращают на него внимание. Тогда он начинает громко во весь голос плакать, и чем больше стараний успокоить его, тем больше он плачет. Чем же объясняется столь противоречивое поведение? Кожная и мышечная сексуальность ребенка не только гораздо сильнее, но и гораздо диффузнее; этим, напр., объясняется,

что ребенок плохо локализует болевые ощущения. Болевое раздражение тотчас же сильно возбуждает всю кожную эротику в целом, так что получаются двойственные ощущения, не одно неудовольствие, как у взрослых. И вот, если кто-нибудь из близких подует, то этого добавочного приятного раздражения, являющегося к тому же и доказательством любви к нему, вполне достаточно, чтобы ребенок тут же успокоился. Не надо только проявлять при этом слишком большой озабоченности, так как в таком случае ребенок увидит перед собой заманчивую возможность вызвать своих близких на особенные нежности и ласки и пускает в ход особенно бурные проявления боли: в таком случае ребенок кричит и плачет тем сильнее, чем больше стараются его успокоить.

С завершением периода *pubertatis* диффузная кожно-мышечная эротика отступает у культурных взрослых людей на задний план, уступая свое место одной единственной зоне, а именно генитальной, и только у невротиков сохраняется и впредь порядочная доля этой диффузной инфантильной сексуальности, и только поэтому оказываются возможными кожные и мышечные стигматы у истеричных и травматиков. Но и у здоровых эротика эта никогда не угасает целиком, только у них она не играет больше прежней роли, т.-е. создает уже не переживания высшего и последнего наслаждения («*Höchste Wol- und Endlust*»), а только предварительное наслаждение («*Vorlust*»), повышающее *ad maximum* генитальные переживания. В годы полового созревания, в течение некоторого промежутка времени, оба эти вида сексуальности — диффузная (кожно-слизистая и мышечная) эротика и пробуждающаяся генитальная — существуют рука об руку, тесно переплетаясь в своих проявлениях. Этот параллелизм обуславливает гениальность этого возраста, этих лет развития. В эти годы в известной степени гениальны даже и будущие посредственности, даже те, кто потом становятся людьми ограниченными. Nestroy сказал однажды: «взрослые сапожники — идиоты все до одного, так куда же деваются мальчишки-подмастерья, часто такие смышленные?» Взрослые мастера сапожных дел, конечно, люди солидные, диффузная эротика доведена у них до минимума и уступила место половым органам в собственном смысле.

Высокое значение экстрагенитальной сексуальности ясно нам уже на основании всего сказанного. Я хотел бы, однако,

пойти еще дальше и определенно утверждаю, что высшее культурное развитие человечества связано с дальнейшим существованием этой экстрагенитальной эротики. Кто хочет смотреть на вещи открытыми глазами, не может не видеть, что во вторую половину 19 столетия рука об руку с его исключительными успехами во всех областях — а успехи эти далеко перевешивают достижения прежних тысячелетий — идет также и огромное приращение сексуальности, при чем преимущественно сексуальности экстрагенитальной. Ведь только эта эпоха столь высоко развила спорт и приобщила к нему столь широкие круги населения, а спорт не что иное, как возбуждение кожно-мышечной сексуальности. А сколько разных видов спорта: восхождение на горы, альпинистика, плавание, гимнастика и гребля, велосипедный и автомобильный спорт, игра в теннис и гольф, различный зимний спорт, путешествия и охоты в дальних малоисследованных странах. Кожно-мышечная эротика, как таковая, стала, очевидно, куда более мощной и распространенной; роль ее не сводится исключительно к созданию предварительных фаз полового наслаждения. Опыт показывает, что и вообще половая жизнь культурных народов стала гораздо интенсивней. Если бы стремление к сексуальному наслаждению не возросло, в целом, в такой мощной степени, если бы оно не стало таким непреодолимым, то не встретили бы такого общего отклика и речи о необходимости того, чтобы индивидуальность могла свободно изживать себя, невозможны были бы, например, те современные реформы в области женского воспитания, которые прежде показались бы чем-то чудовищным.

В этом увеличении половых потребностей на долю экстрагенитальной эротики выпадает совершенно исключительная по важности роль. Ведь только с ее помощью возможен такой широкий рост и такое повышение сексуальности со всеми столь важными в культурном отношении потенциями сублимировки, при которых возбужденная чувственность не бьет через край и не действует разрушительно ¹⁾ Достаточно подумать о

¹⁾ Поэтому до известной степени верно то положение, которое утверждает, что современный спорт это — громоствод генитального либидо. Без спорта половой инстинкт свирепствовал бы еще сильнее, чем это имеет место в действительности, хотя конечно, представляя собою только некоторое отклонение, спорт все-таки, в конце концов, повышая в общем телесное самочувствие, способствует и повышенной сексуальности *in toto*.

состоянии правов во времена упадка Рима. В эту эпоху существовал только один вид сексуальной активности, а именно генитальные проявления, и не было никаких других способов отвлечения, кроме диких оргий. Напротив, кожно-слизистая и мышечная эротика современного человека действует на подобие Лейденской банки. Она допускает накопление больших количеств сексуальности, не делая ее, однако, беспорядочной. И это уже потому, что эротика, о которой мы говорим, автоэротична и в силу этого особенно пригодна к тому, чтобы быть сублимированной. Изучая последовательно развитие полового инстинкта у людей, мы не сможем закрывать глаза на то, что период самой сильной и могучей сублимировки, это — автоэротическая пора жизни. Генитальная активность берет слишком много, при ней мало остается того, что могло бы подвергнуться одухотворению. Когда закончен период полового созревания, любовь обычно ищет себе партнера и в силу этого становится альтруистичной, однако этот альтруизм в первую очередь, а у большинства и навсегда, направляется только на одного человека, распространяясь в дальнейшем самое большое на семью. Иначе обстоит дело с сексуальностью экстрагенитальной; хотя она тоже направлена обычно только на свое собственное «я», однако ее сублимировка создает целый ряд сильнейших влечений и инстинктов, которые в дальнейшем идут на пользу обществу. В силу этого она становится гораздо более ценной в социальном отношении, чем генитальная эротика, по видимости альтруистичная, однако ограничивающаяся исключительно пределами самого узкого круга ¹⁾.

Есть и еще преимущества у кожно-мышечной сексуальности. Ее гораздо выше, чем генитальную, можно потенцировать и легче накапливать ее запасы. При этом известная ее доля постоянно подвергается сублимировке, а взамен поступает новая автоэротика. Она делает человека даже до известной степени независимым от естественной физиологической изнашиваемости его половых органов и раздвигает в обе стороны границы воз-

1) Характерно, что женщины, обладающие обычно гораздо более сильной экстрагенитальной эротикой, гораздо пригоднее для ухода за детьми, чем мужчины; за счет этой эротики уход только выигрывает. Напротив, женщины очень чувственные, с крайне развитой генитальной эротикой, часто вовсе не хотят иметь детей, а если таковые все-таки рождаются, то они по меньшей мере очень небрежны в своем попечении о них.

возможности жить любовью, создает возможность проявлений любви как детям, так и старикам. Особенно важно для женщины, что благодаря этой эротике, она в состоянии выжидать с материнством (пока не придет пора полной анатомической и физиологической зрелости), в то же время не отказывая себе до того же срока в столь необходимой ей вообще сексуальности. И теперь нам уже не трудно видеть, как это важно, что сексуальность не проста, не связана только с органами деторождения, а содержит такие неисчерпаемые источники наслаждения в экстрагенитальной эротике. В этом смысле потеря человеком волосяного покрова была необходимым условием для культурного прогресса, а покров этот существовал еще у наших непосредственных предков-животных; и также лишь развитие слизисто-оболочечной эротики повело к возникновению и развитию членораздельной речи, этой типичной особенности человека.

В заключение я хотел бы определенно подчеркнуть, что в моем изложении я далеко не исчерпал имеющегося в моем распоряжении материала. Часть материала я пока откладываю, чтобы положить ее в основу предполагаемой мною статьи, посвященной изображению садистически-мазохистического комплекса. Теперь же я вкратце приведу три случая из моей психоаналитической практики, поскольку они пригодны к тому, чтобы пролить свет на явления экстрагенитальной эротики.

Случай 1.

51 год; истеричка; бесчисленное множество жалоб, из которых привожу только относящиеся к нашей теме. Цитирую по стенографической записи психоанализа, приводя по возможности подлинные выражения самой пациентки.

«Когда мы были детьми, мы очень любили щекотать друг другу ладони или внутренние (радиальные) стороны предплечий; это доставляло нам особое удовольствие. Обыкновенно мы делали это друг дружке (я и сестра), и я всегда любила, чтобы это длилось как можно дольше. Мы щекотали друг другу и пятки, но это было так нестерпимо щекотно, что мы начинали неистово размахивать руками. Я была также очень щекотлива под мышками и в области шеи, тут я тоже не выносила щекотки. Напротив, я сама часто щекотала себе грудь, особенно

грудные соски, которые были у меня очень чувствительные, а также и обращенную к животу сторону груди. Щекотание этих участков было определено очень приятно. Когда мы щекотали друг другу пятки, то мы так хохотали, что бабушка как-то сказала нам: «Можно помереть от такого хохота!» Мы любили щекотать и спину, а потом когда становилось невмоготу, царапали себе ее. Мы любили и ощущение зуда. Нам доставляло большое удовольствие, если где-нибудь начинало чесаться. Тут, бывало, никогда не начешешься вдостоль. Хочется, чтобы это продолжалось и продолжалось. Партнерам моим это надоедало скорей, чем мне, а я все время повторяла: «еще, еще немножечко!»

Истерия в тяжелой форме существует у больной с 30 летнего возраста; начало болезни обозначилось обморочным состоянием: с тех пор у нее часто бывает *pruritus cutaneus*, при чем зудят всего одни и те же участки, напр., лопатки и межлопаточное пространство или те места где *musculi glutaei* переходят в поясничные мышцы. «Зуд кожи получается у меня сразу на обеих сторонах, иногда зудят зараз обе лодыжки, а иногда симметричные участки на подошвах или на тыле обеих стоп. Когда я чувствую зуд на одной половине тела, я могу быть уверенной, что он скоро появится и на другой. При этом снаружи никогда ничего не заметно. Только за последние годы (начало климактерия) у меня бывает сильный зуд в половых органах до и после менструаций и часто также зуд в области* груди». Надо прибавить, что больная нередко опасается, что у нее разовьется рак грудной железы и испытывает тянущие боли в грудных железах во время месячных.

«Мне было десять лет, когда я познакомилась с тем, что такое онанизм; произошло это совершенно случайно и невольно, и вот каким образом: я качалась между двумя креслами, как вдруг я ощутила щекотание в половых частях и в области живота и некоторую боль повыше лобка, при этом у меня одновременно появился смех и плач. Теперь, когда я волнуясь, когда меня охватывает страх или я боюсь чего-нибудь, у меня бывает какое-то бегающее и тянущее ощущение вдоль позвоночника и до живота, тоже своего рода ощущение щекотания. Когда у меня бывает это ощущение, меня как-то тянет вверх и появляется страх: я боюсь умереть или сойти с

ума. Может быть, это тянущее ощущение вдоль позвоночника стоит в связи с тем, что брат мой нередко во время игр или при ссорах схватывал меня за волосы и пригибал до полу, держа меня за косы. Это причиняло мне только боль, полового удовольствия я не ощущала». Отец тоже часто говорил в виде угрозы: «Я подниму тебя за волосы!» Поэтому теперь ей и кажется иногда, что ее тянет кверху. «В детстве мы часто поднимали друг друга за голову, пока однажды бабушка не сказала нам: «Вы не должны делать этого, так можно вывихнуть себе позвоночник!» У меня было желание, чтобы мои волосы, мои косы были бы потяжелее, чтобы от их тяжести тянуло книзу, как я читала об этом в сказках. Так всегда бывало у королевских дочерей или, по крайней мере, у женщин, которые становились королевами». — Итак, в основе тянущих болей и щекотания лежат инфантильные фантазии, инфантильные идеи величия? — «Да у меня всегда было желание, чтобы явилась фея и исполнила три моих желания: прекрасные золотистые волосы длиной до пят, двадцать тысяч флоринов и вечное блаженство. У нас в детстве была еще одна игра: выбрать один волос на голове, взять за кончик и вытягивать его кверху. В ожидании, что вот вот схватят волос, ощущаешь щекотку в коже головы, а потом точно укол, когда волос вытягивается; совершенно тоже ощущение бывает у меня и между лопатками: зуд и покалывание (совсем не то, что зуд в лопатках). Я часто видела, что отец вырывал себе волосы на носу. Это он делает и по сие время». — Не вспомните ли еще чего-нибудь о волосах? — «Да, девочкой я возилась с волосами на половых частях и всегда обрезала их, так как стыдилась их. Зуд в лопатках вызывал представление о червячках или блохе». 12—13 лет у нее появился фурункул в половой щели, который вскрылся и сильно гноился. Она сама думала, что заразилась от швеи, жившей у них в качестве уборщицы. У отца даже явилось подозрение, что она имела связь с мужчиной, был даже приглашен врач по этому поводу. — Ощущение зуда между лопаток, следовательно, между прочим, означает также и желание настоящих половых сношений с мужчиной? — «Еще одно обстоятельство. Бабушка рассказывала, что ей часто ставили пиявки на спину для отвращения крови. Она сказала, что при этом бывает такое ощущение, точно колят булавками. Очевидно, я отождествляю

себя с бабушкой, когда у меня бывает колотье и зуд меж лопаток. Зуд в области поясницы я переняла от своей падчерицы» (с которой она связана через посредство мужа, приходящегося отцом падчерице).

У нее очень большая чувствительность кожи шеи в смысле щекотливости. Мы упоминали об этом в теоретической части. Щекотливость это признак повышенной эрогенности, более глубоко расположенных тканей. В детстве она бесчисленное число раз болела ложным крупом, а будучи взрослой, часто испытывала чувство опухания или саднения в глотке (без объективных данных) или же ощущение, будто в горле что-то свешивается, на подобие полипа, так что она без конца делала глотательные движения, чтобы избавиться от предполагаемого полипа. В других случаях она ощущала давление, будто в гортани сбоку сидит пуговица или шарик, иногда у нее появлялась судорожная стягивающая боль в гортани. Нередко к ней подкрадывается страх, что у нее рак гортани. Иногда она боится, что задохнется, так как ощущает, как болезненная судорога передвигается более в глубь, иногда даже спускается в грудную клетку. После рыбных блюд ей всегда кажется, что в горле застряла косточка, а после некоторых мучных кушаний также всегда застревает крошка. Отметим, наконец, что на почве этой эротики слизистых покровов наша больная локализовала в глотке и зеве целый ряд фантазий на тему о фаллусе.

Случай 2.

Одна дама, проделавшая курс психоанализа, прислала мне, в ответ на мою просьбу, следующее описание:

«Поскольку я наблюдала на себе самой и на других явления кожной эротики, мне кажется, мне удалось подметить, что с возрастом эта эротика ослабевает. Так, например, в детстве она проявляется сильнее, чем в периоде половой зрелости. То, что в этом отношении может быть отмечено в зрелом возрасте, представляет собой лишь пережитки бывшего в детском возрасте и в юности. Так, например, скверная манера ковырять в носу: у детей это вещь совершенно обыкновенная, у взрослых же привычка эта наблюдается, главным образом, только у лиц низших слоев, правда, довольно часто. Что касается моего детства,

то вспоминаю, что ни увещания, ни наказания не могли отучить меня от этого занятия: я предавалась ему с великим удовольствием и соблюдала такую тишину при этом, что, именно по этой тишине, мама могла всегда подумать, что происходит что-то недозволенное. Для меня большой вопрос, можно ли, в данном случае, говорить о перемещении или сдвиге («Verschiebung») снизу вверх; по крайней мере, подобное объяснение применимо, вероятно, не ко всем случаям. Однако раздражение слизистой оболочки носа, несомненно, имеет эротический оттенок: на это указывают следующие явления: взгляд во время этого занятия делается каким-то неземным, мечтательным; щеки нередко разгораются, и у детей, и у взрослых; застигнутый на месте грешник делает какое-нибудь быстрое движение, напр., вскакивает и т. п. У взрослых нередко существует привычка очищать при сморкании нос носовым платком и пальцами: несомненно, что это гораздо более служит бессознательной цели эротического раздражения слизистой, чем удалению пыли.

Вероятно те же причины обуславливают детскую манеру сопеть носом («Aufziehen»), а также и неаппетитный способ откашливания, свойственный некоторым лицам. О себе самой должна сказать, что вследствие разрыхления слизистых оболочек легкий насморк мне приятен, а особенно та легкая вибрация, которую при этом, так же как и при охриплости, чувствуешь в носу во время разговора. Я знаю, однако, мальчика, который находит подобное же удовольствие в том, что он называет «Schleim aufkutzen». Подобные же основания, может быть, имеет и нелюбовь детей сморкаться.

Слизистая оболочка полости рта у меня отличается особенной чувствительностью. Стоит мне слегка задеть языком небо, как я испытываю смешанное ощущение приятно-неприятного характера и такой силы, что я в этот момент совершенно не в состоянии что-либо делать. Ковыряние языком в дуплах зубов тоже, вероятно, имеет эротическую примесь; я делаю подобное заключение на том основании, что ковыряние это, обыкновенно, все-таки продолжается, несмотря на причиняемую боль.

Наружные кожные покровы в некоторых определенных участках у меня очень чувствительны. Уже ребенком я любила, чтобы мать царапала мне ладони, пока не появлялись пузыри. Это, может быть, у меня наследственное, так как сестра моя также любит это. Я очень любила, чтобы перед сном

меня гладили по зачесанным назад волосам. От этого у меня до сих пор осталась привычка играть волосами во время чтения или умственных занятий; привычка эта очень распространена среди детей, молодых девушек, равно как и привычка беспрерывно причесываться, поправлять шпильки, почесывать в голове. Мальчики иногда вырывают у себя целые пучки волос; в этом случае, конечно, есть мазохистический компонент так же, как есть он и там, где царапают или щиплют свое тело.

Отнюдь не невозможно, что моя страсть к кошкам того же происхождения: еще когда я была ребенком кошки немилосердно царапали и кусали меня. Таким повреждениям я не давала зажить, постоянно срывала корочку, и это, как я определенно вспоминаю, доставляло мне не только боль, но и большое удовольствие. Я предпочитала носить очень узкие подвязки, врезывавшиеся до глубоких полос; эти полосы я потом расчесывала в кровь и думала в это время, что мне предстоит или подвергнуться операции, которую я выдержу, ни одним звуком не показав, что мне больно (это отцовское воспитание), или же перенести какое-нибудь безчеловечное наказание, которое всегда связывалось у меня с представлением о монастырской жизни, хотя ничего подобного мне не приходилось испытывать. Вероятно, это было основано на каких-нибудь рассказах, и, вероятно, этим отчасти объясняется существующая у меня до сих пор антипатия ко всему монастырскому. Такие же мысли, как при расчесывании полос на икрах, приходили мне в голову и при разворачивании укусов мошек. В детстве я так же любила вцепляться ногтями в кожу, особенно на предплечьях, на спине и на ладони. И теперь еще я иногда просыпаюсь с длинными исцарапанными ранками на спине и на плечах, иногда же во время купания чешусь до царапин. Возбудимость кожи у меня до такой степени сильно выражена, что, когда у меня бессонная ночь, нет такого места, где бы я не чувствовала зуда; кожа при этом всегда сухая и горячая. Уже ребенком я терпеть не могла рубашек, так как каждая складка щекотала меня; я высоко подтягивала рубашку под панталонами. В постели я заворачивала рубашку выше живота, то же самое и на спине, или же закутывалась в нее, так что она облегала меня, как тугой мешок. Поглаживание по спине и теперь еще доставляет мне крайнее удовольствие и вызывает во мне представление, будто я кошка, так что я начинаю

мурлыкать про себя, что, в свою очередь, вызывает приятную вибрацию в гортани. Из детских игр (наших собственных и чужих детей) я знаю, что очень приятно действует прикосновение мигающих ресниц к щекам. Есть дети, которые любят делать вибрирующие движения губами, слегка касаясь ими затылка или руки партнера: делается это до тех пор, пока партнер не вырывается с криком и хохотом. Нам очень нравилось также и так называемое «Einknippen», т.-е. схватывание за талию, на некотором определенном уровне. Многие дети щиплют себя до крови. Возможно, наконец, что иногда и детское гримасничанье обусловлено эротикой кожи или слизистых и мышечных тканей. Особенно подходит это объяснение к той форме «рожи», при которой щеки и губы сперва втягиваются между зубов, а потом быстро выпячиваются вперед.

Я с крайним неудовольствием вспоминаю о щекотке, потому что отец, любивший щекотать нас, очень сердился, когда я слишком громко кричала или сильно отмахивалась. Как и большинство детей, я была щекотливее всего под коленками, в подмышечных ямках и на шее. Многие дети любят, чтобы им раздражали шею или нос травинкой или чем-нибудь вроде этого, при чем сперва они молчат и сдерживаются, что есть сил, с тем, чтобы, в конце концов, разразиться неудержимым хохотом, каковым это глупое развлечение и заканчивается. Прибой волн во время купанья раздражает кожу тела, и особенно кожу рук; при этом, без сомнения, возникают эротические ощущения. Во время катанья на лодке молодые девушки очень любят опускать руку в воду в присутствии мужчин, ухаживающих за ними, так, чтобы волной омывало руку: происходит это, вероятно, из бессознательного желания подобной же ласки со стороны мужчин. Я знаю четырехлетнего мальчика, который часами спокойно сидит и терпит, когда ему пульверизируют лицо особой машинкой для обрызгивания цветов. Многие женщины очень любят слушать, как рассказывают страшные истории, исключительно потому, что им очень приятен пробегающий при этом по спине озноб. Я слышала это от женщин из самых различных слоев общества (одна из них выразилась так: «Это похоже на то, будто кто-то обнимает меня»).

Ничего не могу сообщить особенного насчет поцелуев. Я всегда не особенно любила целоваться, так как нас мало целовали, когда мы были детьми.

Случай 3.

Из стенографической записи анализа одной истерички 21 года я приведу несколько, относящихся к нашей теме, цитат: «Ребенком я должна была всегда носить на руках особые накулачники, так как я в кровь царапала себе лицо: у меня был ужасный зуд, однако без сыпи. Потом у меня была комическая привычка заставлять горничную щекотать мне пятки или же чесать мне голову. Уже в раннем детстве у меня была собственная ванна; когда я мылась в ней, я всегда усиленно соскребывала кожу и думала при этом: «Я грязная, я грязная, мне не вымыться дочиста».— Это вероятно стоит в связи с вашим онанизмом?— Нет, это не верно. Ведь у каждой женщины бывают кожные испарения, я всегда чувствую эти испарения у других женщин. Если не мыться или не купаться ежедневно, то оно делается отвратительным; и, когда собирается вместе много женщин, то ощущается настоящий запах этих испарений. Перед первыми месячными у меня появился сильнейший зуд во всем теле. А прежде, когда мне было 10—11 лет, я была очень щекотлива, теперь же когда я бываю в театре или концерте и сижу совсем близко от других, почти соприкасаясь с кем-нибудь, я чувствую в коже нечто вроде мурашек и потом точно ток, проходящий по всему телу до кончиков пальцев; однако я чувствую это только в том случае, если соседи мне очень симпатичны или же, наоборот, если они вызывают во мне сильное отвращение. Эта исключительная чувствительность кожи была причиной того, что раньше я даже считала себя какой-то особенной. Когда мне приходилось знакомиться с людьми, я оценивала их не рассудком, но давала им духовную и физическую оценку посредством некоторой тактильной чувствительности. Я прямо-таки пространственно ощущаю, обладает ли человек чувственным темпераментом или не обладает. Подобное же внутреннее чувство имеется у меня и по отношению к духовным преимуществам, чувство это совершенно инстинктивное, и я не могу объяснить его. Наконец, я помню, что 17 лет я делалась полусумасшедшей от полового возбуждения после углекислых ванн. Я совсем пьянела и почти неистовствовала. Потом, когда произошло вытеснение, я перестала думать об этом, эти ванны даже стали неприятны мне.

Я до сих пор люблю кусать себе пальцы, а также и кончик языка. Прежде у меня были корткие в лсы, я загибала их в рот и впивалась в них зубами. В возрасте от 10-ти лет до 17-ти я не могла заснуть, если у меня в руке не было носового платка, который я крепко сжимала. Если он выпадал из руки, я просыпалась и была смертельно несчастлива.

В замужестве она совершенно нечувствительна к половым сношениям, однако любит прижиматься к своему мужу всем телом, больше же всего любит целоваться. «У меня всегда было фетишистское отношение к поцелуям. Больше всех в этом отношении меня возбуждал мой дядя, страдавший легочным заболеванием; тогда мне было 17 лет. Он был тогда уже очень тяжело болен, и я подолгу сидела у него. Дядю ведь можно целовать сколько угодно, что я и делала усердно, пока он, наконец, не обратил на это внимание, и не стал отвечать на мои поцелуи. Но когда он однажды полез мне под юбки, я моментально убежала. Целоваться—это было для меня всегда самое главное. Он делал это поразительно ловко: губы у него были мягкие, узкие, сладкие, змеино-гладкие. Он целовал также и языком, что особенно возбуждало меня. Он прямо точно пил меня. Так больше никто не умел целовать меня». Во время флирта, в девические годы она никогда не шла дальше кожно-слизистой эротики. Одному из своих поклонников она позволяла целовать и прижимать ее, но вскоре исчезала, чтобы воспрепятствовать чему-либо большему. Если бы у нее было желание coitus'a, она давно бы пошла на это. При наличии анестезии влагалища, у нее настолько резкая гиперэстезия наружных половых органов, что во время сношений муж каждый раз причиняет ей боль. Она считает, что это обусловлено следующими событиями в детстве: ее первые няньки будто бы так сильно терли во время соответствующих омовений ее половые органы, что у нее положительно начинались боли. Однако целый ряд обстоятельств доказывает, что здесь имеется конституциональное повышение чувствительности. Так, например, она считает, что ее собственному ребенку тоже должны причинять боль будто бы чересчур сильными растираниями, хотя сестра ее, ухаживавшая за ребенком, вполне опытна в этом смысле. После родов она думала, что она никогда не в состоянии будет сидеть, такие ужасные боли испытывала она в соответствующей области. Поэтому она

везде носила с собой большой воздушный круг, чтобы уменьшить трение.

Любопытно, что она часто принималась плакать во время полового акта. «Вовсе не от боли, а мне доставляло удовольствие похныкать: было определено приятно. Сношение тогда мне не так неприятно, как обыкновенно; у меня такое чувство, будто я слезами вознаграждаю себя за отсутствие наслаждения. И после разных домашних скандалов, я всегда также громко плакала, и это всегда доставляло мне удовольствие. Чем больше я выла, тем лучше мне становилось. Мне было одновременно и больно, и приятно.—Как Вы попали на это?—Я как-то заметила, к моему величайшему изумлению, что это вовсе не так неприятно.—Может быть, Вам в детстве приходилось с помощью слез добиваться каких-нибудь важных вещей, или даже добиваться любви?—Нет, это доставляло мне прямо физическое удовольствие, было как-то приятно в груди. В высшей степени приятно также проводить рукой по лицу, начиная от корней волос вниз по одной половине лица. Это также в одно и то же время и больно, и приятно. Очень похоже на это, если до боли ударить себя по локтю, тогда во что бы то ни стало хочется сделать то же самое и на другой стороне. Это напоминает слезы, тут тоже испытываешь в одно и то же время и боль, и приятное ощущение.

С 11 или 12 лет у нее каждые две недели болит горло. «Время от времени приходит день, в течение которого я чувствую себя очень утомленной; и на другое утро на миндалинах появляются небольшие белые пятнышки, и голова делается тяжелой. Я плохо выгляжу, и мне трудно говорить. Одновременно я ощущаю, что шея и снаружи опухает до ушей, и глаза мне тоже заволакивает. Недавно я пошла на совет к врачу-специалисту, он сделал смазывание, но это ничуть не помогло. На шее я чувствую утолщение, какой-то комок, однако больше снаружи. Наружная опухоль шеи и краснота внутри, повидимому, символизируют эригированный penis, который Вы носите при себе, а белые пятнышки изображают сперму, при чем я, конечно, не отрицаю, что у Вас часто бывают инфекции в связи с Вашей особенной эротикой шеи. Кроме того, она рассказывает, что шея у нее крайне щекотлива, что она проявляет крайнюю чувствительность при осмотре зева, часто страдает хрипотой и боится заболеть раком гортани.

Все это иллюстрации ее шейной эротики. Наконец, еще следующие важные моменты: В возрасте 3-х или 4-х лет она перенесла дифтерит, во время которого мать, которую она горячо любила, особенно нежно ласкала ее. Рассказывая о начале частых ангин, она отмечает довольно интересную психологическую черточку. В то время она во что бы то ни стало хотела поехать к одной подруге. Мать, однако, долго противилась этой поездке, так как ей пришлось бы ехать одной. Наконец, мать уступила ее настояниям, и чемоданы были уже приготовлены. Вдруг она захворала ангиной, и поездку пришлось отложить. Итак, своей болезнью она исполнила желание матери и закалила свою любовь большой жертвой.

Во время психоанализа у нее часто зудят веки, при чем зуд такой сильный, что она должна чесаться. «В последние месяцы беременности я стала плохо видеть правым глазом. Врач заявил, однако, что все обойдется; так оно и случилось, хотя лишь 2 или 3 недели тому назад. Почему это случилось, я не знаю. Правда, я очень много напрягала свое зрение в то время и много вышивала, как это делала всегда моя мать. Я ведь не могла тронуться с места, мне было так скверно». — И вот Ваша природа помогла Вам в этом: Вы стали внезапно хуже видеть и Вам пришлось отказаться от вышивания.

Главным образом, она жалуется на постоянное, непокидающее ее чувство скуки, внутренней пустоты и опустошенности. «Мне так ужасно скверно. Это чувство не покидает меня даже после полового сношения». Мужа своего, человека отнюдь не импотентного, она, не переставая, мучит, пристаёт к нему, чтобы он как-нибудь сделал, чтобы ей стало легче, что бы он сказал ей, что ей делать, при чем никакие предложения с его стороны не удовлетворяют ее. «Иногда я начинаю бегать, точно ребенок, и тогда мне не скверно. Когда я была маленькой девочкой, мне иногда позволялось побегать в сопровождении камердинера моего брата или других лакеев, и тогда я была совсем счастлива. Но гораздо чаще мать запрещала мне подобные физические упражнения. У старшего брата (его любили больше) была больная нога, он должен был носить шины и не мог много ходить, а так как родители во что бы то ни стало хотели полного равенства между братом и мной, я, здоровая, долж-

на была тоже носить шины и испытывать разные лишения при ходьбе и прогулках. Когда я стала подростком, напр., 11-12-ти лет, мне не разрешали бегать одной, а я опять-таки должна была гулять тихо и скромно вместе с моей толстой и неуклюжей мамой. Я никогда не могла набегаться всласть. На даче, напр., мне не разрешалось участвовать в прогулках на далекое расстояние, мама всегда была наготове и задерживала меня: «Девочка должна оставаться с матерью!» Точно пудовая гиря, мешавшая мне двигаться! Да и в дальнейшем мне удавалось всласть подвигаться и побеситься, разве только во время танцев, и вот тут я чувствовала себя совсем удовлетворенной; потом только появлялось неприятное и тягостное ощущение виноватости, особенно, когда я вышла замуж. Я очень страстная и выносливая танцорка и вот у меня часто такое ощущение будто, танцуя, я отдаюсь своему партнеру, и он фактически совершает со мной половой акт. Впрочем, я ни разу не чувствовала еще любви ни к одному из партнеров, так разве лишь на мгновение какое-то пьянящее чувство. Но у меня по большей части бывает такое чувство, будто партнерам моим танец со мной заменяет сношение. В последнее время я танцую уже совсем хладнокровно, а чувство виноватости все-таки испытываю, наслаждения никакого я не получаю, а сознание, будто отдаюсь мужчине, все-таки остается».

ПРИЛОЖЕНИЕ

S. Freud

НЕКОТОРЫЕ ТИПЫ ХАРАКТЕРОВ
из
ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Некоторые типы характеров из психоаналитической практики¹⁾.

Проф. Freud'a.

Когда врач лечит нервно - больного психоанализом, то интерес его в первую голову направлен совсем не на характер пациента. Врачу скорее [хотелось бы узнать, какое значение имеют симптомы пациента, что за влечения прячутся за ними и находят в них себе удовлетворение, каковы, наконец, были этапы таинственного пути от инстинктивных желаний и влечений к симптомам. Но техника, которой врачу приходится держаться, вскоре вынуждает его обратить свою пытливость на другие объекты. Тут он подмечает, что его исследованию начинают угрожать сопротивления, противопоставляемые ему больным, и он вправе приписать эти сопротивления характеру больного. Таким образом характер приобретает особые права на интерес со стороны врача²⁾.

То, что оказывает противодействие стараниям врача, не всегда представляет собою черты характера, признаваемые у себя самого больным или приписываемые ему его близкими. Часто бывает и так, что особенность характера, свойственная больному, как казалось, лишь в умеренной степени, на деле развита до почти немыслимой интенсивности; или же у больного обнаруживаются такие установки, которые совершенно не проявлялись у него в других жизненных условиях и отноше-

¹⁾ Эта новая работа включена в V выпуск вследствие ее значения, хотя она непосредственно не связана с предыдущими статьями.

²⁾ Imago IV, 1915—16.

ниях. Предстоящие строки будут посвящены описанию и объяснению некоторых неожиданных черт характера; конечно, только некоторых, а не всех.

I.

Исключения.

Во время психоаналитической работы врачу постоянно приходится видеть, что он поставлен перед задачей побудить больного отказаться от какого-нибудь непосредственного удовольствия в ближайшее время (Lustgewinn). Не вообще от удовольствия должен он отказаться; вероятно, нет ни одного человека способного выполнить подобное требование, и даже самой религии, требующей отказа от земной радости, приходится обосновывать это требование обещанием несравненно больших и более ценных радостей в некоем потустороннем мире. Нет, больной должен отказаться только от тех наслаждений, которые неизбежно приносят вред; он должен терпеть недостаток только временно, должен научиться только тому, чтобы уметь заменять непосредственно предстоящее удовольствие другим, более верным, хотя и несколько отложенным. Или другими словами, он должен совершить, под руководством врача, тот переход от принципа наслаждения к принципу реальности, который отличает зрелого человека от ребенка. При этом воспитательном задании едва ли играет решительную роль то обстоятельство, что врач является более сведущим, чем сам больной; обыкновенно врач не в состоянии сказать больному больше того, что ему мог бы подсказать и его собственный рассудок. Но это совсем не то же самое, знать что-нибудь о себе самом про себя и услышать то же самое от другого лица; врач принимает на себя роль этого другого лица, роль активную; он пользуется при этом тем влиянием, которое один человек способен оказывать на другого. Или: вспомним о том, что в психоанализе принято заменять производное и смягченное первоначальным и коренным, и скажем, что врач в своей воспитывающей работе пользуется некоей компонентой любви. Совершая задание такого довоспитания, он, вероятно, только повторяет тот процесс, который вообще сделал возможным и первое воспитание. Наряду с житейской необходимостью любовь — великая воспитательница; любовь близких побуждает несложившиеся

гося человека обращать внимание на законы необходимости, с тем, чтобы избежать наказаний, связанных с нарушением этих законов. Но требуя от больных предварительного отказа от того или иного удовлетворения, требуя от них жертвы, готовности на время взять на себя страдания в видах лучшего будущего, или просто решимости подчиниться общей для всех житейской необходимости, — приходится иногда встречать людей, сопротивляющихся подобным требованиям и приводящих весьма своеобразную мотивировку. Они говорят, что довольно им страдать и терпеть лишения, у них есть право избавиться от дальнейших требований, они не желают больше подчиняться неприятной им необходимости, так как они представляют собою исключения и желают и впредь оставаться таковыми. У одного из этих больных эта претензия достигла размеров убеждения, что о нем печется особое провидение, которое и избавит его от подобных мучительных жертв. Против внутренней уверенности, проявляющейся с подобной силой, аргументы врача ничего не в силах поделать, да и влияние врача вначале пасует, и ему остается одно: обратиться на розыски источников, питающих этот вредный предрассудок.

Но вот что несомненно; ведь каждому человеку хотелось бы выдавать себя за «исключение» и быть вправе требовать преимуществ перед остальными людьми. Именно потому-то и требуется совершенно особая мотивировка, не всякий раз удающаяся, если уже в самом деле заявлять о себе, как об исключении, и вести себя соответствующим образом. Сколько бы ни существовало таких мотивировок но в исследованных мною случаях удалось доказать существование некоторой общей особенности в прошлой жизненной судьбе больных: невроз их начался по поводу какого-нибудь переживания или присоединился к болезни, в которой они считали себя невиноватыми и каковую они могли расценить, как несправедливое нанесение ущерба их личности. Они стали думать, что эта несправедливость дает им права на особые привилегии, у них выработалось желание ничему не подчиниться—все это в порядочной степени способствовало заострению тех конфликтов, которые в дальнейшем привели их к вспышке невроза. У одной пациентки описанная установка к жизни возникла, когда она узнала, что мучительное органическое заболевание, препятствовавшее ей в достижении ее жизненных целей, было

врожденного происхождения. Она терпеливо выносила свою болезнь, пока считала ее случайной и благоприобретенной; узнав же, что болезнь наследственная она подняла бунт. Молодой человек, проявлявший веру в то, что его охраняет особое провидение, был случайно заражен своей кормилицей, и всю свою жизнь жил за счет претензий, на вознаграждение, точно за счет ренты после несчастного случая, даже и не подозревая, на чем он основывал свои претензии. В его случае анализ, сконструировавший этот результат по смутным остаткам воспоминаний и с помощью интерпретации симптомов, получил и объективное подтверждение при распросе членов его семьи.

По вполне понятным причинам я не могу более подробно рассказать об этих и некоторых других историях болезни. Не буду также вдаваться в обсуждение близкого сходства между аномалиями характера, развившимися после многолетней болезненности в детском возрасте и поведением целых народов, обремененных тяжким страдальческим прошлым. Но я не откажу себе в том, чтобы не указать на художественный образ, созданный величайшим писателем, в характере которого мотив претензий на исключительность тесно связан с моментом врожденного ущерба и даже обусловлен этим последним моментом.

В вступительном монологе к «Ричарду III» Шекспира Глостер, будущий король, говорит следующее:

Один я — не для нежных создан шутки!
Не мне с любовью в зеркало глядеться:
Я видом груб, — в величии любви
Не мне порхать пред нимфою беспутной;
И ростом я, и стройностью обижен,
Обезображен лживою природой;
Не кончен, искривлен и раньше срока
Я выброшен в волнующийся мир —
Наполовину недоделок я.
И вышел я таким хромым и гадким,
Что взвидевши меня, собаки лают!

.....
Вот почему, надежды не имея
В любовниках дни эти коротать,
Я проклял наши праздные забавы
И бросился в злодейские дела...

(Изд. 1862 года.

По первому впечатлению в этой программной речи, может быть, и нет никакого отношения к нашей теме. Ричард, повидимому, говорит не больше, чем следующее: мне скучно в это бездельное время, и я хочу развлекаться. А так как наслаждения любви, вследствие моего уродства, мне заказаны, то я буду разыгрывать злодея, буду интриговать, не отступлю перед убийствами, буду делать все, что вздумается! Но столь фривольная мотивировка должна была бы задушить все следы сочувствия в зрителях, если бы за ней не скрывалось ничего более серьезного. Вся пьеса в этом случае была бы психологически невозможна, так как поэт должен уметь создать в нас особый сокровенный фон симпатии по отношению к герою, чтобы мы могли без внутренних возражений удивляться смелости и ловкости его искусства; но такая симпатия возможна только на основе ощущения возможной внутренней общности у зрителей с героем, понимания его ими.

Поэтому я думаю, что в монологе Ричарда не все высказано; в нем только намеки, а дополнить недосказанное представлено нам самим. Но если мы сделаем это дополнение, то вся тень фривольности пропадет, и вступит в свои права вся та горечь и обстоятельность, с которыми Ричард описывает перед нами свое безобразие, и выясняется то общее, что заставляет нас симпатизировать даже этому злодею. Тогда получается следующее: природа совершила тяжкую несправедливость по отношению ко мне, она отказала мне в благообразии, которое завоевывает людскую любовь. За это жизнь должна вознаградить меня, и эту награду я возьму себе сам. Я предъявляю претензию на то, что я—исключение; я имею право не считаться с теми сомненьями и опасеньями, которые останавливают остальных людей. Я имею право поступать несправедливо, так как я жертва несправедливости—и вот мы чувствуем, что мы и сами могли бы стать такими же, как Ричард, что в малом масштабе мы даже похожи на него, Ричард—гигантское преувеличение этой одной черты, которую мы находим и в нас самих. Мы все в глубине души, считаем, что у нас есть основания быть в обиде на судьбу и природу за ущерб, и врожденный, и нанесенный нам в детстве; все мы требуем компенсаций за оскорбления, нанесенные в наши юные годы нашему нарцизму, нашей любви к себе. Почему природа не подарила нам золотых кудрей Бальдера или силы Зигфри-

да, высокого чела гения или благородного профиля аристократа? Почему нам пришлось родиться в мещанской обстановке, а не в королевском дворце? Мы превосходно сумели бы быть прекрасными и знатными, как и те, которым нам приходится теперь завидовать.

Но в том-то и состоит тонкое, экономизирующее искусство поэта, что он не дает своему герою громко и безостаточно высказывать все тайны своей мотивировки. Этим он вынуждает нас дополнять недостающее, дает пищу нашей умственной деятельности, отвлекает наш ум от критической мысли и удерживает нас в ощущении нашей отчужденности с героем. Зато иначе поступил бы дилетант: все, что ему важно было бы сообщить нам, он вложил бы в определенные формы, выразил бы все — и в результате имел бы перед собой холодок нашей свободной и несвязанной мысли, исключаящей возможность иллюзии какого-нибудь углубления.

Кончим с исключениями, но вспомним в заключение, что на том же основании покоятся и женские притязания на привилегии и на освобождение от стольких жизненных тягот. Работая, как психоаналитики, мы узнаем, что женщины смотрят на себя, как на обделенных, безвинно урезанных и приниженных; и у очень многих дочерей ожесточение против матери имеет своим последним корнем упрек матери в том, что она родила ее на свет не мальчиком, а девочкой.

II.

„Крушение в момент успеха“.

Психоаналитическая работа подарила нам следующий тезис: люди становятся нервно-больными вследствие отказа в удовлетворении. Под этим разумеется отказ в удовлетворении их либидинозных желаний. Но чтобы понять смысл этого положения надо пройти длинный окольный путь. Ибо для возникновения невроза необходим конфликт между либидинозными желаниями человека и той частью его существа, которую мы называем его «я», которая является выражением его инстинктов самосохранения и заключает в себе его идеалы о своей собственной сущности. Подобный патогенный конфликт возникает только в том случае, если либидо хочет устремиться на такие пути и цели, которые «я» давно уже преодолело и осуди-

ло, которые, следовательно, «я» считает навсегда запрещенными; поступает же либидо таким образом лишь в том случае, если у него отнята возможность такого удовлетворения, которое находится в соответствии с «я» и с его идеалами. Таким образом, недостаток и отказ в реальном удовлетворении становится первым условием для возникновения невроза, хотя далеко еще и не единственным условием.

Тем более должно поражать и даже приводить в смущение, когда в качестве врача делаешь наблюдение, что люди заболевают иногда как раз в тот момент, когда в их жизни исполняется какое-нибудь давнее и глубоко обоснованное желание. Получается такое впечатление, как будто они были бы не в силах вынести свое счастье, так как не приходится сомневаться в причинной связи между успехом и заболеванием. Я имел возможность познакомиться с судьбой одной женщины и опишу этот случай, как типичный случай подобных трагических перемен.

Хорошего происхождения и хорошо воспитанная, она, будучи еще совсем юной девушкой, не сумела обуздать своей страсти к жизни, ушла из родительского дома, предалась разным приключениям и болталась по всему миру до тех пор, пока не познакомилась с одним художником, сумевшим оценить ее прелесть, как женщины, и почувствовать также и более тонкую организацию и в ее приниженном состоянии. Он взял ее к себе в дом и нашел в ней верную спутницу жизни, которой ее хватало, казалось, лишь светской реабилитации для того, чтобы быть вполне счастливой.

После долголетней совместной жизни он добился, что его семья вступила с ней в дружеские отношения, и был уже готов сделать ее своей женой и перед законом. В этот момент она начала сдавать. Она стала запускать дом, в котором ей предстояло стать законной хозяйкой; считала, что родственники преследуют ее, в то время как они собирались принять ее в свою семью; бессмысленно ревновала мужа, лишила его всякого контакта с людьми, мешала ему в его художественной работе и впала вскоре в неизлечимое душевное заболевание.

В другой раз мне пришлось наблюдать одного весьма почтенного человека, университетского преподавателя, долгие годы питавшего вполне понятное желание стать преемником своего учителя, который сам ввел его в науку. Когда, после выхода старого ученого в отставку, коллеги сообщили ему, что

в преемники будет избран не кто иной, как он сам, он начал приходить в робость, стал умалять свои заслуги, объявил себя недостаточным, неспособным выполнить доверяемое ему дело и впал в меланхолию, исключившую для него на ближайшие годы всякую работу.

Как ни различны оба эти случая, они совпадают все же в том, что заболевание возникает в момент исполнения желания и уничтожает возможность насладиться этим исполнением.

Противоречие между этими наблюдениями и тезисом, что человек заболевает вследствие отказа в удовлетворении, не неразрешимо. Оно устраняется, если сделать различие между внешней и внутренней неудовлетворенностью. Если отпал реальный объект, могущий дать удовлетворение либидо, то это внешнее лишение, внешняя неудовлетворенность.

Сама по себе она лишена действия и не патогенна, до тех пор пока к ней не присоединится внутренняя неудовлетворенность. Эта последняя должна исходить от «я» и должна оспаривать у либидо другие объекты, которыми оно хочет овладеть. Только в этом случае возникает конфликт и создается возможность невротического заболевания, т.-е. замещающего удовлетворения на окольном пути через вытесненное бессознательное. Внутренняя неудовлетворенность, следовательно, имеет значение во всех случаях, но действовать она начинает только тогда, когда внешний реальный отказ в удовлетворении подготовил для нее почву. В тех же исключительных случаях, когда люди заболевают при успехе, действовала одна внутренняя неудовлетворенность, да и проявилась она во вне лишь после того, как внешняя неудовлетворенность уступила место исполнению желания. На первый взгляд это кажется каким-то странным, но, вдумываясь больше, мы отдаем себе отчет, что в этом нет ничего совсем уже необычного: пока какое-нибудь желание совершенно безобидно, пока оно существует лишь в виде фантазии и кажется далеким от исполнения, «я» терпит его, но тоже «я» тотчас же вооружается против этого желания, как только оно начинает приближаться к исполнению и грозит стать действительностью. Разница по сравнению с хорошо знакомыми нам ситуациями, при которых образуется невроз, только в том, что здесь такая фантазия, казавшаяся до сих пор незначущей и вполне терпимой, теперь благодаря повышенной насыщенности либидо, до сих пор на нее не устре-

мленного, оказывается превращенным в страшного врага, между тем как в наших случаях сигнал к началу конфликта исходит от реальной внешней перемены в событиях.

При аналитической работе нетрудно вскрыть, что дело здесь идет о силах совести: совесть запрещает человеку извлечь, наконец, долго ожидавшуюся выгоду из счастливо переменившихся внешних условий. Но выяснение сущности и происхождения этих осуждающих и наказывающих тенденций представляет собой трудную задачу; эти тенденции мы нередко к нашему изумлению находим даже там, где мы их вовсе и не предполагали. О том, что нам по этому поводу может быть известно или предположено, я, по известным уже причинам, буду говорить, опираясь не на историю болезни, а на художественные образы, созданные великими писателями-сердцеведами.

Личность, испытывающая крушение после достигнутого ею успеха, за который она боролась с неуклонной энергией—это Леди Макбет Шекспира. Раньше в ней не было никаких колебаний и никаких признаков внутренней борьбы, не было иного стремления, кроме желания победить сомнения мужа, честолюбивого, но мягкосердечного. Преступному замыслу она готова пожертвовать даже своей женственностью, совершенно не учитывая того, какая решающая роль выпадет на долю этой женственности; когда дело пойдет о том, чтобы утвердить за собой достигнутую с помощью преступления мечту ее честолюбия.

(Акт I, сцена 5):

«Сюда, сюда, о демоны убийства,
И в женский дух мой влейте лютость зверя.
Сгустите кровь мою и преградите
Путь сожалению к моей груди.
.....
..... Сюда
Убийства ангелы
К грудям моим и желчью замените
Их молоко!

(Акт I, сцена 7):

Кормила я, и знаю,
Как дорого для матери дитя;

Но я без жалости отторгла б грудь
От нежных, улыбающихся губок
И череп бы малютки раздробила,
Когда б клялась, как клялся ты».

(Перевод Кронеберга.)

Перед самым преступлением ее охватывает на миг слабое ощущение сопротивления:

(Акт II, сцена 2):

«Не будь он
Во сне так на отца похож,
Я поразила бы его сама».

Теперь же став королевой, с помощью убийства Дункана, она начинает по временам испытывать нечто вроде разочарования и скуки. Мы не знаем, почему.

(Акт III, сцена 2):

«Что пользы нам желать и все желать?
Где-ж тот покой, венец желаний жарких?
Не лучше ли в могиле тихо спать,
Чем жить среди души волнений жалких?»

И все-таки она держится. За этими словами следует сцена банкета. Тут она одна сохраняет присутствие духа, прикрывает замешательство своего мужа, находит повод, чтобы отпустить гостей. Дальше она исчезает от наших взоров. Мы видим ее снова (в первой сцене пятого акта) уже как сомнамбулу, фиксированную на впечатлениях преступной ночи. Как и тогда, она снова внушает своему мужу быть мужественным:

«Стыдись: солдат — и боится? Какое дело — знают, нет ли: кто позовет нас к ответу?»

Она слышит стук в дверь, которого так испугался ее муж после убийства. Но на-ряду с этим она пытается «сделать несовершенным то дело, которое уже невозможно больше сделать несовершенным». Она моет руки, запятнанные кровью и пахнувшие кровью, и сознает, что эти усилия напрасны. Повидимому, ее осилило раскаяние, — ее, казавшуюся столь чуждой раскаянию. И когда она умирает, то Макбет, ставший тем временем таким же неумолимым, какой она казалась вначале, находит для нее только следующую короткую эпитафию:

(Акт V, сцена 5):

«Она могла бы умереть и позже:
Всегда б прийти поспела эта весть».

И вот мы спрашиваем себя самих, что сломило этот характер, казавшийся выкованным из крепчайшего металла? Что это такое? Одно лишь разочарование, другой лик преступления, когда оно совершено; надо ли нам сделать вывод, что и у леди Макбет психика прежде была мягкая и женственно-кроткая, и что поэтому той концентрации и огромному напряжению, к которым она себя взвинтила, не суждено было долго продолжаться? Или же мы вправе искать признаков такой более глубокой мотивировки этого надлома, которая сделала бы его нам более близким и понятным.

Я не думаю, чтобы нам здесь возможно было бы окончательно решить этот вопрос. Шекспировский «Макбет» — пьеса, написанная по случайному поводу: к вступлению на престол Джеймса, царствовавшего до сих пор в Шотландии. Сюжет был дан в готовом виде, одновременно разрабатывался и другими авторами, работой которых Шекспир, как и обычно, вероятно, воспользовался и на этот раз. Он дал любопытные намеки на современное положение. «Девственная» Елизавета, о которой ходила молва, что она бесплодна, сама себя назвавшая «бесплодным деревом¹⁾» (услышав о рождении Джеймса), была принуждена сделать своим преемником шотландского короля именно вследствие своего бесплодия. Но он был сыном Марии, той самой Марии, которую она, хоть и с отвращением, заставила казнить, и которая, несмотря на все омрачавшие отношения политическими соображениями, все-таки могла назваться ее родственницей по крови и ее гостьей.

¹⁾ Ср. Макбет (акт II, сцена 1):

Кинжал - мечта, дитя воображенья,
Горячкой жгущий угнетенный мозг.
Но нет: ты здесь; твой образ осязаем
Не меньше этого в моей руке.
(Auf mein Haupt setzen sie unfruchtbar Gold
Ein dürres Zepter reichen Sie der Faust,
Dass es entgleite dann in fremde Hand,
Da nicht mein Sohn mir nachfolgt...)

Вступление на престол Иакова I было как бы демонстрацией проклятий неплодия и благословений продолжающегося рода. На этом же противоречии основана эволюция и в «Макбете» у Шекспира. Парки предсказали Макбету, что он будет королем, а Банко, что корона перейдет к его детям. Макбет возмущен этим решением судьбы, он недовольтвуется удовлетворением собственного честолюбия, он хочет быть основателем династии, не хочет, чтобы совершенное им убийство служило выгоде других людей. На этот пункт обычно не обращают внимания, когда во всей пьесе Шекспира хотят видеть только трагедию честолюбия. Очевидно, что у Макбета, так как он не вечен, есть только один путь, чтобы лишить силы ту часть пророчества, которая ему противна,—иметь самому детей, которые могли бы ему наследовать. Повидимому, он и ждет детей от своей крепкой и сильной жены:

(Акт I. сцена 7):

«Рождай мне мальчиков одних!
Огонь, пылающий в твоей крови,
Одних мужей производить способен».

И также очевидно, что, когда он обманывается в этих ожиданиях, то ему приходится или подчиниться судьбе, или же его деятельность теряет смысл и цель и превращается в слепое бешенство приговоренного к гибели человека, который уничтожает даже то, что достижимо ему. Мы видим, что Макбет действительно проделывает эту эволюцию, а на высоте трагедии мы слышим восклицание Макдуффа, которое часто признается весьма двусмысленным, и которое, может быть, содержит ключ для понимания происшедшей с Макбетом перемены:

(Акт IV, сцена 3):

«Макбет бездетен!».

Смысл этих слов, конечно, следующий: он сам бездетный и только потому он мог убить своих детей, но они могут заключать в себе и гораздо больший смысл. И прежде всего этими словами Макдуфф мог бы вскрыть нам глубочайший мотив, действующий и в Макбете и в его жене: мотив этот заставляет Макбета перейти за пределы его природы, характер же его твердой жены он ранит в его единственное чувствительное

место. Но если обозреть всю пьесу с вершины, обозначаемой этими словами, то вся она окажется пронизанной указаниями на связь с комплексом детско-родительских отношений. Убийство доброго Дункана мало отличается от отцеубийства; убивая Банко, Макбет убивает отца, между тем как сын от него ускользает; детей же Макдуффа он убивает потому, что бежал отец. В сцене заклинания парки внушают ему видение венчанной, окровавленной главы. Глава в боевом уборе, которую он видит перед этим, вероятно, его собственная голова. На заднем же плане поднимается мрачная фигура мстителя Макдуффа, который и сам исключение из законов рождения, ибо он не рожден своей матерью, а вырезан из ее утробы.

Представим себе, что бездетность Макбета и бесплодие его Леди явились бы карой за их преступления против святыни родственной связи, что Макбет не мог бы стать отцом в наказание за то, что отнял у детей отца и у отца детей, что бесплодие Леди было бы исполнением над нею того святотатства, к которому она призывала ангелов убийства. Все это было бы вполне в духе поэтической справедливости. Я думаю, что тогда заболевание Леди было бы сразу понятно, было бы понятно, что превращение святотатственной гордыни в раскаяние — это реакция на бездетность, которая убедила ее в ее бессилии перед законами природы и в то же время напомнила ей, что ее вина отняла у нее то, что должно было явиться высшим плодом ее преступления.

В хронике Голиншеда (1577), из которой Шекспир почерпнул сюжет Макбета, есть одно единственное упоминание о леди Макбет, как о честолюбивце, подстрекающей своего мужа на убийство, с целью сделаться потом королевой. Об ее дальнейшей судьбе и об эволюции ее характера не сказано ни слова.

Напротив, получается такое впечатление, что изменение в характере Макбета, его превращение в кровавого изверга должны мотивироваться очень сходно с тем, как это попытались сделать и мы. Дело в том, что, по Голиншеду, проходит 10 лет между убийством Дункана, ведущим Макбета на трон, и его дальнейшими злодеяниями; в течение этих десяти лет Макбет был строгим, но справедливым государем. И лишь по истечении этого срока с ним происходит перемена, и наступает она вследствие мучительного опасения, что так же, как исполнилось пророчество об его судьбе, совершится и предска-

ние, относящееся к Банко. Только после этого он велит убить Банко и переходит затем от злодейства к злодейству, как и у Шекспира. И у Голиншеда тоже определенно не сказано, что на этот путь его толкнула бездетность, но, по крайней мере, даны и время, и место для подобной естественной мотивировки. У Шекспира иначе. В трагедии события летят перед нами с головокружительной быстротой, так что, если судить по замечаниям действующих лиц, можно предположить, что все действие совершается в течение приблизительно одной недели ¹⁾. Это ускорение отнимает почву у всех наших конструкций о мотивировке переворота в характерах Макбета и его супруги. Нет достаточного промежутка времени, в течение которого хроническое разочарование в надежде иметь детей могло бы размягчить жену, а мужа довести до упрямого бешенства. И остается противоречие: целый ряд тонких совпадений в пределах самой пьесы и между пьесой и поводом ее возникновения как будто бы имеет в виду свести все к мотиву бездетности, а экономика времени в трагедии такова, что мысль о всех иных мотивах, кроме психологических, определенно должна быть отвергнута.

Но, по моему мнению, невозможно угадать, что это за мотивы, в силу которых робкий честолюбец превращается в безудержного тирана, а твердая, как сталь, подстрекательница становится раздавленной раскаянием, больной. Я думаю, что следовало бы отказаться от попытки приподнять тройную завесу, состоящую из плохой сохранности текста, из незнания замысла автора и сокровенного смысла легенды. Я не согласен и с тем возражением, что подобные исследования представляют дело праздное в сравнении с тем огромным впечатлением, которое трагедия производит на зрителей. Поэт, правда, в силах овладеть нами своим искусством во время представления и парализовать тем самым нашу мысль, но он не в состоянии помешать нам пытаться в дальнейшем понять эти впечатления и из его психологического механизма. Неуместным я счел бы и то замечание, что автор вправе как угодно сокращать естественную последовательность событий, им изображаемых, если он может, жертвуя пошлой правдоподобностью, рассчитывать на достижение более сильного драматического эффекта.

4) I. Darmstetter, *Macbeth*, édition classique, p. LXXV, Paris, 1887.

Подобная жертва оправдывается только в том случае, если приносят в жертву действительно одну только правдоподобность ¹⁾, а не разрушаются причинные связи; и драматический эффект право едва ли пострадал бы, если бы время действия было бы оставлено неопределенным, если бы оно не было сужено определенными указаниями в тексте до срока немногих дней.

Так трудно расстаться с такой проблемой, как макбетовская, с мыслью об ее неразрешимости, что я рискну сделать еще одно замечание, указывающее, может быть, на возможность найти новый выход. В одном из своих шекспировских этюдов Ludwig Jekels, высказал мысль, что ему удалось разгадать кое-что в поэтической технике Шекспира, при чем его догадки, может быть, можно приложить и к «Макбету».

Он думает, что у Шекспира часто один характер оказывается распределенным на два действующих лица, так что каждое из них в отдельности представляется не совсем понятным, но это только до тех пор, пока они не рассматриваются, как некое единство. Так дело могло бы обстоять и с Макбетом, и с его Леди, и тогда, конечно, ни к чему не может повести, если рассматривать ее, как самостоятельную личность, не принимая во внимание дополняющего ее Макбета. Не буду углубляться в эту мысль, но все-таки укажу на нечто, весьма выразительно поддерживающее эту точку зрения: на то, что зачатки страха, пробивающиеся у Макбета в ночь убийства, развиваются в дальнейшем не у него, а у Леди ²⁾. Это у него появляется галлюцинация кинжала до преступления, но в душевное расстройство впадает позже не он, а его жена; после убийства он слышал, как в доме кричали; «не спите, Макбет убивает сон», так что не спать полагалось бы именно Макбету, но мы не видим, чтобы король Макбет стал плохо спать, в то время как королева просыпается, впадает в сомнамбулическое состояние и выдает свою вину; он стоял беспомощный с окровавленными руками и вопил, что вся пучина морского бога не отмоет его рук; тогда она утешала его: немножко воды и преступление будет смыто, а потом она четверть часа моет руки и не в силах устранить мнимые пятна крови. «Все

¹⁾ Как, напр., в предложении, делаемым Анне Ричардом III у катафалка убитого им короля.

²⁾ ср. Darmstetter, I. c.

ароматы Аравии не омоют этой маленькой руки». (Акт V, сцена 1.) Тако, чего Макбет опасался, испытывая страхи совести, исполняется на его жене. После преступления у нее появляется раскаяние, а у него—упорство, оба вместе они исчерпывают возможные реакции на преступление, подобно двум находящимся в разладе между собой частям одной единственной психической индивидуальности; может быть, они—две копии с одного оригинала.

По поводу образа Леди Макбет мы не смогли ответить на вопрос, почему она забoleвает и терпит крушение после успеха; но, может быть, у нас будет больше шансов на успешное решение вопроса, если мы обратимся к творению другого великого драматурга, который с неумолимой строгостью проводит задание психологической отчетливости.

Ребекка Гамвик, дочь повивальной бабки, стала приемной дочерью доктора Вест; он дал ей воспитание в духе свободомыслия и презрения к тем путам, которые накладывает на наши желания основанная на религиозной вере мораль. После смерти доктора она добивается того, что ее принимают на службу в Росмерсгольме, родовом имении, принадлежащем старому роду, отпрыски которого не знают смеха и жертвуют радостью твердому исполнению долга. В Росмерсгольме живут пастор Иоганнес Росмер и его болезненная и бездетная жена Беата. Ребекку охватывает «дикая непреодолимая жажда» любви этого благородного человека; она решает убрать жену, стоящую ей поперек дороги и опирается при этом на свою «мужественную, рожденную свободной» и не стесненную никакими задержками волю. Она подкидывает Беате медицинскую книжку, в которой проводится мысль о том, что цель брака—рождение детей; бедная женщина начинает сомневаться в оправданности своего брака, она заставляет ее догадаться, что Росмер, в чтении и размышлениях которого она принимает участие, близок к тому, чтобы разделиться с прежними верованиями и стать на сторону современного просвещения; доверие Беаты в нравственную положительность ее супруга оказывается, таким образом, поколебленным, тогда Ребекка дает ей, наконец, понять, что ей, Ребекке, вскоре придется покинуть дом, чтобы скрыть последствия недозволенной близости с Росмером. Преступный план удается. Бедная женщина, слышавшая меланхоличной и невменяемой, бросается с мельнич-

ной плотины, так как ее мучит чувство собственного ничтожества, и она не хочет мешать счастью любимого мужа.

С тех пор Ребекка и Росмер живут вдвоем в Росмерсгольме, их связывает близость, на которую Росмер хотел смотреть, как на чисто духовную и идеальную дружбу. Но вот на эти отношения начинают падать первые тени разных толков, одновременно у Росмера появляются мучительные сомнения по поводу мотивов, по которым пошла на смерть его жена; тогда он просит Ребекку быть его второй женой, печальному прошлому он хочет противопоставить новую живую действительность. (Акт II.) При этом предложении она на миг испытывает торжество, но уже в следующее мгновение она объявляет, что это невозможно, и что она «пойдет путем Беаты», если он будет настаивать на этом. Росмер выслушивает этот отказ, нечего ни понимая; но он еще более непонятен для нас, ибо нам лучше известны намерения и поступки Ребекки. Мы только не должны сомневаться в том, что ее отказ действительно вполне серьезен.

Как же могло случиться, что авантюристка, обладающая мужественной, искони свободной волей, безжалостно проложившая себе дорогу к осуществлению своих желаний, теперь, когда ей возможно пожать плоды успеха, опускает руки? В 4 акте она сама дает нам разъяснение: «то-то и ужасно, что теперь, когда судьба щедрой рукой предлагает мне все счастье, какое только может быть в жизни,—теперь я сделалась такой, что мое собственное прошлое закрывает мне двери к нему»¹⁾. Она, значит, стала другой с течением времени, ее совесть проснулась, у нее появилось сознание вины, которое кладет свое veto на возможность наслаждения.

Что же пробудило в ней совесть? Послушаем ее самое и подумаем потом, можем ли мы ей вполне поверить. «Росмеровское мирозерцание,—или, во всяком случае, твое мирозерцание,—заразило мою волю... ..и сделало ее больною. Поработило ее законом, не имевшим прежде для меня значения. Ты,—совместная жизнь с тобою,—облагородили мою душу». Это влияние, надо думать, сказалось лишь после того, как началась ее жизнь вдвоем с Росмером; «—в тишине,—в уеди-

¹⁾ Здесь и дальше цитаты по переводу с норвежского оригинала, сделанному В. М. Спасской.

нении,—когда ты стал высказывать мне без утайки все свои мысли, передавать мне всякое твое настроение, так же мягко и тонко, как ты его чувствовал,—тогда-то и совершился во мне великий переворот».

Только что перед этим она высказывала сожаление о другой стороне этой перемены: «Потому что Росмерсгольм отнял у меня силу. Он подрезал крылья у моей смелой воли. Изувечил ее. Миновало для меня то время, когда я дерзнула бы отважиться на все на свете. Я утратила способность действовать, Росмер».

Объяснения эти Ребекка дает после того, как добровольным признанием она разоблачила себя как преступницу перед Росмером и ректором Кроллем, братом устраненной ею Беаты. С помощью мелких черточек Ибсен мастерски тонко подчеркнул, что эта Ребекка никогда не лжет, но и никогда не бывает вполне откровенной: несмотря на всю свободу от предрассудков она убавила свои лета на один год. Так и признание ее Росмеру и Кроллю неполно, и Кролле заставляет ее сделать добавления по некоторым важным пунктам. И мы вправе допустить, что разъяснение причин отказа выдает только кое-что с тем, чтобы скрыть нечто другое.

Конечно, у нас нет оснований не доверять ее словам о том, что атмосфера Росмерсгольма, общение с аристократическим Росмером подействовали на нее облагораживающе и—парализующе. Этими словами она высказывает то, что она знает и что она почувствовала. Но это, конечно, не все, что в ней произошло; также не обязательно, чтобы она могла во всем дать себе отчет. Влияние Росмера могло быть просто ширмой, за которой скрывается другое действие, и есть одна примечательная черта, ведущая нас в эту сторону.

Уже после ее признания в последнем разговоре, которым заканчивается драма, Росмер еще раз просит ее стать его женой. Он прощает ей преступление, совершенное благодаря любви к нему. И вот она отвечает не то, что должна бы ответить, не то, что никакое прощение не в силах освободить ее от чувства вины, возникшего в ней после коварного обмана несчастной Беаты; нет, она бросает себе другое обвинение, которое кажется нам странным в устах свободомыслящей и во всяком случае не заслуживающим того места, которое ему отводит Ребекка: «О дорогой мой,—никогда больше не возвращайся к

этому! Это невозможная вещь! Да! Потому что ты должен узнать это, Росмер: у меня есть прошлое позади меня». Она, конечно, делает намек на сексуальные отношения с другим мужчиной, которые у нее были, и нам следует обратить внимание, что эти отношения, существовавшие в то время, когда она была свободна и ни перед кем неответственна, кажутся ей большим препятствием для соединения с Росмером, чем ее действительно преступное поведение по отношению к его жене.

Росмер не желает и слушать об этом прошлом. Но мы можем разгадать, в чем дело, несмотря на то, что все, указывающее на эти отношения, остается в драме, так сказать, под спудом и должно быть отгадано по намекам. Правда, по намекам, вставленным с таким искусством, что невозможны никакие недоразумения.

Между первым отказом Ребекки и ее признанием случается одно событие, которое имеет решающее значение для ее дальнейшей судьбы. Ректор Кролль приходит к ней с тем, чтобы унижить ее сообщением, что она, как ему стало известно, незаконнорожденная, дочь того самого доктора Веста, которой сделал ее своей приемной дочерью, когда умерла ее мать. Ненависть обострила в нем инстинкты ищейки, но он не думал, что он скажет ей новость. «Я, право же, думал, что вы и так знаете все. Иначе было бы ведь странно, что вы согласились сделаться приемной дочерью доктора Веста». — «А потом он берет вас к себе, — тотчас же после смерти вашей матери. Обращается с вами жестоко. И вы все-таки остаетесь у него. Вы знаете, что он не оставит вам в наследство ни гроша. Ведь вы получили только ящик с книгами. И, тем не менее, вы держиваете эту жизнь у него. Терпеливо выносите его капризы. Ухаживаете за ним до самой последней минуты». — «То, что вы делали для него, я приписываю непроизвольному дочернему инстинкту. Да, впрочем, и во всем вашем образе действий я вижу результат вашего происхождения».

Но Кролль заблуждался. Ребекка не знала о том, что она была дочерью доктора Веста. Когда Кролль стал делать темные намеки на ее прошлое, она должна была предположить, что он имеет в виду нечто другое. Когда она поняла, на что он намекает, она еще в состоянии некоторое время владеть собой, так как она вправе думать, что ее враг принял за основу своих вычислений ту цифру ее лет, которую она непра-

вильно назвала во время одного ее визита к нему. Но Кролль победоносно отражает это возражение: «Пусть будет по-вашему. Но это не мешает правильности моего вычисления. Потому что доктор Вест приезжал на короткое время в вашу сторону за год до того, как получил там место». После этого сообщения она теряет все точки опоры. «Это неправда!»—

— Она ходит по комнате и ломает руки: «Эго невозможно. Вы просто хотите вбить мне это в голову. Ни за что на свете я этому не поверю. Не может этого быть! Не поверю я ни за что на свете!»—

Ее волнение столь сильно, что Кролль не может отнести его за счет своего сообщения:

Кролль: «Но голубушка,—скажите, ради самого господя, почему вы так горячитесь? Вы меня совсем напугали! Что мне думать? Что предполагать!»—

Ребекка: «Ничего равно. Вам нечего ни думать, ни предполагать.

Кролль: Так объясните же мне, пожалуйста, как можете вы принимать так близко к сердцу это обстоятельство,—эту возможность?

Ребекка (овладевая собой): Ведь это же совершенно просто, ректор Кролль. Мне вовсе не хочется, чтобы меня считали незаконнорожденной.

Загадочность поведения Ребекки допускает только одно решение. Известие, что доктор Вест мог быть ее отцом,—самый тяжкий удар, который мог ей достаться, так как она была не только приемной дочерью, но и любовницей этого человека. Когда Кролль завел свой разговор, она подумала, что он хочет намекнуть на эти отношения, которые она, по всей вероятности, и признала бы, сославшись на свою свободу. Но этого ректор и не думал делать; он ничего не знал об ее любовной связи с доктором Вест, она же ничего не знала о том, что Вест ее отец. И вот тогда, во время последнего отказа Росмеру, она отговаривается тем, что у нее есть прошлое, делающее ее недостойной стать его женою, то, конечно, она не может иметь ничего иного в виду, как именно эти любовные отношения. И если бы Росмер захотел узнать ее тайну, она, вероятно, сообщила бы ему тоже только часть тайны, скрыв самое тяжелое.

Теперь мы, разумеется, понимаем, что это прошлое кажется ей более тяжелой помехой к заключению брака, более тяже-

лым преступлением. Теперь, когда она узнала, что она была возлюбленной своего собственного отца, чувство вины пробивается в ней с страшной силой и подчиняет ее окончательно. Она делает Росмеру и Кроллю признание, клеймит себя, как преступницу, окончательно отказывается от счастья, путь к которому она очистила себе своим преступлением и снаряжается к отъезду. Но настоящий мотив ее чувства вины, заставляющий ее потерпеть крушение в момент успеха, остается скрытым. Мы видели, есть еще нечто совсем другое, чем атмосфера Росмерсгольма и нравственное влияние Росмера.

Тот, кто следил за нами до сих пор, не преминет сделать теперь одно возражение, которое может оправдать не одно сомнение. Первый отказ Ребекки Росмеру происходит, ведь, до второго визита Кролля, значит, до его открытия ее незаконного происхождения, и в такое время, когда она еще ничего не знает о своем инцесте,—если мы верно поняли автора. И все-таки отказ ее и энергичен, и серьезен. Сознание вины, побуждающее ее отказаться от плодов ее деяния, значит действовало в ней и до того, как ей пришлось узнать о ее капитальном преступлении; если же мы согласимся с этим, то надо, может быть, вообще отбросить инцест, как источник этого сознания вины.

До сих пор мы трактовали Ребекку Вест, как если бы она была живым лицом, а не созданием фантазии писателя Ибсена, руководимой одним из самых критических умов. Мы можем попытаться остаться на той же позиции, ликвидируя это возражение. Возражение правильно, кусочек совести проснулся в Ребекке и до получения сведений об инцесте. Ничто не препятствует свести эту перемену на то влияние, которое признает сама Ребекка и о котором она сожалеет. Но этим мы вовсе не освобождаемся от признания второго мотива. Поведение Ребекки во время сообщения ректора, ее признание, являющееся непосредственной реакцией на это сообщение—не оставляют сомнений, что только теперь начинает действовать более сильный и решающий мотив ее отказа. Дело именно в том, что это случай с сложной мотивацией, где за более поверхностным мотивом выступает на свет более глубокий. Требования поэтической экономии побудили к такому изображению случая, так как этот более глубокий мотив не должен был обсуждаться вслух; он должен был остаться прикрытым, ускользающим от слишком легкого восприятия театральным зрителем

или читателем; иначе, в зрительной зале или при чтении, могло бы возникнуть сильное сопротивление, так как могли быть задетыми мучительнейшие чувства: и воздействие спектакля могло бы стать весьма сомнительным.

Но мы вправе требовать, чтобы мотив, выдвинутый вперед, не был лишен внутренней связи с прикрываемым им более важным мотивом, но чтобы он являлся его дериватом, его смягченной формой. И если мы доверяем писателю, что его сознательная поэтическая комбинация последовательно выросла из бессознательных предпосылок, то мы можем сделать попытку показать, что это требование он выполнил. Чувство вины у Ребекки имеет своим источником обвинение в инцесте и до того, как ректор с аналитической остротой довел это обвинение до ее сознания. Если, сделав нужные дополнения и внося подробности, мы реконструируем ее прошлое по намекам автора, то мы должны будем сказать, что у нее не могло не быть подозрений, что связь ее матери и доктора Вест носила интимный характер. Когда она стала преемницей матери у этого человека, это должно было произвести на нее большое впечатление, и она находилась под властью эдиповского комплекса, хоть и не знала, что эта общая всем людям фантазия в ее жизни превратилась в действительность. Когда она попала в Росмергсгольм, то внутренняя власть ее первого переживания увлекла ее на то, чтобы деятельно и активно подготовить ту же самую ситуацию, которая в первый раз осуществилась без каких-либо шагов с ее стороны: она должна была устранить жену и мать и занять ее место при муже и отце. Она с редкой убедительностью описывает, как, против ее воли, что-то понуждало ее делать шаг за шагом к тому, чтобы убрать Беату.

«Но неужели же вы оба думаете, я действовала тогда с холодным и спокойным разсуждением! Не такая была я тогда, как теперь, когда стою перед вами и рассказываю вам это. И притом в человеке, как мне представляется, живут две разные воли. Я хотела устранить Беату. Тем или иным способом. Но никогда я не думала, что это все-таки случится. При каждом шаге вперед, который я пыталась и решалась сделать, внутри меня точно что-то кричало: Остановись теперь. Ни шагу дальше! — А между тем я не могла перестать. Я должна была попробовать пройти еще чуточку дальше. Одну

только чуточку. И потом еще одну—и еще и еще.—А потом это и случилось.—Вот как происходят подобные вещи.

Это не приукрашено, это правдивый отчет. Все, что произошло с ней в Росмерсгольме, влюбленность в Росмера и вражда к его жене, все это было результатом эдиповского комплекса, вынужденным повторением ее отношений к ее матери и к доктору Вест.

Вот почему чувство вины, заставляющее ее в первый раз отказать Росмеру, в сущности не отличается от того более сильного чувства, которое вынуждает ее после беседы с Кроллем на признание. И как под влиянием доктора Веста она стала свободомыслящей и ненавистницей религиозной морали, так новая любовь к Росмеру превратила ее в человека совести, в человека аристократического. Это все, что было понято ею самой в ее внутренних изменениях; поэтому она с полным правом могла указать на влияние Росмера, как на мотив перемены с нею, ибо мотив она осознала.

Врачам-психоаналитикам прекрасно известно, как часто грезят наяву на эту тему, заимствованную из эдиповского комплекса, молодые девушки, попадающие в какой-нибудь дом в качестве служанок, компаньенок или гувернанток; им то и дело, сознательно или бессознательно, представляется, что хозяйка дома окажется как-то отстраненной, а хозяин на них женится. «Росмерсгольм» — величайшее из всех произведений искусства, трактующих об этой повседневной девической фантазии. Но у героини Росмерсгольма этому сну наяву в прошлом предшествовала совершенно адекватная реальность; этот добавок превращает все произведение в трагическую поэму ¹⁾.

После долгого общения с поэзией вернемся снова к врачебным наблюдениям. Но только для того, чтобы в нескольких словах заявить о полном совпадении выводов. Психоаналитическая работа выясняет, что силы совести, заставляющие человека впадать в болезнь не от неудовлетворенности, как обычно, а в момент успеха, интимно связаны с эдиповским комплексом, с отношением к отцу и матери, как, может быть, и вообще все наше чувство!

¹⁾ Доказательство, что темой «Росмерсгольма» является инцест, уже было сделано О. Rank в его в высшей степени содержательной книге: *Das Inzest-Motiv in Dichtung und Sage*.

III.

Рассказывая о своей юности, особенно же о годах, предшествовавших периоду полового созревания (Vorpubertät), люди, часто даже весьма порядочные, сообщали мне о разных неоправданных поступках, в которых им случалось провиниться в эту пору жизни, о кражах, подлогах и даже поджогах. От таких сообщений я обыкновенно отделялся ссылкой на то, что моральные задержки в этом возрасте, как известно, слабо развиты, и не пытался установить связь этих явлений с чем-либо более значительным. Но, наконец, ряд ярких и более удобных для изучения случаев этого рода заставил меня заняться ими более основательно: проступки в этих случаях были совершены большими как раз, когда они у меня лечились, и все эти больные были люди уже перешедшие за пределы того периода юности, о котором шла речь. Была предпринята аналитическая работа, и результат ее оказался совершенно изумителен; выяснилось, что поступки эти были совершены прежде всего потому, что это были недозволенные поступки, и потому что выполнение их давало их виновнику известное душевное облегчение. Какое-то чувство вины давило его, происхождение этого чувства было неизвестно, это причиняло страдания—после того, как он совершал какой-нибудь проступок, давление оказывалось смягченным. Теперь чувство вины, по крайней мере, было как-то пристроено. Я должен утверждать, как бы парадоксально это ни звучало, что чувство вины существовало до проступка, что оно возникло не из него, а, наоборот, проступок обуславливался этим чувством. Людей этих с полным правом можно было бы назвать преступниками вследствие сознания вины. Предсуществование этого чувства вины, конечно, могло быть доказано целым рядом других проявлений и последствий.

Однако установка курьезного факта еще не указывает ни на какую цель научному исследованию. И возникают два вопроса: каково же происхождение этого темного сознания вины, существующего до проступка, и представляется ли вероятным, что причинность подобного рода играет более или менее значительную роль в совершаемых человечеством преступлениях.

Расследование первого вопроса обещало подвести нас к выяснению источника чувства вины вообще. Аналитическая

работа дала везде один и тот же вывод, что это темное ощущение вины имело своим источником комплекс Эдипа, было реакцией на оба великие преступные замысла: убить отца и иметь половые сношения с матерью. В сравнении с ними преступления, совершенные для фиксации] чувства вины, были во всяком случае облегчением для измучившихся людей. Здесь мы должны вспомнить, что отцеубийство и кровосмешение с матерью суть два великих человеческих преступления, единственные подвергающиеся преследованию и осуждению и в примитивных общественных союзах. Вспомним и о том, как близко мы в других исследованиях подошли к предположению, что совесть, теперь являющаяся наследственной душевной силой, приобретена человечеством в связи с комплексом Эдипа.

Задача ответа на второй из вопросов выходит за пределы психоаналитической работы. Что касается детей, то можно часто наблюдать, что они начинают «дурно» вести себя, чтобы спровоцировать наказание, а после кары становятся спокойны и довольны. Если предпринять в таких случаях аналитическое исследование, то часто нападаешь на следы чувства вины, заставлявшего их искать наказания. Из взрослых преступников надо отбросить всех тех, что совершают свои дела, не испытывая при этом чувства вины, или потому, что у них не выработалось никаких моральных задержек, или потому, что борясь с обществом, они считают себя вправе совершать такие поступки. Но для большинства остальных преступников, для тех, для которых собственно и создано уложение о наказаниях, возможность подобной мотивировки преступления должна была бы очень и очень приниматься во внимание; это могло бы осветить многие темные пункты в психологии преступника и дать новое психологическое обоснование и наказаниям.

Один из моих друзей обратил мое внимание на то, что и Нитцше был знаком «преступник благодаря чувству вины». Предсуществование чувства вины и пользование преступлением для рационализации этого чувства просвечивают для нас и в темных речах Заратустры «о бледном преступнике». Предоставим же исследованиям будущего времени вырешить, сколь многие из числа преступников принадлежат к этим «бледным».

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
1. Предисловие	3
2. S. Freud. Характер и анальная эротика	17
3. E. Jones. Об анально-эротических чертах характера	24
4. H. Hattinberg. Анальная эротика, любовь к страху и упрямство	52
5. J. Sadger. Уретральная эротика	73
6. J. Sadger. Эротика кожных и слизистых покровов и мышечной системы	125
7. S. Freud. Некоторые типы характеров из психоаналитической практики	165

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

МОСКВА — ПЕТРОГРАД.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: Москва, Софийка, уг. Рождественки, д. 4/8.

- Аксельрод, Л. (Ортгонкс).** Против идеализма. Критика некоторых идеалистических течений философской мысли. Стр. 239. Ц. 50 к.
- Бехтерев, В. М.** Общие основы рефлексологии человека. Руководство к объективно биологическому изучению личности. Изд. 2-е. Стр. 408. Ц. 3 р. 75 к.
- Бернштейн, А. Н.** Клинические приемы исследования душевных больных. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Стр. 79. Ц. 40 к.
- Блонский, П.** Педагогика. Стр. 164. Ц. 80 к.
- Гешдинг, Г.** Очерки психологии, основанной на опыте. Под ред. Я. Колубовского. Стр. 308. Ц. 2 р.
- Деборин, А.** Введение в философию диалектического материализма. Стр. 376. Ц. 80 к.
- Дьюи, Д.** Школа и ребенок. Изд. 2-е. Стр. 60. Ц. 30 к.
- Его же.** Психология и педагогика мышления. Изд. 2-е. Стр. 196. Ц. 50 к.
- Корнилов, К. Н.** Методика исследования ребенка раннего возраста. Изд. 2-е. Стр. 90. Ц. 50 к.
- Корнилов, К. Н., Рыбник, Н. А., Смирнов, В. Е.** Простейшие школьные психологические опыты, с 23 рис. Изд. 4-е. Стр. 112. Ц. 80 к.
- Клиническая диагностика внутренних и нервных болезней.** Под ред. Д. Плетнева. Стр. 368. Ц. 2 р. 50 к.
- Крепелин, Э.** Введение в психиатрическую клинику. Т. I. Общий обзор. Изд. 4-е, вновь перераб. Стр. 232. Ц. 1 р. 40 к.
- Лазурский, А. Ф.** Классификация личностей. Изд. 2-е. Стр. 368.
- Луначарский, А. В.** Основы позитивной эстетики. Стр. 133. Ц. 40 к.
- Павлов, И. П.** Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности у животных. Стр. 244. Ц. 1 р. 50 к.
- Розенштейн, Л. М.** Психические факторы в этиологии душевных болезней. Стр. 28. Ц. 60 к.
- Сборник статей по невропатологии.** Под ред. Л. С. Минор, Г. И. Россолимо, В. К. Хорошко. Стр. 163. Ц. 2 р.
- Тарасевич, Л. А.** Курс общей патологии. Введение к изучению физиологии больного организма. Изд. 4-е, исправл. и дополн. Стр. 352.
- Труды соединенных заседаний петроградского и московского общества патологов.** Под ред. П. П. Аничкова и А. И. Абрикосова. Стр. 119. Ц. 1 р.
- Фрейд, З.** Лекции по введению в психоанализ. Вып. I. Изд. 2-е. Стр. 249. Ц. 1 р.
- Его же.** Лекции по введению в психоанализ. Вып. II. Стр. 250. Ц. 1 р. 30 к.
- Его же.** Основные психологические теории в психоанализе. Сборник статей. Стр. 206. Ц. 1 р. 30 к.
- Его же.** Методика и техника психоанализа. Стр. 233. Ц. 75 к.

